

2021

ТОМ: 2

■
ГОМЕР: 3

ЖУРНАЛ
КЛИНИЧЕСКОГО
И ПРИКЛАДНОГО
ПСИХОАНАЛИЗА

■

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том II. № 3. 2021.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

Адрес редакции:
НИУ ВШЭ,
Кафедра психоанализа
и бизнес-консультирования
департамента психологии,
ул. Мясницкая, д. 20, каб. 410,
Москва, 101001
Тел.: +7 (495) 772 95 90
E-mail: arossokhin@hse.ru

Электронный журнал «Журнал клинического и прикладного психоанализа» издается с 2020 года. Учредителями журнала являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Андрей Владимирович Россохин (<https://www.hse.ru/staff/rossokhin>) – главный редактор.

Миссия журнала – содействие развитию психоаналитического знания во всех областях его возможного применения, создание открытой творческой площадки для встречи российских и зарубежных психоаналитиков, психоаналитически ориентированных практиков и исследователей из разных клинических и прикладных сообществ и университетов.

Основные цели журнала:

- интеграция отечественных научных, клинических и прикладных психоаналитических исследований на базе Журнала;
- знакомство читателей с ключевыми зарубежными публикациями в клиническом и прикладном психоанализе;
- создание публикационного междисциплинарного пространства, позволяющего специалистам-психоаналитикам взаимодействовать с представителями других наук;
- поддержка научных теоретических и эмпирических исследований по клиническому и прикладному психоанализу;
- содействие интеграции современного российского психоанализа в более широкий контекст мировой психоаналитической теории и практики;
- открытие новых направлений в дискуссионном психоаналитическом поле;
- знакомство с новейшими тенденциями в российской и мировой психоаналитической практике.

Доступ к электронному журналу постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru>
Каждый номер содержится в едином файле (в PDF).

Требования к авторам изложены на

https://psychoanalysis-journal.hse.ru/auth_req.html

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят анонимное рецензирование. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры. Плата за публикацию статьей не взимается.

С публикационной этикой можно ознакомиться на

<https://psychoanalysis-journal.hse.ru/etika>

Редакция

Главный редактор Россохин А.В., доктор психол. наук, профессор, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Заместители главного редактора:

Чершинцева М.А., кандидат культурологии

Чекункова О.В., кандидат Парижского психоаналитического общества

Карпов А.Н., кандидат философских наук

Редактор выпуска: Чершинцева М.А.

Литературный редактор, корректор: Озерская Т.Ю.

Вёрстка: Михайлова Ю.С.

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том II. № 3. 2021.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Клинический психоанализ:

Барюк Кларисс (Франция), Ph.D., почетный профессор психологии университета Париж-Х – Нантер, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), Президент Парижского психоаналитического общества (SPP)

Евсеева М.Л. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA)

Дяткин Жильбер (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, директор восточно-европейского образовательного направления Парижского института психоанализа

Жибо Ален (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-Президент Европейской федерации психоанализа (EPF), экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов

Леви Руджеро (Бразилия), Ph.D., тренинг-аналитик Психоаналитического общества Порто-Алегре (SPPA), член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации

Капсамбелис Василис (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов, экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13 округа Парижа (AMS 13)

Майн Н.В. (Россия), канд. психол. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Коротецкая А.И. (Россия), член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Миназье Николь (Бельгия), Ph.D., титулярный член Бельгийского психоаналитического общества, экс-Президент Бельгийского психоаналитического общества

Потапова В.А. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), экс-Президент Московского Общества психоаналитиков (МОП)

Рибас Дени (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, экс-главный редактор «Журнала французского психоанализа» (Revue française de psychanalyse)

Ришар Франсуа (Франция), Ph.D., профессор Университета Париж-VII имени Дени Дидро, директор Центра исследований психопатологии и психоанализа Университета Париж-VII имени Дени Дидро, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Романов И.Ю. (Украина), обучающий психоаналитик Украинского психоаналитического общества, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Россохин А.В. (Россия), д. психол. наук, проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Руссийон Рене (Франция), Ph.D., профессор клинической психологии и директор департамента клинической психологии Университета Люмьер Лион 2, экс-президент Лионской группы психоанализа, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Станкевич Т.Л. (Россия), Ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Фусу Л.И. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Шафер Жаклин (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества, лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987)

Чибис В.О. (Россия), Канд. мед. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Чивитарезе Джузеппе (Италия), Ph.D., обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации (SPI), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Эриль Ален (Франция), Ph.D., член Французской ассоциации психотерапевтов и Парижской ассоциации психоаналитического обучения и фрейдовских исследований «Espace analytique», профессор Université Paris XII, La Sorbonne (Paris III)

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том II. № 3. 2021.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Прикладной психоанализ:

Анжелло Елизабет (Франция), *Ph.D., профессор менеджмента международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD) во Франции, Сингапуре и Дубае, директор-основатель Института Кетса де Вриса (KDVT), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Евдокименко А.С. (Россия), *канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, эксперт Oxford Russia Fund*

Кетс де Врис Манфред (Франция), *Ph.D., профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и экс-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант. Член Международной психоаналитической ассоциации (ИПА). Экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).*

Кранц Джеймс (США), *Ph.D., профессор Йельского университета (Yale University). Управляющий директор консалтинговой компании Worklab (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Кречмер Томас (Германия), *Ph.D., основатель и директор Института психики (Mind Institute SE), член Международного общества психоаналитического исследования организаций, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Лейкина А.С. (Россия), *канд. филолог. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Лонг Сьюзан (Австралия), *Ph.D., профессор менеджмента Университета RMIT в Мельбурне, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Мамедов Шираз (Россия), *Ph.D., профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Медведев В.А. (Россия, Эстония), *канд. философ. наук, действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP), руководитель международного исследовательского проекта «RUSSIAN IMAGO». Директор образовательных программ Санкт-Петербургского психологического центра*

Мерски Роуз (США, Германия), *Ph.D., экс-Президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Морган-Джонс Ричард (Великобритания), *Ph.D., член Британского психоаналитического Совета, член Совета Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, действующий супервизор и тренинг-терапевт общества British Psychotherapy Foundation, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Рафаелли Дерек (Великобритания), *Ph.D., член-корреспондент Британского Психологического Общества, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), член Британского психоаналитического Совета, член Совета Waiswater Institute, организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Рингер Мартин (Новая Зеландия), *Ph.D., профессор Edith Cowan University, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Россохин А.В. (Россия), *д. психол. н., проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества, почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования*

Сиверс Бурхард (Германия), *Ph.D., почетный профессор по Организационному развитию в Школе бизнеса и экономики им. Шумпетера, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Стрижова Е.А. (Россия), *канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Таккер Саймон (Великобритания), *Ph.D., проф., программы по орг. консультированию и стратегическому лидерству в Клинике Тависток, экс-исполнительный директор OPUS (Organisation for Promoting Understanding of Society and organisations within society), организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Уорд Грэм (Великобритания), *директор программ в Глобальном Центре лидерства INSEAD, член Американской Психологической Ассоциации (APA), член Международного Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO) и Международной Организации Клинического Коучинга (ICCO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Шенкман А.И. (Россия), *Доктор эконом. наук, профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Хиршорн Ларри (США), *Ph.D., профессор Fielding Graduate University (Санта Барбара, Калифорния), University of Pennsylvania и Wharton School. Основатель и партнер консалтинговой компании CFAR (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Шаповалова Е.В. (Россия), *ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solution, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Совета Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК)*

**Журнал клинического
и прикладного психоанализа
Том II
№ 3.2021**

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕКСТЫ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Андре Грин
Нарциссизм и психоанализ: вчера и сегодня 6

КАДР В ПСИХОАНАЛИЗЕ

Коротецкая А.И.
Аналитик и кадр 24

Майн Н.В.
Нарциссические и эдипальные аспекты кадра 35

Россохин А.В.
Изменчивая неизменность психоаналитического кадра 45

Станкевич Т.Л.
Психоаналитический опыт переживания времени – время, которое не течет 63

Фусу Л.И.
Дефицитарность кадра 71

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ДИНАМИКА В СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Роуз Мерски

Современные методологии диагностики и воздействия на бессознательную динамику в организациях: исследование дизайна методологии, парадигмы консультанта и ценности для организации

77

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИДЕРСТВА

Шаповалова Е.В., Байзарова А.В.

Роль лидера как носителя власти и авторитета в группе/команде: психоаналитический взгляд

103

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА

Виниченко В.Ю.

Психоаналитическое прочтение случая суданского иммигранта Мустафы Саида в романе Тайиб Салиха «Сезон миграции на Север»

124

Галенкова Е.В.

Беспомощность и всемогущество в жизни и творчестве Оноре де Бальзака

152

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕКСТЫ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Нарциссизм и психоанализ: вчера и сегодня *Предисловие к книге «Нарциссизм жизни. Нарциссизм смерти» (1983)*

Андре Грин

(Перевод с фр. и науч. ред.: А. И. Коротецкая)

Андре Грин – французский психоаналитик (1927–2012) – титулярный член Парижского психоаналитического общества, почетный член Британского психоаналитического общества. Автор многочисленных книг и статей.

Предисловие к основному труду А. Грина о нарциссизме, развитие фрейдовской теории нарциссизма постфрейдистами. Показан вклад Хартманна, Когута, Мелани Кляйн, французских психоаналитиков Грюнберже, Лакана. Изложена теория о нарциссизме смерти, ничто, нейтральности, теория о нарциссизме жизни.

Ключевые слова: Андре Грин, теория нарциссизма, нарциссизм жизни, нарциссизм смерти, ничто, нейтральность, З. Фрейд, постфрейдисты.

«Дай зеркало, и все я в нем прочту».
IV, 1

*«В одном лице я здесь играю многих,
Но все они судьбою недовольны».*
V, 5

*«Но, кем бы я ни стал,
И всякий, если только человек он,
Ничем не будет никогда доволен
И обретет покой, лишь став ничем».*
V, 5

*«Душа, с греховной плотью распростиись.
Твой трон на небе – отлетай же ввысь!»*
V, 5, III

Шекспир. Ричард II

Предисловие

Aux heures du verger

Анализировать означает подчиниться компактной и зачастую смешанной массе фактов – к тому же отказываясь воспринимать их в кажущемся единстве дискурса и пытаюсь дифференцировать их согласно такой оси, которая должна выявить другие, незримые составляющие объекта, в коих и выявляется подлинная его природа. Такая идеальная цель труднодостижима, мы удаляемся от объекта мира физического и стремимся приблизиться к объекту из мира психического. Происходит это по причине того, что объекты мира физического отвечают на наши вопросы пассивным образом, тогда как человеческие объекты реагируют активным сопротивлением, препятствуя своему раскрытию, если возможно использовать этот термин для описания результатов подобного исследования.

Одной из главных причин такой устойчивой оппозиции, когда анализ сосредоточен на Я, является нарциссизм. Цемент, поддерживающий целостность Я, собрал все его составляющие для достижения формальной идентичности, столь бесценной для чувства собственного бытия, как и для смысла, посредством которого он себя понимает в качестве существа.

Таким образом, нарциссизм является одной из самых яростных сил сопротивления анализу. Не является ли такая защита Единого, Одного, Цельного (l'Un) *ipso facto* отказом от бессознательного, подразумевающего существование части психики, которая действует от собственного имени и держит в узде империю Я? И тогда, не будь такой защиты, аналитический метод необходимым условием приведет к индивидуализированию существования Я и его функции? Потому что в этом мы находим еще одно препятствие для анализа человеческих объектов, ось и состав которых не даются прямому постижению разума в результате наблюдения и дедукции. И можно бы даже отрицать, что психоаналитическая теория проистекает из опыта, поскольку сетка интерпретаций, по-видимому, должна предшествовать пониманию, каким бы частичным оно ни было, психических событий и даже больше – структуры субъекта.

Для Фрейда нарциссизм оставался в некотором роде за скобками. Если сексуальность остается непровержимой на протяжении всей теории создателя психоанализа, ее власть всегда оспаривается противоположной силой, понимание которой менялась с течением лет. До нарциссизма это были влечения самосохранения, после нарциссизма – влечение к смерти. В межцарствии между первой и последней теориями влечений нарциссизм понимался как следствие либидизации влечений Я, которые относились в ту пору к влечениям самосохранения. Безусловно, для Фрейда было решительным шагом привнести сексуальность в Я, когда, казалось, что оно избежало ее, сексуальности, хватки. Фрейд полагал, что нашел в нарциссизме причину недоступности некоторых пациентов психоанализу. Либидо, отвернувшись от объектов и вернувшись в Я, избегало переноса в любом смысле этого слова и, следовательно, какой-либо проработки психосексуальности, нашедшей убежище в неприкосновенном

святилище. В то время Фрейд считал, что фундаментальное нарушение при психозах происходит от этого изъятия либидо, которое нашло больше удовлетворения в своем обретенном убежище, нежели в приключениях объектного либидо – источнике других удовольствий, а также и множества разочарований, угроз, неопределенностей.

Необходимо было, таким образом, открыть нарциссизм как подсистему психики, прежде чем появилась возможность определить его место в топике, динамике и экономике либидо. Такое измерение психической жизни не сразу утвердилось в психоанализе. Фрейду потребовалось почти 20 лет размышлений и опыта, прежде чем он предположил гипотезу касательно данного вопроса в своей основополагающей на эту тему работе: «О введении в нарциссизм» (1914). Для аналитиков это теоретическое приобретение казалось уместным и проясняющим; и каково же было их удивление, когда меньше через семь лет в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1921) Фрейд заявил, что эта уместность была иллюзорной, так как привела к монистической концепции либидо.

В целом нарциссизм оказался приманкой, тем более эффективной, что он подверг всю теорию соблазну, выражением которого он сам и являлся: иллюзия единства, возложенная на этот раз на либидо. Затем Фрейд решил положить конец поворотам своей мысли, предложив последнюю теорию влечений, противопоставляющую влечение (к) жизни и влечение (к) смерти. Гипотеза о влечении к смерти должна была спровоцировать противоречия. Сексуальность, в свою очередь, изменила статус. Отныне не сексуальные влечения, а влечение к жизни будет противостоять влечению к смерти.

То, что, казалось бы, было всего лишь нюансом, обернулось многими последствиями. Потому что перед призраком смерти единственным ее противником, остающимся на высоте, оказался Эрос – метафорическая фигура влечения к жизни. Что объединяет в себе это новое наименование? Сумма ранее описанных влечений, которые теперь собраны под единым началом, включает: влечение самосохранения, сексуальные влечения, либидо объекта и нарциссизм. В целом все составляющие прошлых теорий влечений – это не более чем подмножества, объединенные одной функцией: защита и осуществление (выполнение) жизни Эросом против разрушительного действия влечения к смерти.

Мы видим, в какой мере любовь, которая кажется само собой разумеющейся, являясь «естественной», подвергается нападкам со всех сторон. Она должна не только столкнуться с грозным противником, который всегда побеждает, но также страдает от разногласий, которые раздирают ее собственный лагерь, причем каждая из составляющих находится в конфликте с другими в рамках самого влечения к жизни. Итак, в самой жизни некоторые силы – сам принцип удовольствия! – непреднамеренно сотрудничают с влечением к смерти. Нужно было иметь смелость предложить психоаналитикам, все еще опьяненным аппетитом к завоеванию, принять эту непримиримую армию теней – сил смерти, что подрывало их терапевтические усилия.

То, что было вначале только предположением, которое не заставляло психоаналитиков принимать его, должно было – в течение лет подтвержденное клиникой, а также наблюдением социальных явлений – стать уверенностью, по меньшей мере для Фрейда, так как нельзя сказать, что в этом он имел последователей¹. Аналитическое сообщество, похоже, было более склонно обсуждать теоретические нововведения Фрейда, чем проявлять приверженность новой теории, в которой нарциссизм занимал центральное место.

Еще одна причина забыть нарциссизм, как для Фрейда, так и для его учеников, может быть вызвана созданием второй топики, которая включала новый взгляд и переоценку Я. Это нововведение было принято гораздо лучше, чем влечение к смерти. Фрейд, казалось, хотел подорвать моральный дух своей армии, поскольку враг, который разрушал надежды на лечение, оказался практически непобедимым. Таким образом, можно было ожидать, в угоду новой концепции Я, возобновление проблем, которые ставит нарциссизм с точки зрения второй топики и последней теории влечений, в попытке интегрировать приобретения прошлого и открытия настоящего. Этого не случилось. Стремился ли Фрейд, безусловно упрекавший себя за то, что поддался влиянию Юнга, подчеркнуто порвать со своими прежними взглядами? Возможно. Но несомненно, что нарциссизм в его работах будет все больше и больше уступать территории разрушительным влечениям. Очевиден пересмотр его нозографических взглядов: если ранее сфера нарциссических неврозов ограничивалась только меланхолией, или, если хотите, маниакально-депрессивным психозом, то теперь и шизофрения, и паранойя подпадают под этот же этиопатогенез. Что касается меланхолии, то она, оставаясь под юрисдикцией нарциссизма, была тем не менее теперь описана как выражение чистой культуры влечения к смерти. Таким образом, существует необходимость найти связи между нарциссизмом и смертью, об этом Фрейд не позаботился и оставил нам заботу этого открытия. Подавляющее большинство трудов, собранных в данной книге, явно или неявно рассматривает связь между нарциссизмом и влечением к смерти – то, что я предложил назвать «отрицательным нарциссизмом».

После Фрейда судьба нарциссизма раздваивается. В Европе работы Мелани Кляйн, полностью сосредоточенные на последней теории влечений Фрейда – она, возможно, единственный автор, который действительно серьезно воспринял идею деструктивных влечений, придавая им самое различное содержание, – игнорируют нарциссизм. Среди кляйнианцев только Х. Розенфельд попытался интегрировать нарциссизм в кляйнианские концепции, ни Х. Сегал, ни Мельцер, ни Блон не отводили ему

---

¹ Abregel. В 1971 году Международная психоаналитическая ассоциация, которая отметит возвращение Фрейда в Вену в лице его дочери Анны по случаю Международного психоаналитического конгресса, предложила в качестве темы для размышления в ее научных дебатах агрессивность. Можно было констатировать, что через пятьдесят лет после «По ту сторону принципа удовольствия» почти все аналитики относились скептически к существованию влечений к смерти, кроме кляйнианцев. Однако последние придают ему совсем иное значение, чем Фрейд.

места в своих теоретических разработках. В трудах Винникотта, несмотря на их глубокое отличие от теорий Мелани Кляйн, нарциссизму также не уделяется внимания.

Но на другой стороне Атлантики нарциссизм был возрожден из пепла, сначала под пером Хартмана, хотя и относительно случайным образом. Подлинное же возвращение нарциссизма в психоанализ связано с работами Кохута. Его книга «Анализ самости» (The Analysis of Self) снискала огромную популярность. Кохут вскоре создал свою школу, встретившую изрядное сопротивление. Прежде всего, со стороны тех, кто считал себя «классическими фрейдистами» – являвшимися на самом деле хартманцами, – не вполне понимавшими, на чем основана их оппозиция, потому что чтение Кохута позволяет включить его в последовательность Фрейда и Хартмана или, точнее, в то, как Фрейд интерпретируется Хартманом. Несомненно, есть пространство для дискуссий и о способах понимания материала, сообщенного анализантами, и о способах необходимого ответа на этот материал. Но возражения наступили и по другим причинам: Кернберг особо защищал концепцию объектных отношений, которая отчасти восходит к Мелани Кляйн – несмотря на критиков, которые оспаривают ее теории, – и в значительной степени к Эдит Якобсон, чьи работы недостаточно оценены. Более того, и Кохут, и Кернберг, оба очень оспариваются английской школой, при том что их фундаментальные постулаты очень различаются.

Все это не помешало Кохуту прослыть теоретиком, который преуспел в воскрешении нарциссизма. Ошибочно. Ибо, если бы психоаналитическое сообщество не игнорировало, иногда с проявлением неуважения, труды французского психоанализа, оно бы признало, что во Франции Кохуту предшествовал Грюнбергер. И если бы Лакан не был жертвой многолетнего ostracism, который был снят лишь недавно, можно было бы заметить, что нарциссизм является центральным элементом его теоретического аппарата. Послевоенное французское психоаналитическое движение всегда уделяло наибольшее внимание нарциссизму, хотя в этой области, как и в других, были представлены более или менее различные концепции. И тут, если мне будет позволено говорить о моем собственном вкладе, информированный читатель легко поймет, что точка зрения, которую я разделяю, отличается от позиций Лакана и Грюнбергера.

Вместо сожаления о том, что нет согласия по такому центральному вопросу, нам следует, напротив, радоваться, что теоретические построения, основанные на различном понимании, оживляют дискуссию по этой теме, ибо ясность происходит только из конфронтации идей.

Дискуссии о нарциссизме, имеющие место сегодня, по-прежнему основаны на проблеме, которую изначально поставили некорректно. Вопрос сводится к тому, можем ли мы приписывать нарциссизму автономию или должны рассматривать проблемы, которые он поднимает, как судьбу одного из множества влечений, необходимо находящуюся в тесной связи с судьбами других. Со своей стороны я не вижу необходимости выбирать между этими двумя теоретическими стратегиями. Действительно, клинические наблюдения позволяют нам думать, что существует множество

нарциссических структур и нарциссических переносов, в которых нарциссизм находится в центре конфликта. Но ни один из них нельзя осмысливать и интерпретировать отдельно от других, пренебрегая как объективными отношениями, так и общей проблематикой отношений Я с эротическим и деструктивным либидо. Все это – вопрос суждения, это решение, которое аналитик вынужден нести в одиночку, не имея возможности в аналитической ситуации рассчитывать на какое-то мнение, кроме своего собственного, настолько ясного, насколько оно таковым может быть. И это суждение чаще всего является интуитивным, чтобы не сказать воображаемым.

Распространенность нарциссизма в некоторых клинических аспектах наводит на мысль, что в психическом аппарате должна существовать организация, достаточно сильная для того, чтобы собирать вокруг себя инвестиции одинаковой природы, которые при этом обладают различными характеристиками и заслуживают того, чтобы «быть отличающимися» друг от друга. Это не обязательно означает, что формирование нарциссических структур следует совершенно отдельному развитию, обусловленному внутренними силами, независимо от объект-ориентированного влечения. Желание это прояснить должно подтолкнуть нас к решению того, что является причиной, а что – следствием в отношениях между Я-либидо и объектным либидо, особенно в свете последней теории влечений. Возможно, именно эта озабоченность причиной ответственна за некоторую путаницу в обсуждении. Ибо вместо того, чтобы в одержимости концепцией развития воссоздавать компоненты эволюции психического аппарата и определять те точки, о которые она спотыкается, было бы полезнее уточнить организацию клинических конфигураций и признать тип согласованности, которому они подчиняются, чтобы вывести оси, организующие психику. Чаще все попытки решить (во имя научности, отказывающейся признать высокую степень предположительности любой конструкции или реконструкции инфантильной психики), являются ли наблюдаемые проявления первичными или вторичными, сводятся к беспредметным поединкам, особенно в том, что касается нарциссизма, потому что мы не можем притянуть к этому какое-либо учение, поверяемое наблюдением, поскольку связанные с ним явления относятся к наиболее внутренним областям внутреннего мира субъекта. В точке, где мы находимся, эвристическая ценность противоречивых теорий оценивается в области клинических фактов, которые они могут восстановить и на учет которых они претендуют. Если клинические формы, которые можно привязать к архаическим функциям, бывают зачастую неясными, не всегда позволяя четко воспринимать различия, постулируемые в метапсихологии, маловероятно, что все явления, относимые к нарциссизму, являются продуктами преобразования влечений, которые были бы ему чужды. Оправданно предположение о том, даже если на настоящий момент картина и неясна, что существует некое преобразование влечений, чьи черты позже будут проявляться и раскрываться с полным расцветом характеристик, которые все обозначают как нарциссические.

Полностью признавая за нарциссизмом его право на существование в качестве полноценного понятия, тем не менее невозможно не поставить вопросы о его отношениях с гомосексуальностью (сознательной или бессознательной) и с ненавистью (по отношению к другому или к себе). Ясно, что, упоминая этих, самых ближайших «соседей», мы вынуждены принимать во внимание все остальные теоретические концепции психоанализа, которые относятся к объектным влечениям, к Я, к Сверх-Я, к идеалу Я, к реальности и к объекту.

Точно так же, если существует очень тесная связь между нарциссизмом и депрессией, как это заметил еще Фрейд, то мне кажется столь же бесспорным и тот факт, что проблемы нарциссизма выходят на передний план при неврозах характера – сколь бы неожиданным это ни было, и не только когда речь идет о выраженной шизоидности – при психосоматической патологии и, *last but not least*, в пограничных случаях. Слишком четкое различие нарциссических структур и пограничных случаев имеет как результат лишь их искусственное разделение, что достаточно скоро опровергается сложностью клинических проявлений. И это не говоря о нарциссической составляющей, неизбежно присутствующей в неврозах переноса. В сущности, как только конфликтующая организация касается регрессивных слоев, лежащих за пределами классических фиксаций, наблюдаемых в неврозах переноса, доля, которую занимает нарциссизм, оказывается более важной, даже в тех конфликтах, где он не находится в доминирующем положении.

В литературе часто поднимается вопрос об отношениях между нарциссической структурой и пограничными случаями, которые, похоже, в равной мере интересуют современных авторов работ по психоанализу. Небезынтересно отметить, что Кохут, ратовавший за автономию нарциссизма, четко разделил пограничные случаи и нарциссические структуры и посвятил последние годы своей жизни исключительно изучению нарциссических структур. В то же время Кернберг, который не соглашался с этим утверждением об автономии, признавая, впрочем, обоснованность клинического разделения, писал и о тех, и о других. Сторонники категории «нарциссизм», кажется, стремятся воздать ему почести, достойные божества, недооцененного в психоаналитическом пантеоне.

Что касается меня, я придерживаюсь той же позиции в вопросе о клинике, которую я отстаивал и в отношении теории. Думаю, трудно спорить с тем, что некоторые структуры заслуживают индивидуализации с точки зрения нарциссизма, однако, на мой взгляд, было бы неверно преувеличивать различия между нарциссическими структурами и пограничными случаями. Если, как я полагаю, нужно понимать пограничность как концепт, а не просто эмпирическим путем размещать *borderlines* на границах психоза, то как же нарциссизм может оставаться от этого в стороне?

Эти нозографические замечания не всегда приветствуются, я это знаю. И если я продолжаю обращаться к ним, то не только, как говорится, ради стенографирования клинических наблюдений, но и потому, что я убежден в наличии между метапсихологией и нозографией отношений более тесных, чем мы привыкли думать. Дело в том, что, так же как у нозографии

нет другой задачи, кроме демонстрации связи между некоторыми совокупностями психических свойств, которые структурированы согласно своей особой кристаллической решетке – и здесь важна не наблюдаемая частота, а закономерное стремление постичь структурную четкость организующих моделей, – так и метапсихология, в широком смысле слова, имеет своей целью определение принципов функционирования, направляющих осей, функционально различающихся подмножеств, которые действуют совместно или противоположно друг другу.

Нозографию упрекали в том, что она отдает предпочтение структуре в ее фиксированном виде и не придает достаточного значения психическому динамизму, на котором аналитик основывает свои надежды на изменение психического функционирования анализанта. Возможно, это упрек, оправданный в отношении психиатрической нозографии, но он уж точно не обоснован в том случае, когда дело касается психоаналитической нозографии.

Потому что, если она действительно определяет некую когерентность в психопатологической организации и отличает ее в различных модальностях, она не менее озадачена пониманием того, как они, эти модальности, между собой взаимодействуют, а также как анализант при помощи переноса может перейти от одного к другому в регрессивном или прогрессивном смысле. Пренебрегая нозографией, аналитики предпочитают думать об уникальности их анализантов, что является необходимым отношением для того, кто проводит анализ личности. Это было бы деперсонализацией анализанта – думать лишь о его бессознательных конфликтах в терминах категорий и классификаций. В данном случае недовольство вполне понятно и закономерно. Но чтобы сосредоточиться на анализе специфики эдипова комплекса того или иного анализанта, сможем ли мы отрицать, что мы говорим про эдипов комплекс как про над-индивидуальную структуру? Возможно, такого рода возражение еще более объяснимо, когда речь идет о нарциссизме. Известно, что нарциссизм имеет плохую репутацию. Редко когда нарцисс получает хвалебное определение. Нарциссы раздражают, пожалуй, даже больше, чем перверты. Возможно, потому, что мы можем мечтать быть объектом желания перверта, в то время как нарцисс не имеет другого объекта желания, кроме себя самого. Нарцисс отрицает Эхо так же, как анализанты, которые-не-делают-перенос-великолепно-игнорируя нас.

И здесь стоит напомнить ряд очевидных истин: нарциссы – травмированные субъекты, то есть испытывающие недостаток в собственном нарциссизме. Нередко то разочарование, раны от которого у них еще не зажили, связано не с одним из родителей, а с обоими. Кого же им в таком случае остается любить, как не самих себя? Конечно, нарциссическая рана, причиненная инфантильному всемогуществу, прямым способом или проецируемая на родителей, – это тот крест, который все вынуждены нести. Но известно, что некоторые никогда от этого не оправляются, даже после анализа. Они остаются такими же уязвимыми, а анализ позволяет им лучше использовать свои защитные механизмы для избегания ран, но они не смогли приобрести такую шкуру, которая у других занимает место кожи.

Ни один субъект не страдает больше, чем нарцисс, оттого что его каталогизируют под общей рубрикой, ведь его заботой является быть не просто единственным, но и неповторимым, не имеющим ни предков, ни преемников.

Было бы легко упрекать психоаналитические концепции в том же, что и нозографию, и отрицать возможность существования нарциссической структуры и даже самого нарциссизма в качестве автономных организаций. Но в таком случае подобное необходимо предпринять по отношению к мазохизму и многим другим понятиям. Это возможность показать, что самое сильное выражение эротизма включает в себя замаскированные агрессивные цели и наоборот. Что же в таких случаях произойдет с аналитическими требованиями отделить, различить, изменить запутанную сложность, чтобы переделать ее, на основе ее неочевидных компонентов?

Метапсихология не имеет немедленных клинических и технических применений. Всем известны отличные аналитики, которые ее игнорируют более или менее нарочито. Что не мешает их аналитической практике основываться на бессознательной метапсихологии, которая направляет их размышления в сторону ассоциативной активности, «плавающей» более или менее внимательно. Метапсихология хороша лишь для обдумывания. И всегда в последствии, не в аналитическом кресле, но в кресле, в котором сидит аналитик перед белым листом, который стимулирует или подавляет его умственную деятельность.

Как я уже писал выше, то, что следует обдумывать сквозь призму нарциссизма, было бы невысказано при полной изоляции этого понятия, при его изучении отдельно от всего остального. Для того чтобы лучше понять его природу, в некоторые моменты размышлений действительно лучше остаться с ним, с собственным нарциссизмом, наедине, то есть глубоко погрузиться в себя, поскольку он находится в самом сердце нашего Я. Он, собственный нарциссизм – та центростремительная сила, которая не желает знать ничего о наиболее глубоком внутри себя, так как там нет ничего другого, кроме личных догадок о собственном смысле при противопоставлении объекта и инстанции Я. Отношения последних сложны, так как понятие объектной связи включает для некоторых авторов также и нарциссические отношения Я с самим собой. Самая классическая теория допускает существование нарциссических инвестиций объекта еще до того, как Кохут предложил гипотезу *self-objects* (селф-объектов), которые являются лишь производными от нарциссизма.

Во всяком случае, существует один консенсус между сторонниками противоположных теорий; завершение созревания как Я, так и либидо проявляется, в частности, в способности Я признать объект как таковой, а не только как простую проекцию Я. Является ли это, так же как генитальные отношения, нормативной целью, которую необходимо привязать к идеологии психоанализа? Доступна ли такая цель способностям психического аппарата, находится ли она в пределах досягаемости психоаналитического лечения? Считаю, что в данном вопросе чрезмерный догматизм – как в ту, так и в другую сторону – быстро запускает непоследовательность. Ибо не более последовательным было бы утверждение

полного, окончательного и неизлечимого отчуждения желания от его нарциссизма, что является не менее идеологически четким и столь же нелогичным, как и заявление о том, что рано или поздно объект предстанет в своем истинном обличье. Так или иначе помещение в перспективу Я (нарциссического) и объекта совершенно необходимо; она отражает все вариации спектра, от субъективного ослепления до истинной встречи.

Я задаюсь вопросом о том, может ли такое случиться, что, пока мы ни о чем не подозреваем, некая новая метапсихология, что-то вроде третьей топики, исподволь закрепится в психоаналитической мысли, и теоретическими полюсами ее станут самость и объект? Под давлением опыта у психоаналитиков появилась потребность в теоретической конструкции, более глубоко укорененной в клинике. Другими словами, мы не имели бы практику с одной стороны а теорию – с другой, теорию, которая являлась бы лишь – это не случай Фрейда – теорией клиники.

Таким образом, перенос не является более одной из концепций психоанализа наподобие других, он является условием, начиная с которого можно будет думать об остальном. И также – контрперенос не ограничивается лишь поиском нерешенных или непроанализированных конфликтов у аналитика, способных исказить его слушание; он становится коррелятом переноса, идя рядом с ним, индуцируя его, а иногда предшествуя ему.

Если за последние десятилетия в психоанализе возникло что-то новое, то искать его следует в области осмысления отношений в паре. Это позволило бы нам избавить теорию Фрейда от духа солипсизма. Стоит отметить, что при перечитывании трудов Фрейда часто складывается впечатление, будто все, что он описывает, как бы выходит на свет помимо его собственного взгляда или, если он описывает клинические случаи, помимо его действий. Когда он описывает психическую жизнь воображаемого ребенка, говоря о сексуальности или о Я, кажется, что этот ребенок следует по заранее заданному пути, а остановки, блокировки, смена направления, в сущности, лишь в малой мере связаны с его отношениями с родительскими объектами.

Короче говоря, Фрейд минимизировал одновременно и роль своего собственного нарциссизма, и нарциссизма объекта.

Формулируя вещи таким образом, мы не обязательно делаем их более ясными. Ибо реверанс в сторону клиники не говорит, о какой клинике идет речь. Если молчаливая метапсихология отношений самость – Soi-объект постепенно навязывалась, то это потому, что она лучше отражает клинические аспекты современного анализа, который классические модели фрейдистской теории освещают очень несовершенно. Иными словами, психология Фрейда слишком ограничена его референтом, неврозом – и прежде всего неврозом переноса. Тогда все происходило бы так, будто проблематика Я – Soi-объект лучше описывает не только пограничные случаи, но и нарциссические структуры, если не сказать именно их, поскольку противоположностью нарциссизма является неустранимость объекта.

Но было бы по меньшей мере странно настаивать на размежевании старого и нового в психоанализе, не попытавшись увидеть концептуальную

преемственность, которая скрывается за внешним изменением. Так и хочется напомнить, что ничто не ново под луной, но точнее было бы сказать, что любая перемена наполовину менее нова, чем утверждают те, кто провозглашает ее.

Теория, которая опирается на опыт анализа невроза трансфера, отводит объекту центральное место в рассуждениях, рассматривая его как фантазматический объект или как объект желания. Теория, полученная из анализа пограничных случаев, продолжается, опираясь на фантазматический объект, но не может абстрагироваться от его отношений с реальным объектом. Ведь часто приходится констатировать, что участие объектов реальности сыграло свою роль в развитии психопатологии у субъекта; или, если выражаться более осторожно в плане этиологии и патогенеза, то достаточно сказать, что психическая структура субъекта свидетельствует о специфических отношениях между реальным объектом и фантазматическим объектом. Действительно, все происходит так, как если бы фантазматический объект, хотя и признанный в качестве объекта психической реальности, сосуществовал с реальным объектом, при этом последний обладал властью утверждать свое превосходство над другим. Как если бы двойная запись психических событий предоставляла ту же реальность фантазматическим объектам и объектам реальным².

Что касается нарциссизма, объект, будь он фантазматическим или реальным, вступает в конфликт с Я. Сексуализация Я влечет за собой трансформацию желания, направленного на объект, в желание, направленное на Я. Это то, что я назвал желанием Одного со стиранием всяких следов желания Другого. Таким образом, желание меняет объект, поскольку Я само по себе становится объектом своего собственного желания; об этом переходе следует рассказать подробнее.

Что такое желание? Не ограничиваясь рамками известных определений, которых мы не помним, скажем, что желание – это движение, в ходе которого смещается центр субъекта³, то есть погоня за объектом удовлетворения, объектом нехватки порождает в субъекте переживание по поводу того, что его центр уже не находится в нем самом, что он располагается вне его, в объекте, отдельном от него, с которым он стремится соединиться, чтобы воссоздать свой центр, посредством единства – вновь обретенной идентичности – в благополучии, которое следует за переживанием удовлетворения.

Таким образом, желание – это то, что обуславливает осознание пространственной разделенности и временного несовпадения с объектом, создаваемых посредством отсрочки, необходимой для переживания удовлетворения. В дальнейшем на этой символической первоначальной

---

² Мы считаем, что реальным объектом можно очертить не «реальность» вышеуказанного объекта, которая всегда непознаваема, а присутствие внутри субъекта дискурса, который, появляясь извне, способствует его отчуждению, накладываясь на его собственный дискурс. Правильнее было бы говорить об объекте извне, находящемся внутри, тем более что реальность некоторых травм, полученных внешним объектом, почти несомненна.

³ Согласно определению Лакана.

матрице, источнике психического развития, многочисленные факторы будут чинить препятствия полной реализации желания. Перечислим лишь некоторые из них: развязывание влечений, бисексуальность, принцип реальности и, наконец, нарциссизм. Эта совокупность факторов управляется основополагающими табу, такими как фантазии отцеубийства, инцеста и каннибализма. Помимо этого заключения нам интересно рассмотреть те методы, которые используются для противостояния невозможности полной реализации желания.

При «первом» опыте нехватки решение находится через галлюцинаторную реализацию желания, такую как иллюзия, возмещающая отсутствие объекта. Эта модель будет обогащаться в дальнейшем при фрустрациях, которые уже будут связаны не только с поиском груди. Мы уже подчеркивали, что это решение неидеально, что нужно выработать другие варианты, более подходящие для подлинного удовлетворения. Но как таковое оно является психической реализацией, тем более ценной, что в глазах ребенка именно благодаря ему объект-грудь появляется снова. Он не в состоянии понять, что мать пришла к нему на помощь, потому что он кричал и плакал, но устанавливает причинно-следственную связь между галлюцинаторной реализацией желания и испытываемым удовлетворением.

Если жизненные потребности обеспечиваются в других ситуациях нехватки со стороны объекта, то находятся и иные решения: самое фундаментальное – это идентификация. Она отменяет репрезентацию объекта, Я сам становится этим объектом, смешиваясь с ним. Способы идентификации разнятся в зависимости от возраста. Вначале первичная идентификация называется нарциссической, так как Я сливается с объектом, который является скорее продолжением самого Я, чем отдельным существом, отличность которого несомненна. Если этот способ нарциссической идентификации продолжает действовать и за пределами слияния с объектом, когда Я отделяется от не-Я и принимает отдельное существование объекта, то такой способ функционирования чреват для Я множеством разочарований. Непризнанная отдельность бесконечно порождает у Я опровержения относительно того, чем якобы является объект, и неизбежно влечет за собой все новые разочарования в том, чего от него, от объекта, ожидается. Таким образом, Я не может рассчитывать на объект для обретения единства-идентичности, способного присоединить его к своему центру при переживании всегда недостижимого удовлетворения. Тройственный характер отношений только осложняет эту ситуацию, поскольку нередко оба нарциссически инвестированных родительских объекта разочаровывают Я, каждый по своим причинам. Все это губительно для Я, так как фундаментальное переживание смещения в поисках замещающего объекта, который залечил бы раны, нанесенные первоначальным объектом, заканчивается неудачей, а вся череда перемещений за объектами-субститутами, от самых персонализированных до самых безликих, заставляет заново переживать то первое

поражение⁴. Всякий контакт с объектом обостряет чувство смещения центра либо в отношении пространственного отделения, либо в смысле временного несовпадения. Эго-синтонию Я нужно искать лишь в инвестировании Я его же собственными влечениями: это положительный нарциссизм, следствие нейтрализации объекта. Достигнутая таким образом независимость Я от объекта очень ценна, но неустойчива. Потому что Я никогда не может полностью заменить объект. И хотя он пытается поддерживать иллюзию на сей счет, находя удовольствие от существования в одиночестве, пределы этой операции начинают ощущаться очень скоро. И тогда нужно, чтобы инвестирования Я обогащались другим инвестированием, направленным на полностью идеализированный объект, с которым он сольется точно так же, как сливался ранее с первичным объектом. Только таким образом можно наконец достигнуть умиротворения от единения с Богом, разом отбросив простые земные радости.

На этом можно было бы и остановиться. Однако клиническая практика показывает, что такие реализации нарциссизма жизни никогда не удаются в полной мере. В некоторых случаях комбинированный эффект непреодолимой пространственной дистанции и нескончаемого временного несовпадения превращают переживание от смещения центра в испытание обидой, ненавистью, отчаянием. При этом возврат к единению или смещение Я с идеализированным объектом уже недоступны. Следовательно, это активный поиск не единения, а небытия, то есть снижения напряжений до нулевого уровня, что близко к психической смерти.

Таким образом, нарциссизм создает почву для мимесиса желания через решение, которое позволяет избежать такой ситуации, при которой смещение центра вынудило бы к инвестированию в объект, объединяющий в себе условия для достижения центра. Я приобрело определенную независимость, переведя желание Другого на желание Одного. Этот мимесис может даже предстать в противоположной форме, убрать ограничения модели желания, когда нарциссизм не приводит к достижению единства. Он становится мимесисом нежелания, желания не желать. В данном случае поиски центра забыты из-за его уничтожения. Центр в его качестве цели достижения полноты становится пустым, полым центром. Поиск удовлетворения продолжается вне всякого удовлетворения – *как будто оно когда-то было*, – как будто оно обрело свое благо в отказе от всякого поиска удовольствия.

Именно здесь смерть принимает облик абсолютного существа. Жизнь становится равнозначна смерти, поскольку представляет собой освобождение от любого желания. Неужели эта психическая смерть маскирует собой желание смерти объекта? Думать так было бы ошибочно, поскольку

---

⁴ Чрезвычайно важно понимать, что эти перемещения неизбежно приведут лишь к выработке несовершенных решений, всякий раз более или менее неудовлетворительных – что ж, такова жизнь! – только и остается сказать. Дело в том, что возвращение к переживанию вступительного удовлетворения является фантазией, конструируемой постфактум, а попытка воссоздать его – не более чем мираж. Но в том числе и из-за этого либидо пребывает в постоянном поиске новых инвестиций, содержащих более или менее сублимированное удовлетворение влечений.

объект уже был убит на пороге этого процесса, который следует отнести на счет нарциссизма смерти.

Негативная галлюцинаторная реализация желания стала моделью, регулирующей психическую деятельность. На смену удовольствию пришло не неудовольствие, а Нейтральность. Здесь нужно вести речь не о депрессии, а об афанизисе, аскетизме, жизненной анорексии. Таков подлинный смысл работы «*По ту сторону принципа удовольствия*». Метафора возвращения к неживой материи сильнее, чем можно подумать, поскольку это окаменение Я предполагает анестезию и инерцию в психической смерти. Это всего лишь апория, но такая, которая позволяет постичь цель и смысл нарциссизма смерти.

Следовательно, нарциссу Янусу свойственен миметизм как жизни, так и смерти, и он принимает призрачное решение сделать из жизни или из смерти абсолютно закрытую пару. Мы лучше понимаем, почему Фрейд отвернулся от нарциссизма, в котором увидел источник недоразумений. Однако замещение одного понятия другим меняет слово, но не суть.

И тогда Нейтральное поднимается во весь рост, бросая вызов мысли. Все становится сложнее с того момента, как нам приходится осознать, что Нейтральное – это также и реальность, безразличная к кипению человеческих страстей. Нейтральное есть пространство той беспристрастности интеллекта, о которой говорил Фрейд, когда заявил о существовании влечения к смерти. Нарциссизм – это понятие, а не реальность. Потому что последняя, даже когда становится клиникой, всегда отличается сложностью, с трудом поддающейся осмыслению. Она гиперсложна, как принято говорить в наши дни.

Непреодолимая апория психоаналитической теории заключается в постоянном наложении друг на друга описательного и понятийного уровней, которое можно обнаружить при чтении трудов психоаналитиков. Нет ни одного аналитического трактата, в котором не ощущалось бы постоянное перетекание из одного плана в другой. Чистое описание невозможно, поскольку оно в большей или меньшей мере подчинено невысказанным, а то и неосознанным концептам. Едва ли проще представить себе столь же чистую концептуализацию, так как читатель проявляет заинтересованность лишь при том условии, что чувствует, как в нем просыпаются воспоминания о его анализах или собственном анализе. Благое намерение теоретика неизменно осознавать, на каком уровне находится его мысль, способная переходить от описания к концепту и от концепта к описанию, нередко оказывается за пределами возможностей автора.

Если стремление к точности, не свободное от множества предрассудков, заставляет аналитика предпринимать упорные, хотя и питаемые иллюзиями, попытки приблизиться к естественным наукам, то, я полагаю, оно никогда не выйдет за пределы физики и всегда будет оставаться в стороне от чистой математики, хотя бы из-за самих условий его работы. Но для того, чтобы отвергнуть псевдонаучные притязания отдельных психоаналитиков – частенько североамериканские специалисты говорят о *the science of psychoanalysis*, что, как ни странно, напоминает рекомендации, которые давал своим ученикам Лакан, – не стоит спешить с выводами

о том, что якобы психоанализ есть чистой воды поэзия. В самом деле, в психическом функционировании аналитика есть нечто, отсылающее к мифологическо-поэтическому началу, не зря Фрейд и психоаналитики его школы всегда находили в поэзии мифа и литературы один из двух источников психоанализа, предлагая искать другой его источник в биологии. В конечном счете миф о Нарциссе имел не последнее значение для появления нарциссизма, а его способность вызывать ассоциации служила подпиткой для клинических описаний Некке. Может быть, биология поэтичнее, чем мы думаем, а поэзия теснее связана с «природой» человека, чем принято считать.

Но как только мы пытаемся *осмыслить* психоанализ отдельно от биологии, психологии и социологии, делая это метафизически, не поддаваясь комбинированному соблазну как псевдонауки, так и псевдопоэзии, мы приступаем к теоретической работе, несомненно, всегда носящей временный характер, и встречаемся с ее ограничениями за счет взаимного наложения описательного уровня и концептуального уровня.

Нарциссизм более, чем любой другой аспект теории, таит в себе опасность смешивания в одно целое и описания, и концепта. Это потому, что он, если можно так сказать, является зеркальным концептом, концептом, который из единства Я, из его красивой формы, из желания Одного (Единого), противоречащего самому себе – вплоть до его уничтожения, возможно, – делает вывод о существовании бессознательного и расщеплении Я, разделенном состоянии субъекта. Нарциссизм как таковой ждет лишь признания этой индивидуальности, этой непохожести, этой полноты. Поэтому следует подключить концепт Один (Единый), печатью которого отмечен нарциссизм. Эта единица, которая дается непосредственно в чувстве существования, в качестве отдельной единицы, является, как известно, завершением долгой истории, идущей от абсолютного первичного нарциссизма до сексуализации влечений Я. Это – одна из реализаций Эроса по успешному объединению раздробленной, разрозненной, анархичной психики, в которой доминирует удовольствие органа частичного влечения, за которым следует осознание себя, хотя бы частично, как целостного, отдельного существа, имеющего свои границы. Но как же дорого приходится платить за это достижение, за возможность быть только Я. Здесь следует обратиться не столько к трудам психоаналитиков, сколько к наследию Борхеса, который лучше, чем кто бы то ни было, понял, насколько болезненна рана неспособности быть Другим. Но нам следует понять, что на пути от примитивной диады «мать – ребенок» до единого Я происходит целая совокупность операций: разделение двух частей этой пары, вызывающее у ребенка тревогу из-за отделения; угроза распада и преодоление «выученной беспомощности» через создание объекта и «нарциссированного» Я. Этот последний находит в любви к самому себе компенсацию за утрату любви-слияния, которая выражала его отношение к неотделимому объекту. Таким образом, нарциссизм представляет собой следствие не столько связи, сколько повторной связи. Нередко он вводит в заблуждение, убаюкивает себя иллюзией самодостаточности, так как теперь Я составляет пару с самим собой, через свой образ.

Следовательно, Один (Единый) – непростой концепт. Если его нужно подключить, то, чтобы это сделать, недостаточно обозначить его антагонизм, понятия Другой и даже Нейтральное, а необходимо еще и вместе с Одним (Единым) думать не только о Двойном, но и главным образом о Бесконечности хаоса и Нуле небытия. Один (Единый) рождается, быть может, из Бесконечности и Нуля, так как они могут... создать лишь Одного. Но именно в колебаниях между Одним и Нулем мы должны рассматривать внутреннюю проблематику нарциссизма, и пусть нас не обескураживает тот факт, что если Один дается непосредственно через феноменологическое восприятие, то Ноль никогда не постигается, речь идет о себе, так же как бессознательное не в силах репрезентировать смерть.

Концепт не всегда избегает метафорического осмысления. Как раз таким образом мы и должны будем рассуждать, когда нам придется говорить о Нуле. Однако кривая будет асимптотной, поскольку мы всегда сможем говорить только о «тенденции» к снижению до нулевого уровня возбуждения, то есть жизни. Это подходящий момент для того, чтобы вернуться к разнице между описательным и концептуальным подходами. На уровне концепта и только концепта, в отрыве от описания, мы будем говорить о стремлении к *психической* смерти, чтобы пролить свет на клинические проявления, которые кто-то мог бы понять иначе. Тот факт, что нулевая точка имеет отношение к бессмертию, лишь слегка затрагивает сложность проблемы.

Мне неприятно упоминать здесь входящие нынче в моду восточные философские течения, поскольку я почти ничего не знаю о них. Но та не слишком большая информация, которой я владею, заставила меня обратить внимание на очевидный факт. Не претендуя на полномасштабное обобщение, которое сложно было бы поддержать, мы должны признать, что многие люди на нашей планете живут в соответствии с базовыми принципами философии, детали которой им вовсе не известны, но которая пронизывает собой их образ жизни и мировоззрение. Оставаясь на западнцентристских позициях, Фрейд, который заставил нас пересмотреть некоторые наиболее устойчивые понятия, возможно, имел в виду именно это ограничение, когда решил принимать во внимание принцип нирваны, позаимствованный им у Барбары Лоу. Нетрудно показать, что сделанные им теоретические выводы очень далеки от того, чему учит метафизический Восток, столь отличный от западной философии, что можно усомниться, действительно ли речь идет о философии. Так или иначе я говорю с позиций психоанализа, а не философии, поскольку эта сфера мне не близка. Если я между делом упоминаю о ней, то лишь для того, чтобы заметить, что некоторые детали, представленные в этой работе под названием «негативный нарциссизм», уже становились предметом философского осмысления в культурах, чьи традиции очень далеки от наших. Эти философские размышления подчиняются требованиям своей системы координат, которая неприменима к психоанализу. Но ведь они же стали порождением чего-то, внимания к отдельным аспектам психической жизни, которые в рамках западной мысли, как правило, оставались в тени, или же если и выходили на свет, то давали повод лишь для робких

рассуждений. Здесь как будто бы недостает свободы мысли, которую тормозят невнятные опасения, уже заставлявшие отступить тех, кто позволил себя увлечь, и останавливавшие тех, кто пытался вернуться к ним и настаивать на своем. Что касается меня, мне кажется почти бесспорным тот факт, что психоаналитические размышления и практика подталкивают аналитика к напряженности между Одним и Нулем, и не всегда очевидным образом. Может быть, мне стоило бы подождать до тех пор, пока я сумею сформулировать свои наблюдения точнее, чем делиться с ними так, как я это сделал в первый раз.

Вынесение на суд общественности целой коллекции статей, самые давние из которых были написаны свыше 15 лет назад, не может дать автору полного удовлетворения, даже если он лелеет надежду на то, что эти тексты еще небезынтересны читателям. Мы не станем принимать обычных для сборников такого типа мер предосторожности – слишком уж точно они соответствуют стереотипу. Однако мне кажется, что мы уделяем недостаточное внимание одному из тех умозаключений, которое можно сделать при чтении ранее опубликованных трудов, собранных под обложкой одной книги. Мы можем увидеть, как работает странный феномен, который порой отличает пишущих аналитиков. Я имею в виду *теоретический процесс*, столь ярко выраженный у Фрейда и менее отчетливо прослеживающийся у других авторов работ по психоанализу. Речь идет о развитии в течение многих лет того концептуального пути, который строится на тех же основах, что и так называемый психоаналитический процесс в практической области. Мы с полным на то основанием замечаем, что не следует слишком усердствовать, разделяя аналитический процесс и трансфер. В этом смысле стоило бы рассматривать теоретический процесс как эффект трансфера, оказываемый психоаналитическим процессом на психическое функционирование аналитика при написании работы. Велико ли будет отличие от продолжения самоанализа аналитика через его собственный опыт психоанализа? Если можно так думать, если невозможно так не думать, то нужно остерегаться замкнутости в фундаментальном субъективизме, который способен пропитать собой теоретические рассуждения, что привело бы к радикальному скептицизму, приносить жертвы которому нынче стало так модно.

Можно усомниться в том, что теория психоанализа вообще способна когда-нибудь достичь объективности, не впадая в субъективность в том или ином ее виде, но не стоит и позволять себе заподозрить ее в том, что она якобы есть всего лишь защита от безумия, ведь то же самое можно сказать о любой мысли. Скорее в психоанализе следовало бы подчеркивать оригинальный характер движения к объективности; этому надо бы уделять большее внимание, а не делать поспешных заявлений о тщетности любых попыток достичь объективности, не осознавая, что, делая это, мы подчиняемся исключительно *Zeitgeist*.

Если вся аналитическая теория исходит из анализа трансфера, то понятно, что при ее формулировании неизбежно обращение к контрпереносу, при условии, что он (контр-трансфер) в своем бессознательном не подвергнет ее кодированию. Однако наряду с анализом трансферов

(пациентов) и контрпереносов у аналитика находится место и для переноса своей «анализируемости» на психоанализ, рассматриваемый в момент написания работы как нечто безличное, тем более что написанный им текст обращен к некоему обезличенному аналитику, знакомому или незнакомому, в прошлом или в будущем. Если мы станем искать сравнения внутри самой аналитической теории, то нам хорошо бы вспомнить, что Оно и Сверх-Я являются носителями той же самой безличности: первому она присуща в начале, а второму – в конце. Не нужно привязывать объективирующую субъективность к тому очень личному, что есть у аналитика, или, в других случаях, к тому, как эта «личность» о многом говорит другим. В этом нет ничего удивительного, поскольку склонность этой аналитической субъективности к объективации всегда обусловлена речью другого. Если субъект хочет быть услышанным другим субъектом, то субъективность слушания никогда не теряет из виду того факта, которому она, впрочем, никогда не может дать исчерпывающего объяснения, что выразительную нагрузку несет на себе голос того, кто высказывается. Какой бы притягательностью он ни обладал, аналитик обязан позаботиться о том, чтобы не слышать этот другой голос как эхо. И если он в самом деле часто попадает в ловушку, ошибочным было бы полагать, что это неминуемо. Ведь существует не только нарциссизм.

Август 1982 года

**Narcissism and psychoanalysis:
yesterday and today**
*Preface to the "Narcissism of Life.
Narcissism of Death" (1983)*

Andre Green

*(Translation from French
and scientific ed.: A.I. Korotetskaya)*

Andre Green, French psychoanalyst (1927–2012) – Titular member of the Paris Psychoanalytic Society, honorary member of the British Psychoanalytic Society. Author of numerous books and articles.

Preface to the main work of A. Green on narcissism, continuation of the Freudian theory of narcissism by post-Freudians. The contribution of Hartmann, Kogut, Melanie Klein, French psychoanalysts Grunberger, Lacan is shown. The theory of narcissism of death, Nothing, Neutrality, the theory of narcissism of life is outlined.

Keywords: Andre Green, narcissism theory, narcissism of life, narcissism of death, nothing, neutrality, Z. Freud, post-Freudians.

КАДР В ПСИХОАНАЛИЗЕ

Аналитик и кадр

А.И. Коротецкая

Коротецкая Аурелия Ивановна – психоаналитик, психиатр, член Парижского психоаналитического общества, член Международной ассоциации психоанализа, член IPSO им. П. Марти, член Московской психоаналитической ассоциации. Проректор Института Психологии и Психоанализа на Чистых прудах.

Кадр как составляющая психоанализа имеет решающее значение для развития всего процесса и становится полноценным участником терапевтического воздействия. Принято говорить о ценности кадра для пациента. В данной статье обратим внимание на то, что происходит с психическим функционированием аналитика в границах сессинга. Начнем с общих научных понятий постмодернистского времени, имеющих отношение к нынешней научной парадигме: антропного принципа, мозга Больцмана, теории хаоса – для того чтобы перейти к более специфичным для психоанализа событиям – состоянию аналитика в кадре и воздействию такого состояния на психоаналитический процесс в целом.

Ключевые слова: теория хаоса, антропный принцип; мозг Больцмана; аналитический сеанс; Я дневное; Я ночное; Я в сеансе; регрессионное мышление.

«Оттого-то Урания старше Клио...»

*«Смотри,
это твой шанс узнать, как выглядит изнутри
то, на что ты так долго глядел снаружи...»*

И. Бродский

«Сеттинг», «диапозитив», «кадр» вошли в психоаналитический словарь прочно, но, как и другие чрезмерно используемые слова, имеют множество оттенков и значений, о которых мы предлагаем порассуждать вместе.

Известно, что психоанализ – это процесс, но внутри этого процесса есть некоторые постоянные, этот процесс обуславливающие. Они образуют то, что мы называем словом «кадр». Именно это устройство, обрамляющее

наподобие рамки картину, делает эту картину видимой и в принципе возможной. Другими словами, кадр – это совокупность постоянных, внутри которых возможно развитие переменных, из которых будет складываться весь аналитический процесс. Кадр сам по себе не виден, не слышен, не осязаем, но он непременно присутствует и участвует в психоаналитической игре совместно с другими составляющими – интерпретацией, альянсом, переносом, контрпереносом, и, опять-таки, именно он, кадр, и делает возможным появление последних. Психоанализ есть «испытание неизвестным», погружение в неведомое, исследование незнакомых внутренних территорий. По сути это большая и длинная авантюра, которая возможна, как говорил Ж. Андре (*J. André, 2012*), лишь при условии, «что мы уверены, что стоим твердо на земле хотя бы одной ногой». То есть психоанализ имеет смысл лишь тогда, когда он связан с чем-то точным и фиксированным, с тем, что и является кадром.

Мы можем перечислить элементы, из которых кадр состоит – это и частота сеансов, и их продолжительность, и гонорар... Однако мы не можем перечислить невидимые элементы кадра, мы не знаем, что еще, помимо перечисленного, внесет наш пациент внутрь этих границ. И если мы не можем с точностью указать на то место, где граница кадра проходит, то мы ясно «услышим» шум от нарушения этих границ. Что становится практически неотъемлемым эпизодом при работе с пограничными личностями. В этом случае кадр становится почти полноценным участником процесса: на него ведется атака, его пытаются сломать, его игнорируют. И он превращается в источник ценного материала про и о функционировании пациента и раскрывает новые его стороны. А порой становится «соломинкой», удерживающей на плаву. Как-то об этом Винникотт (*Winnicott, 1967*) сказал, что порой кадр – это единственное, что может аналитик предложить своему анализанту.

Можно сказать, что кадр относится больше к стратегии, нежели к технике, однако, несомненно, понимание его значимости, как с теоретической, так и с практической точек зрения, – одна из важнейших составляющих профессиональных оснащений психоаналитика.

Начнем с очень общих положений, относящихся к жизни людей в целом. Оказывается, мы с вами живем в мире, который не должен существовать. Согласно третьему или второму началу термодинамики, все вещество Вселенной за бесконечное время должно было превратиться в крайне разреженный сверхнизкотемпературный газ, поскольку энтропия системы обязана нарастать. То есть рано или поздно все должно становиться менее упорядоченным. Однако в некоторых областях Вселенной она может становиться более организованной в результате флуктуаций (случайное отклонение Вселенной от ее главного состояния хаоса). Отсюда вытекает вполне логичный вывод о том, что хаос в силах породить упорядоченные системы. А человек живет в невероятно упорядоченной части Вселенной. Например, даже короткий отрезок молекулы ДНК выглядит настолько аккуратно, что вероятность ее появления в результате «случайных флуктуаций» физического материала невообразимо мала. Еще большей сложностью обладает человеческий мозг. Но как же стало

возможным его появление? По-видимому, во Вселенной есть чуть более упорядоченные области, но это положение вещей не поддается описанию, поскольку поблизости нет никого, способного на такое описание. То есть иногда, возможно, происходит флуктуация, и появляется настолько упорядоченная область Вселенной, что там рождается разумная жизнь, которая, в свою очередь, оглядывается и замечает, что живет в практически невозможно упорядоченном мире. **Это есть мозг Больцмана – гипотетически возможная субстанция (объект), возникающая в результате флуктуаций физического вакуума, осознавшая себя и способная наблюдать за окружающим миром.**

Все вышеизложенные рассуждения приводят к интересному выводу: только наличие наблюдателя (это и было названо *мозгом Больцмана*) упорядочивает окружающий мир. До появления стороннего наблюдателя Вселенная в обязательном порядке является хаотической. Здесь вполне уместно было бы провести аналогию между мозгом Больцмана и определением свойств фотона. Известно, что лишь наличие стороннего наблюдателя заставляет фотон проявлять свою либо корпускулярную, либо волновую структуру. Определить без наблюдения, корпускулой или волной является фотон в данный конкретный момент, просто невозможно. Все дело в так называемом *антропном принципе*, который многие считают крайней формой критерия отбора¹. Он гласит, что причина, по которой мы можем наблюдать нечто столь сложное, как человеческий мозг, состоит в том, что только нечто столь сложное, как человеческий мозг, и способно провести наблюдение.

Какое это имеет отношение к нашему методу и к сегодняшней теме – к кадру? – можете спросить вы. Самое прямое – повторяю: только наличие наблюдателя (*мозга Больцмана*)² упорядочивает окружающий мир.

---

¹ Формулировка Б. Картером в 1973 г. антропного космологического принципа (АКП) первоначально в качестве объяснения совпадения Больших чисел (1040–1080), как и всякое крупное достижение или открытие, не выявила сразу, да и не могла этого сделать, весь спектр возможных интерпретаций факта присутствия во Вселенной наблюдателя. На сегодняшний день насчитывается как минимум четыре формулировки АКП и его интерпретации. Две из них предложены Дикке и Картером.

1) Слабый АКП: «Наше положение во Вселенной с необходимостью является привилегированным в том смысле, что оно должно быть совместимо с нашим существованием в качестве наблюдателей»;

2) Сильный АКП: «Вселенная (и, следовательно, фундаментальные постоянные, от которых она зависит) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей».

Третья формулировка – «АКП участия» (participatory principle) – была предложена Дж. А. Уилером: «Наблюдатели необходимы для того, чтобы Вселенная возникла»; четвертая – финалистская – Типлером: «Во Вселенной должна возникнуть разумная обработка информации, а, однажды возникнув, она никогда не прекратится».

² Проблему «больцмановского мозга» можно попытаться решить и с точки зрения квантовой теории поля, которая утверждает, что в бесчисленном количестве вселенных можно обнаружить столь же бесчисленное количество копий того или иного события. Иными словами, бесконечность времени и пространства способна создать с абсолютной точностью все то, что когда-либо было ранее. Так, Фридрих Ницше еще в XIX веке рассуждал об идее о вечном возвращении, в котором история возвращается к своему же детальному воссозданию если не в нашей конкретно Вселенной, то хотя бы в одной из ее многочисленных копий.

Я твердо убеждена, что душевная жизнь скроена по лекалам Вселенной и законы, призванные объяснять сложные движения развития последней, вполне подходят для попыток объяснить душевное устройство. И обращаясь к кадру, мы непременно и неизбежно сталкиваемся с реальностью того, что кадр является той структурой, которая дает возможность и готовит почву для так называемой флуктуации психических элементов, в результате которых хаос, представленный посредством аффектов пережитого психического опыта, организуется в репрезентации (или в формы, имеющие значение до-репрезентаций), способные далее, путем осложнения, привести к организации психических структур. Все происходит, по-видимому, подобно тому, как при работе сновидения формируются образы, несущие вторичную информацию. До появления последних мы не ведаем, в каком именно виде пребывали те первоэлементы, которые приводят к образованию чего-то нового. И что из переживаний субъекта даст толчок к их появлению. То есть во сне инстанция Я становится своеобразным мозгом Больцмана, который своим наблюдением организует хаос.

Аналитический кадр устроен таким образом, что место аналитика не только предопределено, но и *anté-coup* нагружено некоторыми функциями, например, быть катализатором психических процессов пациента, тем самым давая возможность ему создавать и расширять свой внутренний мир. Другими словами, быть тем мозгом Больцмана, который будет организовывать психическое.

При нормальном психическом функционировании каждый из компонентов, используемых психическим аппаратом, обладает своей особой функцией и направлением (можем говорить о траектории, начинающейся с возникновения влечения и доходящей до различных исходов его удовлетворения), благодаря чему между различными функциями формируются отношения соответствия (как, например, между идентичностью восприятия и идентичностью мышления). Все психическое функционирование построено на ряде связей, которые соединяют один элемент с другим. Простейший пример – соотношение сновидения и фантазии. Более сложные связи ведут к сравнению первичного и вторичного процессов. Эти процессы связаны отношениями не только противостояния, но и сотрудничества, ведь в противном случае мы не смогли бы перейти от одной системы к другой и перевести, например, явное содержание сновидения в латентное. Но мы знаем, что это становится возможным только благодаря интенсивной психической работе. Все это подразумевает, что эти связи могут быть установлены на основе функционального различия: сон следует считать сном, мышление – мышлением и т. д. Но в то же время нам известно, что сон – не просто сон, мышление – не просто мышление и т. д. В аналитической работе это подразумевает, что пациент принимает аналитика за того, кем тот является, и в то же время за того, кем тот не является, но при этом в состоянии своим психическим функционированием поддерживать это различие. И, наоборот, это подразумевает, что аналитик может *занимать такую же позицию* по отношению к пациенту. В последнем мы с вами можем уловить описание переходного пространства в видении Винникотта (*Winnicott, 1963*) и не ошибемся.

Пространство кадра обладает всеми характеристиками переходного пространства, в особенности его потенциальностью. Мы, естественно, не будем принимать в расчет некоторую десексуализацию аналитического поля, допущенную Винникотом. Переходное пространство не только «не-что между двумя», «это будущее пространство, где будущий объект находится в состоянии перехода, потенциальности, где вероятное становится возможным, именно там, в непосредственной близости от внешнего реального объекта, происходит процесс творения объекта, прежде чем он таковым станет». Там, где переходное пространство разрушено, аналитик должен сначала благоприятствовать его восстановлению, иначе роль объекта будет только функциональная, каталитическая, он не будет желаемым. В связи с этим интересна техника Винникотта (*Winnicott, 1963*), которая отводит кадру надлежащее место, рекомендует принять несформированные психические состояния и занять по отношению к пациенту позицию не-вторжения. Через вербализацию он пытается восполнить нехватку материнской заботы, чтобы поощрить возникновение отношений Я с объектом, пока не наступит момент, когда аналитик сможет стать переходным объектом, а аналитическое пространство – потенциальным пространством игры и полем иллюзии. Не будем останавливаться на всех характеристиках переходного пространства. Лишь одно из качеств переходного пространства хотелось отметить особо – то, что это такое место, в котором безумие не только дозволено, оно положено.

Иначе как бы мог произойти известный всем винникоттовский случай, когда, слушая мужчину, проходящего у него анализ, Винникотт (*Winnicott, 1969*) вдруг поймал себя на том, что он видит девочку, хотя на его кушетке лежал пациент-мужчина средних лет? Он говорит пациенту: «Я прекрасно знаю, что вы мужчина, но я сейчас слушаю девочку и обращаюсь к девочке. И я ей говорю: "Ты рассказываешь о зависти к пенису"».

Из текста описания этого случая мы узнаем, что в этом анализе сложились такие отношения, когда после хорошей работы последовали деструкция и крушение иллюзий, так как «что-то самое основное не изменилось» (*Winnicott, 1969*). Но в тот момент, пишет Винникотт, его слова дали «немедленный эффект». Пациент ответил: «Если бы я сказал кому-то об этой девочке, меня бы назвали сумасшедшим». К собственному удивлению, Винникотт сказал: «Это не вы сказали о ней кому-то, это **я вижу и слышу** девочку, когда у меня на кушетке лежит мужчина. Значит, сумасшедший **здесь я**».

Пациент почувствовал, что Винникотт обратился к обеим его частям: к мужчине, коим он знал, что был, и к девочке – спрятанной и «сумасшедшей». Впоследствии выяснилось, что мать пациента считала его девочкой, прежде чем поняла, что он мальчик. Поэтому он был здоровым младенцем в сумасшедшем окружении, это окружение было им интроецировано, а потом спроецировано на аналитика, который почувствовал это внутри кадра, в контрпереносе. Хотя Винникотт размышляет о том, что невозможно доказать, что мать пациента действительно какое-то время считала его девочкой, то, что проявилось в контрпереносе, являлось тому свидетельством. Происходящее было в тот момент и для пациента,

и для аналитика вполне адекватным переживанием и привело к дальнейшей важной психической работе.

Вышеприведенный клинический случай использовался Винникоттом для иллюстрации его концепции диссоциированных мужских и женских элементов (*Winnicott, 1969*).

Описание Винникотта предполагает смелую, поражающую воображение клиническую инновацию: своим признанием того, что он был поражен, обнаружив, что превратился в сумасшедшего, потому что увидел маленькую девочку, Винникотт помещает диссоциацию пациента внутрь кадра, в отношения, которые развиваются между пациентом и его аналитиком. Аналитик является не тем, кто всего лишь пытается объяснить себе бессознательное пациента или улавливает его проекции. Психоаналитик становится субъектом, который идентифицируется с проекцией пациента и присваивает ее как свою собственную. Ранее диссоциированные элементы психики пациента, таким образом, через их совместное эмоциональное проживание символизируются в мыслях и в языке. То, что было невозможно сказать словами, теперь, благодаря контрпереносу, конструируется в Я без потери ощущения континуума бытия.

Способность аналитика выдерживать бессознательно посылаемое пациентом сообщение о несостоятельности раннего окружения означает, что он помогает пациенту первый раз пережить застывшую травму. Когда Винникотт сказал пациенту, что сумасшедший здесь он – аналитик/мать, пациент почувствовал, что он (пациент) – нормальный в сумасшедшем окружении, то есть что он был нормальным здоровым младенцем, но живущим в безумном окружении, потому что его мать обращалась с ним, как если бы он был девочкой. Это обращение к ранней травмирующей ситуации в переносе должно быть прожито вместе, чтобы она могла быть артикулирована и, следовательно, стать пригодной для осмысления, а не диссоциированной, как это было раньше.

Вышеописанное заставляет нас осознать и оценить существование третьего, помимо аналитика и пациента, фактора анализа. Психоаналитический кадр – это не только условия, при которых возможна практика психоанализа, он сам по себе оказывает влияние на атрибуты психики. Происходит транспозиция выражения внутреннего мира на ограниченное поле взаимодействий между субъектом и объектом, и таким образом начинают отражаться иные, чем во внешнем мире, характеристики отношений между двоими. Будто бы что-то осуществляет переход от внутреннего во внешнее, порождая новую форму существования, чтобы стать чем-то большим, чем просто внешнее. Это нечто среднее между симбиозом у Биона (*Bion, 1976*) и потенциальным воссоединением у Винникотта, не ограничивающееся отражением своего изначального места, а относящееся к чему-то иному.

Отсюда вытекает и смещение акцента психоаналитической техники при работе с современными пациентами. В первую очередь мы можем ныне говорить иными метафорами, за пределами «археологической» метафоры Фрейда, как основной в (ре)конструкции прошлого; в то же время сеанс может рассматриваться как вмешательство творческой силы, сродни

работе сновидения; мы можем говорить о «трансформационном» психоанализе в дополнение к «археологическому».

Сегодня мы можем вслед за Сезаром Ботеллой говорить о том, что трудно изучить некий метод и одновременно сохранить достаточную дистанцию с ним, чтобы осознать его ограничения (С. Botella, 2012). Таким образом, потребовалось много времени, чтобы понять: способ работы с пограничными случаями и, если говорить шире, вообще со случаями травм, не получившими символической репрезентации (негативами травмы), подразумевает трансформационную регрессию. Не просто идею, что сны несут в себе память, не получившую репрезентации, но мысль о том, что работа сновидения может стать образцом для работы конструирования воспоминаний; еще точнее – о том, что регрессионные ассоциации как аналитика, так и пациента, часто связанные с описанием сновидения, могут «выявить–произвести» конструкцию воспоминания, ранее не существовавшего в форме репрезентации.

Говоря коротко, если мы хотим помочь психоанализу эволюционировать, нам следует уподобиться Фрейду, который воскликнул, обращаясь к Ранку, желавшему свести психоанализ к тому, что Фрейд написал ранее: «Но я не фрейдист!» И сегодня спасение психоанализа, развитие его потенциала требуют, чтобы каждый аналитик освободился от гнета «учительского авторитета» и достиг определенного состояния ума, которое можно, перефразируя Фрейда, обобщенно описать так, как об этом говорит С. Ботелла (С. Botella, 2020): «Но я не фрейдист, не кляйнианец, не последователь Биона или Винникотта». Иными словами, каждый аналитик должен разработать свой собственный аналитический образ мышления вместо концепций, позаимствованных из книг. Аналитическая мысль продолжит свое развитие, не теряя связи со своими основополагающими принципами, авторы уйдут, но их идеи останутся. Зачастую мы сталкиваемся с тем, что, когда появляется какая-нибудь новая научная идея, которая провозглашается открытием, объективное исследование вскоре обнаруживает, что в конечном счете в ней нет никакой новизны. «Открытие» это, как выясняется, уже было сделано неоднократно, а затем забыто, часто на очень продолжительное время. Или, по крайней мере, у него объявляются предшественники, которые недостаточно отчетливо постигли его или изложили неполно. Или же оно было изложено несколько по-другому.

В данном контексте хотелось бы обратить ваше внимание на описание «состояния сеанса» – концепция Сары и Сезары Ботелла (S. Botella et C. Botella, 2006), которое относится к описанию переживаемого аналитиком в кадре. То есть речь идет о том, каким изменениям подвергается психическое функционирование аналитика внутри кадра психоаналитического сеанса.

Описывая свой аналитический метод, применяемый при работе с пациентами, а также для понимания сновидений – речь идет о методе свободных ассоциаций, Фрейд говорит, что последние появляются в особом психическом состоянии: «такое психическое состояние, которое представляет собой некую аналогию промежуточного между сном и бодрствованием» (Freud, 1925). Другими словами, мы сталкиваемся с Я, которое

функционирует в основном своим дневным способом, но в некоторые моменты его функционирование становится близким к таковому ночного Я. Это достаточно комплексная ситуация, в которой Я в сеансе теряет преимущества дневного состояния (а именно свою двигательную активность, способность к действию), возможность восприятия в большей мере заброшена и приближена к состоянию сна; тем не менее дневное Я не имеет, наподобие ночного Я, того преимущества, что исходит из легкого доступа к галлюцинаторному пути. Таково это состояние сеанса с его промежуточным характером, где-то абсурдным, чудовищным, полуночное-полудневное состояние.

Я в сеансе – ни дневное, ни ночное, – пытается пользоваться, насколько возможно, обоими способами функционирования, и на это тратятся большие количества психической энергии. То меньшее зло – кульбиты, к которым Я не подготовлено, и это будет иметь свои последствия, ибо сближение двух режимов функционирования, ночного и дневного, происходит таким образом, чтобы эти два способа не встречались между собой, и может вызвать у аналитика состояние тревожной странности или деперсонализации. Состояние сеанса позволяет психике отпустить себя по направлению к функционированию, в котором свободные ассоциации пациента и свободно плавающее внимание аналитика теряют принуждение следовать вторичным процессам и становится возможным приближение к БСЗ. То есть пробуждаются способы функционирования, свойственные инфантильной сексуальности, и процессы исследования, принимая форму регрессионных квазигаллюцинаторных психических процессов, будут иметь доступ к зонам, доселе недоступным. Речь идет о работе фигурабельности (придания образности, изображения), которая отлична от предсознательного ревери, к которой обращаются постбионотцы, – это аналитическое соответствие несколько другого порядка, согласно авторам (*S. Botella et C. Botella, 2007*). Работа изобразимости представляет собой высшую точку работы аналитика, а противоположной точкой будет полное отсутствие регрессии, работа, над которой довлеет восприятие и реальное.

Те же авторы (*S. et C. Botella, 2006*) обращают внимание на особый вид психической работы аналитика в кадре, названной ими «регрессионностью».

Согласно их пониманию, принимая термин *регрессионность*, следует очистить формальную регрессию от любой архаической коннотации, от примитивного способа выражения или же от простой комплементарности к основному порядку, который был бы прогрессом. От всего того, что означает возвращение назад. Предлагается понятие, не пропитанное генетической коннотацией понятия регрессии. Онейрическая активность, этот главный пример регрессионности, не является ни регрессивной, ни архаической и не представляет собой меньшую ценность, нежели дневная мысль. Это лишь другой способ мыслить, «зрительное мышление» (*Freud, 1900*), как о нем говорил Фрейд. Пользуясь термином «регрессионность», мы получаем преимущество-попытку соединить в единый автономный термин понятия регрессионного пути мысли, идентичности

восприятия, галлюцинаторного и качество оживления; это понятие для приближения к способу функционирования бессознательного.

Регрессиентность понимается в следующих терминах: оно является одновременно и психическим статическим состоянием, и движением в становлении, она несет в себе потенциал трансформации, это такое психическое качество, которое позволяет галлюцинаторным способом снизить количество возбуждения в тех состояниях, когда нет доступа к моторным путям разрядки. Самым явным проявлением, продуцированным регрессиентностью, является сновидение, и это самый качественный ее продукт.

Динамика появления сновидения оригинальна, она отсылает к событию, которое составляло первоначальное сексуальное, а именно – к связи влечения с потерянным объектом галлюцинаторного удовлетворения. Его состояние постоянного движения в сторону усложнения может включать одновременно все присутствующие в определенный момент элементы, независимо от происхождения: в виде репрезентаций, восприятий или моторности; независимо от их качества – бсз или сз и их гетерогенность имеет иногда радикальный характер. Определяясь одновременным сосуществованием многих составляющих с одинаковой ценностью, всеми психическими элементами, присутствующими в определенный момент, регрессиентность может, в таком же движении, вызвать бесчисленные новые связи, даже там, где их никогда не было, создавая таким образом новые причинности. Этот феномен Фрейд назвал в 1895 году в «Этюде по истерии» «принуждением к соединению совокупности вещей в данный определенный момент» (*Freud, 1895*).

Метафорой феномена регрессиентности, по мнению С. Ботелла (*C. Botella, 2020*), может служить модель ткацкого станка, при работе которого один толчок приводит к соединению воедино множества нитей и из хаоса разрозненных единичных элементов появляется новый узор. Подобный способ видоизменять содержимое мыслей в другую форму может служить работе конденсации и «*творить связи, доныне не существующие*, с другими мыслями» (*Freud, 1895*). Работа изобразимости (фигурабельности) – это процесс постановки в смысл, работа «каузальности», творец новых причинностей. Фрейд пишет об этом как об «одной из самых ранних и самых важных функций психического аппарата: функция связывания движения влечений... это подготовительный акт, который вводит и обеспечивает доминацию принципа удовольствия» (*Freud, 1895*). Вызывая психическое состояние регрессиентности для того, чтобы установились новые связи, новые причинности, работа изобразимости (фигурабельности) повышает психические способности, непосредственно во время аналитического процесса.

Является ли регрессиентность более интеллигентной, чем прогресс, чем вторичные процессы, чем абстрактное мышление? Несомненно, поскольку ей присуща полная свобода, тогда как прогресс в своей специализации несет в себе частичную жертву психического потенциала человека. Ведь психическая деятельность аналитика в подобном состоянии приближается к квазигаллюцинаторной. Лакан выразит интуицию

«основополагающей, основой галлюцинации» и будет утверждать, что «без чего-то, что галлюцинирует, в качестве системы отсчета, никакой мир восприятия не будет организовываться действенным способом, не создается человеческим способом» (*Lacan*, 1963). Андре Грин станет первым, который введет галлюцинаторную форму, негативную галлюцинацию (репрезентация отсутствия репрезентаций): обратная сторона психического явления, чья лицевая сторона – это галлюцинаторное удовлетворение желания (*Green*, 1973).

Однако мы переходим в другое теоретическое пространство, позволяющее осмысливать и концептуализировать психическое функционирование индивида в условиях, приводящих впоследствии к пограничному состоянию, элоквентной иллюстрации работы негатива.

Нам же с вами необходимо понимать, что состояние кадра, его соблюдение и наблюдение за тем, что в данный кадр включается по ходу психоаналитического процесса, столь же важно для пациента, сколько и для аналитика. А зачастую именно «состояние сеанса» аналитика позволяет ему вместе с пациентом писать историю психического развития, ту историю, которая доселе никогда «не выходила в печать».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Винникот Д.В.* (2017) Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. 208 с.
2. *Картер Б.* Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии // Космология, теория, наблюдения. М., 1978. С. 372.
3. *Фрейд З.* Психология бессознательного. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. С. 306.
4. *Botella C. et S.* (2007) La figurabilité psychique. Edition in press.
5. *Barrow O.J., Tipler A.J.* The Anthropic cosmological Principle. Oxford, 1986. P. 22.
6. *Bergeret J.* (1974). La personnalité normale et pathologique. Paris. Dunod.
7. *Bion W.* (1963) Elements of Psycho-Analysis. London Routledge.
8. *Fedida P.* (1987) L'absence. Gallimard.
9. *Green A.* (1973) Le Discours Vivant, 229. Le fil rouge.
10. *Green A.* (1975) The Analyst, symbolisation and absence. IJP, 56.
11. *Lacan J.* L'angoisse. Séminaire 1962–1963. Paris: A.L.I., 2007.

Psychoanalyst and cadre

A.I. Korotetskaya

Korotetskaya Aurelya Ivanovna, psychoanalyst, psychiatrist, member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), member of the International Psychoanalytical Association (IPA), member of the IPSO named after P. Marti, member of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA). Vice rector of the Institute of Psychology and Psychoanalysis on Chistye prudy.

The setting as a component of psychoanalysis is crucial for development this entire process and becomes a full participant therapeutic actions. It is customary to talk about the value of the setting for the patient. Let's start with the general scientific concepts of postmodernism, relevant to the current scientific paradigm. From the concepts of the anthropic principle, Boltzmann's brain, chaos theories, to move on to more specific ones for psychoanalysis development analyst condition and the effect of such a state on the psychoanalytic process as a whole.

Keywords: chaos theory, the anthropic principle, Boltzmann's brain, analytical session, state Ego in session, daytime Ego, nighttime Ego, regredient mind-set.

Нарциссические и эдипальные аспекты кадра

Н.В. Майн

Майн Надежда Владимировна – психоаналитик, психиатр, кандидат психологических наук, член Парижского психоаналитического общества, член Международной ассоциации психоанализа, член Московской психоаналитической ассоциации. Руководитель образовательного центра «Школа практического психоанализа».

Тема кадра в психоанализе и психоаналитической психотерапии никогда не потеряет своей актуальности и конфликтности. Несмотря на то что основные параметры кадра в психоаналитическом методе установились более ста лет назад, вопросы о кадре решаются каждым психоаналитиком ежедневно. Кадр – это то, что самое стабильное в анализе, но одновременно он больше всего подвергается испытаниям. Возможна ли трансформация кадра и в чем она состоит, что на нее влияет, как нарциссический и эдипальный аспекты отражаются в кадре и на кадре – этому посвящена данная статья.

Ключевые слова: психоанализ, психоаналитик, кадр, эдипальный, нарциссический, трансформация, перенос, атака на кадр, становление кадра.

Что такое кадр

Кадру можно дать много определений. Кадр – это и мгновенное запечатление, помещение в рамку, ограничение изображения, чтобы оно не смешивалось с окружением. Это и структура, которая вмещает и организует процесс, задает его параметры. В то же время сам кадр имеет динамическое измерение и является процессом, он развивается, трансформируется.

С кадром мы встречаемся ежедневно. Этикет поведения за столом – это кадр, регламент проведения мероприятия – тоже кадр. Кадр, порядок, правила касаются любого человеческого взаимодействия и деятельности, регулируют, что и как делать, что можно, что нельзя, как правильно и как принято, как реагировать, выражать себя в зависимости от контекста ситуации, отношений.

Без регламента, регулирования, структуры не состоится процесс, который ожидается. Будет что-то другое, возможно даже интересное, но точно

не то, что хотелось. Конечно, и из хаоса постепенно организуется порядок, но совершенно непонятно, каким он будет, а учесть влияние множества внешних и внутренних влияющих сил просто невозможно.

Кроме того, когда кадр не определен и не организован, внимание направлено на этот отсутствующий кадр, что не только забирает много ресурсов, но и всегда сопровождается тревогой, проекциями, фантазиями и конфликтами. Он требует постоянного участия в его становлении, осмысления, настройки, подстройки.

Психоаналитический кадр

Психоаналитический кадр включает аспекты пространства, времени, длительности, ритмичности, постоянства, обязательства и ответственность. Эти параметры кадра озвучиваются и являются основополагающими константами для психоаналитической работы. Другие параметры не озвучиваются сразу, а только когда возникает прецедент, например подарки и цветы, нецензурная речь или то, что пациент пришел на сеанс со стаканом кофе. Были времена, когда курение и пациентов, и аналитиков во время сеанса было обычным делом...

Есть еще такие параметры, которые не озвучиваются аналитиком, но пациент может в какой-то момент об этом заговорить. Это внутренние параметры, например асимметрия отношений, формы выражения недовольства пациентом, как сеанс начинается и как заканчивается, но также и то, как аналитик обращается со своими ошибками.

Кадр делает возможным происходящий внутри него процесс, создает условия для его существования, а особенности кадра определяют содержание процесса. Так, оплата всех пропусков или возможность отмены сеанса за 24 часа без оплаты, общение только на сеансе или возможность писать аналитику между сеансами создадут совершенно разные процессы. Не каждый кадр может позволить психоаналитическому процессу случиться.

Кадр становится вместилищем и местом, где разворачиваются отношения между пациентом и аналитиком. Аналитик и пациент оба несут свой внутренний кадр как личности, но аналитик вносит профессиональный, аналитический кадр. Кадр в психоаналитическом процессе полностью зависит от аналитика, от его внутреннего профессионального кадра. Но он будет находиться под постоянным давлением, будет подвергаться испытаниям со стороны пациента, его переноса, а также со стороны контрпереноса аналитика.

Символические значения психоаналитического кадра

Кадр имеет множество символических смыслов. Символ всегда больше, чем то, чем он предстает, а символические смыслы всегда наслаиваются, сверхдетерминируются. Как и симптом, символ – это меха, в которые может наливаться новое вино. Каждый аспект кадра можно представить как символ. Постоянство места и времени, положение пациента,

принимающая нейтральность аналитика, его контейнирующая активность – это материнские составляющие кадра. Интерпретации, правила и ограничения – отцовские.

Кадр является носителем Идеала-Я в качестве кадра идеального, к которому аналитик стремится, и носителем Сверх-Я – кадра, поддерживающего и разрешающего, но и наказующего и преследующего.

В какой-то степени кадр становится ритуалом. Здесь уместно обратиться к пониманию взаимодействия мифа и ритуала. Помещая себя в кадр, аналитик и пациент оказываются внутри мифа, а точнее, мифов, их проигрывания, трансформации, создания.

Ритуал воспроизводится, чтобы что-то произошло согласно лежащему в его основе мифу. Он создает, защищает, что-то гарантирует, обеспечивает. Миф и ритуал поддерживают друг друга, но в какой-то момент миф теряет свою живость, забывается, а ритуал вырождается, теряя связь с живительными корнями. В психоанализе такими корнями является метапсихология. Фрейд писал, что влечения – это наша мифология.

Всегда есть опасность, что психоаналитический кадр может выродиться в выхолощенный ритуал без внутреннего содержания, который потеряет свою функцию и свою силу.

Нарцисс и Эдип в кадре

Среди множества мифов для понимания как структур личности, так и содержания и структуры кадра особенно интересны два – о Нарциссе и об Эдипе. Это две картины мира, два типа восприятия и переживания себя и другого, две системы отношений. В каждом мифе есть начало в виде предсказания дальнейшего разворачивания событий. Важно, что предсказания не абсолютны и не неизменны. В анализе вначале тоже есть ожидание, но всегда есть варианты развития событий. Никто не может сказать, как будет развиваться и чем закончится конкретно этот анализ.

Но основное предсказание может звучать так: «Ты встретишься с собой, узнаешь себя и встретишься с другим и познаешь его». По сути, предполагается путь и переход от нарциссического к объектному миру. На этом пути героя ждут открытия, разочарования, сомнения, радости.

Нарциссический объект существует и любим, пока не начинает шевелиться, как-то себя проявлять, пока он точное и неподвижное отражение, гарант идентичности субъекта. Нарциссические отношения и нарциссический кадр – неизбежный и необходимый этап анализа, с разной выраженностью и разной длительностью этого этапа.

Устойчивость, незыблемость, отражение аналитиком пациента поддерживают, восстанавливают, питают его нарциссизм. В то же время есть нарциссизм и внутренний нарцисс аналитика, который тоже нуждается в любви, оценке. Нарциссический кадр имеет тенденцию повторить судьбу Нарцисса: остановиться, быть прикованным к взаимному отражению и любованию с тотальной зависимостью, отсутствием движения и развития – и в итоге приводит к смерти аналитического процесса.

Судьба Эдипа в трагедии и в анализе другая. Его задача – открыть внутреннее зрение, поскольку внешнее затуманено инцестуозным желанием и стремлением убить отца с его законами, предписаниями и ограничениями. Символическое и конкретное, фантазматическое и реальное осуществление эдипального желания в аналитическом кадре должны проиграться, чтобы найти форму и слова.

Нарциссическая линия кадра – это отношения диадные, зеркала и отражения, любования, то есть идеализации, неизменности, отсутствия другого, тоска по такому же и страх перед иным с отказом или отрицанием различий. Но это и необходимость отражения, чтобы увидеть себя и полюбить.

Эдипальная линия включает отношения триадные, триангулярные, это отношения с иным-другим, любовь, ненависть, соперничество, ревность. Это помещение в асимметричность ролей, в пространство закона, которому подчиняются и пациент, и аналитик.

Трансформация происходит от измерения двоих к триаде, где неизбежны ревность и соперничество. Если до этого соперничество и зависть направлялись только на аналитика, то теперь есть еще кто-то, кто вторгается в отношения – отец и сиблинги.

Структуры личности в кадре

Пациенты с разной психической организацией по-разному воспринимают, понимают кадр, его проживают. Каждый пациент несет свой кадр, который вступит в отношения с аналитическим кадром, и отношения эти неизбежно конфликтные.

Человек видит то, что знает, то, что пережил, воспринял, что есть в его психическом мире. Другое просто не существует. Все, с чем он встречается, он стремится встроить в свою схему, в свой существующий кадр и таким образом определить, кто с кем что делает, как все устроено, откуда что происходит, как меняется.

Психотик внешне принимает кадр, но на самом деле для него это просто слова, они ничем не наполнены. Его кадр – безграничное пространство, погружение в аналитика, постоянное питание. Аналитик – его нарциссический дубль. Когда такой пациент столкнется с кадром аналитика, с его ограничениями и предписаниями, он искренне удивится и даже не вспомнит, о чем шла речь, что есть какие-то правила. Если аналитик не идентичен, если у него есть что-то свое, то он представляет угрозу, он взбаламучивает воду в ручье, уходит, бросает, исчезает в мутной воде. Нарушает Я-Идеал, который лежит в основании первичного нарциссизма, – переживание своей безграничности и единственности.

Аналитик воспринимается как объект фетишистский, неизменный, безличностный, как описала его Э. Кестемберг (*Кестемберг, 2005*) в случае с пациентом, который использовал аналитика только как ухо, в которое он снова и снова помещал свою «историю с портным». Постоянством и неизменностью аналитик гарантировал идентичность и существование

пациента, а также неизменность его мифа о происхождении – центрального мифа любого психотического пациента, как писал П.-К. Ракамье (Ракамье, 2005).

Для пограничной личности кадр связывается с Идеалом-Я. Кадр аналитика – это его произвол, его попытка управлять, подчинять, контролировать. Неизбежен спор, чей кадр будет главным, кто диктует правила, а вместе с этим и вопрос, кто идеал, а кто ничтожество. Третьего нет, как и нет закона, есть только аналитик и пациент и закон каждого из них. Если же аналитик настаивает на существовании независимого закона, а также на своем существовании, можно попытаться его обмануть, одурачить, заставить пасть. Все это не отменяет крайней зависимости от аналитика и страха его потерять, что может заставить бросить аналитика, чтобы его опередить.

Невротик принимает кадр и как что-то внешнее по отношению к обоим, что не вызывает серьезного противодействия, он уважается как правила метода. Кадр станет ареной символического разыгрывания эдипального конфликта с попыткой установить особые отношения, добиться исключений. Победа будет сопровождаться чувством вины и страхом наказания.

Трансформация в кадре

Трансформация от слияния через диадные отношения к триадным, триангулярным заложена в человеке, с рождения есть движение в направлении к объекту. Объект представлен в психике младенца как пре-концепция (Бион, 2008), само влечение организовано как взаимодействие потребности и удовлетворения, которое получается благодаря объекту, вместе с ним.

Психическая трансформация происходит через трансформацию объекта и отношений с ним, а вместе с этим через трансформацию конфликта и тревоги. Первым объектом становится объект нарциссический. Он находится между Я и другим, на пути дифференциации Я и объекта. Он еще не совсем объект, но это уже и не безграничное Я-Идеал.

Какой бы ни была структура пациента, разные виды объекта представлены в его психике, как и соответствующие объектные отношения, а значит, и особенности кадра будут в любом анализе. Аналитику следует постепенно, небольшими дозами вводить себя в отражение пациента. Как мать, которая дает ребенку не зеркальное отражение, но всегда с каким-то своим дополнением. В отражение эмоций, состояний младенца она вносит часть себя. Этот зазор отражения можно рассматривать как зачаток третьего. Благодаря такому взаимодействию часть матери остается внутри младенца, а часть младенца – в матери.

Поэтому с психотиком не нужны глубокие интерпретации, особенно такие, которые слишком много вносят иного, не его. Они в лучшем случае будут восприниматься как колыбельная, в худшем – как угроза существованию. Другой и любая связь с другим являются угрозой, поэтому подлежат разрушению. Задача аналитика в том, чтобы эту связь установить

и укрепить благодаря нарциссическому и нарциссизирующему аспектам кадра.

Б. Гольц обратил внимание на то, как Пикассо писал лица – он соединял анфас и профиль. Если мы посмотрим на это изображение как на символ материнского лица, то увидим, что оно одновременно обращено к ребенку – анфас, и в то же время смотрит в сторону, на третьего. Ребенок конструирует триангулярность постепенно, через серии небольших триангуляций и маленькими порциями. Нарциссический объект как некоторая часть себя, хотя и не совсем Я, – это удобное место таких частичных пробных триангуляций.

Ребенок слышит речь матери, которая обращается иногда к нему, иногда к кому-то, к третьему, кто не есть ни она, ни ребенок. Так он постепенно конструирует место для третьего – раннюю парциальную триангуляцию. И потом они соединяются в тотальную тройственную организацию, целостный объект.

Испытание кадра

Путь к объекту всегда сопровождается ненавистью. Объект рождается в ненависти одновременно с рождением Я. Трансформация от нарциссического кадра к кадру эдипальному неизбежно будет сопровождаться ненавистью, которая направится на кадр. Атаке подвергаются связь, правила, субъектность, различия, существование третьего, закон, смысл, любовь. Атака является проявлением ненависти, мести, зависти, агрессии.

Есть три вида агрессии:

- базовая жестокость, согласно Бержере (*Бержере, 2001*), когда еще нет ненависти, это скорее беспощадная любовь;
- агрессивность как соперничество в рамках эдипального конфликта;
- между ними еще одна агрессивность, которая не стремится разрушить объект, ее цель – проверить устойчивость объекта.

Эту агрессию описал Д. Винникотт как условие возможности использовать объект, лучше сказать возможности им пользоваться, его интроецировать и на него опираться. Когда подросток заявляет своим родителям, что он не просил его рожать, или приемный ребенок своим усыновителям, что они его не рожали, поэтому не могут его любить, то цель таких заявлений не разрушение, а стремление, чтобы услышали, а также проверка, действительно ли объект любит, проверить его на слабость, устойчивость, прочность, его выживаемость.

Такая агрессия возникает на нарциссическом этапе отношений, когда объект является дублем, а дубль – это не совсем объект.

Дети, о которых хорошо заботятся, легче проявляют агрессию, нежели те, кто испытал дефицит этой заботы. Но какой заботы? Речь не идет о полном погружении, об абсолютном материнском мазохизме. Если мать не злится на ребенка или не может проявить злость, ему тоже нельзя злиться. Тогда ребенок интроецирует мать и сам себе становится матерью, сам о себе заботится. Так формируется ложное Я (Д. Винникотт), а выход как на депрессивную позицию, так и в эдип закрывается. Помочь

сможет работа с контрпереносом, особенно с его негативными проявлениями.

Речь не идет о том, чтобы сообщать пациенту, что мы его ненавидим, как это предлагал Д. Винникотт, но об осознании этой ненависти, раздражения, принятия их и использования для понимания пациента. Раскрытие же своих чувств аналитиком пациенту является насилием, посягательством на его нарциссизм, нарциссическим и инцестуозным соблазнением. Это можно рассматривать как попытку сделать ребенка ответственным за свои действия, смешать язык нежности и язык страсти (Ференци, 2009).

Аналитик в кадре

Кадр самого аналитика помимо и даже вместо эдипального может быть нарциссическим, в регистре Я-Идеала и Идеала-Я, фетишизма. Сам кадр может стать нарциссическим объектом – жестким, ригидным, преследующим. Возможен и садо-мазохистический кадр, в котором аналитик и пациент поочередно играют разные роли. Пациент провоцирует и оживляет в аналитике его разные конфликты и желания, которые отразятся на кадре и в кадре как проявление проективной идентификации и контрпереноса психоаналитика.

Всемогущество и отрицание кастрации проявятся в том, что аналитик все принимает, все понимает, за все берет ответственность: за пробки, болезни, катаклизмы, не требует оплаты пропусков. В этом проглядывает желание быть идеальной и всемогущей матерью и одновременно ненависть к отцу с форклюдией его имени. Результатом станет запрет на выход в пространство символического.

Беспомощность аналитика и невозможность противостоять атакам, жалость и сочувствие пациенту перед лицом жестокого кадра – это проекция своего отношения, а также страх ненависти и конфликта, в том числе своих, неспособность аналитика защищать кадр, то есть его неприсвоенная агрессия. Тем самым он не замечает иного уровня пациента, кроме инфантильного.

Страх негативного переноса возникает из-за непонимания его переносной природы и структурирующей роли в развитии отношений, но акцент только на негативном переносе лишает процесс своей питающей почвы в виде позитивного переноса и может привести к расцвету пerversии. Согласие на кадр пациента часто отражает желание удержать его любой ценой, потребность в ощущении своей нужности, собственная нуждаемость и зависимость. Пациент тоже может быть для аналитика нарциссическим объектом, который обеспечивает питание нарциссизма, тогда его используют для получения удовольствия от подчинения и контроля, пуская в ход запугивание, используя свою власть. Особенно это касается учебного анализа, где пациент-кандидат особенно уязвим и зависим.

Создание аналитического кадра

Аналитик может транслировать только то, что в нем есть, то есть свой внутренний кадр, одновременно незыблемый, но который постоянно реинтерпретируется на основе собственного опыта, идентификаций и интроекций, интериоризаций. Аналитик идентифицируется с тем, что и как делает его аналитик, а также супервизоры, преподаватели, авторы книг и другие значимые психоаналитики, которые тоже транслируют каждый свои тонкости кадра. Психоаналитические Сверх-Я и Идеал-Я порой говорят разные вещи, могут спорить и идентификации, а иногда находиться в жесткой оппозиции.

Идеал-Я требует соответствия идеальным стандартам, соблюдения буквы закона, а Сверх-Я призывает следовать духу закона. Только Сверх-Я может сказать, что каждому – свой кадр. Нельзя позволить кадру выродиться и превратиться в пустой ритуал или идол. Поклонение золотому тельцу дает иллюзию контроля над ситуацией и защиты. Когда мы из золота психоанализа выплавляем идола и ему начинаем поклоняться, делаем из него фетиш, то в жертву мы приносим своих пациентом и себя, как психику, так и тело.

Если будущий психоаналитик, психоаналитический терапевт узнает и понимает, что кадр, в котором он работает, неверный или недостаточно аналитический и его нужно менять, у него возникает чувство вины, тревога и страх, но также и внутреннее сопротивление. Если нет понимания смысла кадра, то он неизбежно будет ложным. Как ложное Я, что всегда сопровождается подавлением протеста и гнева, ненависти и конфликта, которые будут отыгрываться.

В психоаналитических обществах взрывы происходят именно из-за того, что есть внешнее давление, принуждение, а внутреннего понимания нет, нет смысла. Конфликт не осознается, а значит, и не может быть проработан, он может только проигрываться. И это не столько переносный гнев, сколько реальный, не проекция пациента или кандидата, а проекция аналитика. Групповые процессы всегда приводят к регрессии, то есть к нарциссическому уровню и уровню Идеала-Я, если даже не Я-Идеала, которые подменяют эдипальное Сверх-Я. Третьего нет, он исключен, имя отца под запретом, он превращен в идола, с которым говорить невозможно.

Кадр и дистанция

Одной из важнейших составляющих кадра является дистанция, как физическая, так и психологическая. О необходимости найти с каждым пациентом переносимую и комфортную для него дистанцию очень хорошо писал М. Буве (*Bouvet, 2009*). Новая реальность в жизни всего человечества меняет все кадры, в том числе психоаналитический. Вопросов пока больше, чем ответов. Возможен ли вообще дистанционный психоанализ, ведь необходимый для него кадр уже не создать? Идет ли речь для психоанализа и психоаналитического сообщества о невозможности соответствовать

психоаналитическому идеалу и принятии кастрации или о дискредитации метода и неприемлемых компромиссах?

В дистанционной работе кадр получает особые характеристики и смыслы. Отсутствует реальный поддерживающий кадр-пространство, который создает, обеспечивает и охраняет аналитик. Теперь пациент должен сам организовать для себя безопасное и стабильное пространство, на что не каждый способен. Трудно требовать от младенца, чтобы он сам о себе заботился, давая ему рекомендации и инструкции. Для кого-то местом для аналитической работы становится машина, для кого-то угол в гардеробной, а для кого-то и ванная комната – те единственные места, где человек может быть один и в безопасности. Сама организация работы и кадра становится материалом для длительной рефлексии и проработки. Эти новые измерения кадра нам еще предстоит осмыслить, учиться в них жить и продолжать аналитическую работу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бержере Ж. Психоаналитическая патопсихология. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001.
2. Бион У.Р. Научение через опыт переживания. М.: Когито-Центр, 2008.
3. Кестемберг Э. Фетишистское отношение к объекту // Французская психоаналитическая школа. СПб.: Питер, 2005. С. 527–544.
4. Ракамье П. Страдать и выживать в парадоксах // Французская психоаналитическая школа. СПб.: Питер, 2005. С. 544–556.
5. Ференци Ш. Язык нежности и страсти. // Классические психоаналитические труды. М.: Когито-Центр, 2009. С. 199–209.
6. Bouvet M. (2009) Technical variation and concept of distance // Reading French psychoanalysis. London and New York: Routledge.

The narcissistic and oedipal aspects of the setting

N.V. Main

Main Nadezhda Vladimirovna, psychoanalyst, psychiatrist, Ph.D. of Psychological Sciences, member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), member of the International Psychoanalytical Association (IPA), member of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA). Head of the Educational Center "School of Practical Psychoanalysis".

The subject of the setting in psychoanalysis and psychoanalytic psychotherapy will never lose its relevance and conflictual nature. Despite of the fact that the main parameters of the setting in the psychoanalytic method were established more than a hundred years ago, questions about the setting are to be resolved by each psychoanalyst daily. The setting is what is most stable in the psychoanalysis, but at the same time it is most tempted. The setting can be changed and transformed, that includes the transformation of its narcissistic and oedipal aspects, that are reflected in the setting and on the setting – this article is devoted to this.

Keywords: psychoanalysis, psychoanalyst, setting, oedipal, narcissistic, transformation, transfer, attack on the setting, the formation of the setting.

Изменчивая неизменность психоаналитического кадра

А.В. Россохин

Россохин Андрей Владимирович – титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. магистерских программ «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), президент Московской психоаналитической ассоциации (МПА), почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АРСВС), главный редактор журнала «Журнал клинического и прикладного психоанализа».

В статье рассматриваются классический и квантовый подходы к исследованию кадра в психоанализе. Вводится понятие микрокадра, описывающего то, что происходит на границах психоаналитической сессии. Автор исследует всегда существующую временную и пространственную турбулентность внутри микрокадра, в частности непрерывное изменение физической дистанции между пациентом и аналитиком. Рассматривается процесс перехода от одного микрокадра к другому при завершении сессии с одним пациентом и начале работы со следующим.

Описывается дву-смысленность психоаналитического кадра, его классическая и квантовая суть – две неизбежно конфликтующие и вызывающие турбулентность в микрокадре, но совершенно неразрывные составляющие психоаналитического кадра, обеспечивающие развитие психоаналитического процесса. В психоаналитическом процессе кадр неизбежно становится квантовым изменчивым иным, но одновременно остается классическим и неизменным, важнейшей константой анализа. Автор утверждает, что психоанализ может состояться, только если в ходе психоаналитического процесса кадр будет терять свою классическую неизменную суть и обретать для аналитика живую и конфликтную дву-смысленную «кожу». В статье анализируется внутренний кадр аналитика, базирующийся на постэдиповом принятии первосцены, позволяющем аналитику отслеживать изменения в микрокадре. Последнее способствует поддержанию и сохранению внешнего кадра психоаналитического процесса. Сохранение постэдиповой аналитической позиции критически важно, так как без проработки одновременно существующих отцовских и материнских компонентов интерпереноса проблему сохранения и поддержания кадра не разрешить.

Ключевые слова: психоанализ, квантовый психоанализ, психоаналитический процесс, кадр, сеттинг, микрокадр, микросеттинг, внутренний кадр, внешний кадр, время, пространство, перенос, контрперенос, интерперенос, первосцена, постэдипово Сверх-Я, отыгрывание, микроотыгрывание.

*«Искусство состоит из ограничений.
Самая красивая часть всех фотографий – это рамка».*
Гилберт К. Честертон

1. Психоаналитический кадр – неизменная константа?

В одной из своих статей (Россохин, 2020) я разбирал чань-буддийское изречение: «Когда я еще не начал изучать чань, горы были горами, а реки – реками; когда я начал изучать чань, горы перестали быть горами, а реки – реками; когда я постиг чань, горы снова стали горами, а реки – реками» (Абаев, 1989, с. 94).

Используя это чаньское изречение применительно к проблеме кадра, я мог бы сказать, что, до того как начался анализ, кадр был неизменным кадром (теоретическим концептом). После того как был запущен психоаналитический процесс, кадр перестал быть тем самым неизменным кадром, постепенно обретая живую аналитическую плоть и кровь. После завершения анализа кадр снова стал неизменным кадром. Кадр остается прежним, меняется лишь состояние пациента и аналитика.

Психоаналитический процесс приводит к измененным состояниям сознания у аналитика и пациента (перенос и контрперенос), изнутри которых «горы перестают быть горами», кадр перестает быть стабильным, пациент (иногда и аналитик) ощущает необходимость его изменения, например: увеличения или уменьшения времени сеанса, количества сессий, отказа от оплаты пропущенных сеансов, перехода к работе лицом к лицу и др. Мы все хорошо знаем, насколько важно в таких ситуациях сохранять кадр надежным и неизменным, выдерживая атаки на кадр и используя их для лучшего понимания бессознательного, ожившего в психоаналитическом кабинете. Только сохранение кадра, тщательный анализ и проработка видимых попыток его изменения может обеспечить надежное развитие психоаналитического процесса. Чтобы путешествовать в горах (процесс), нам нужно быть уверенными, что горы стабильны и неизменны (кадр). Горы должны остаться горами, чтобы чань-буддист мог пребывать в своем медитативном путешествии и быть способным вернуться в реальность.

Классический (неквантовый) взгляд описывает кадр как нечто настолько же стабильное и неизменное, как горы, что и представляется важнейшим необходимым условием для совершения трудного психоаналитического путешествия (*Khan, 1960; Green, 1974; Israël, 1984; Puget, 2006*). Жозе Блэгер описывает кадр как «не-процесс», который состоит из констант, внутри которых происходит сам психоаналитический процесс (*Bleger, 1979*). Изначально кадр устанавливается аналитиком, и пациент должен его принять, чтобы аналитический процесс начался. Любые попытки изменения кадра со стороны пациента рассматриваются как атаки на кадр и на психоаналитический процесс, проявление сопротивления пациента, связанного с тем или иным развивающимся в ходе анализа переносом. Задачей аналитика становится прояснение скрытого смысла этих нарушений кадра и их проработка с целью сохранения кадра как

необходимого условия для продолжения совместной работы (*Quagelli, Solano, 2016; Geltner, 2019*).

Это совершенно ясное и бесспорное понимание функции кадра в классическом психоанализе «взрывается», когда мы переходим к квантовому взгляду на психоаналитический процесс (Россохин, 2010, 2020). Возможно ли «упаковать» квантовую волну бессознательного процесса в строгий классический кадр? Так ли неизменны даже горы с квантовой точки зрения?

«В классическом мире из какого бы нашего состояния мы ни смотрели на древние горы, они бы и не шелохнулись. Даже если бы в нашем восприятии они сюрреалистически расплылись или кубистически выстроились, в объективной реальности ничего бы не изменилось.

Однако в квантовом мире это не так. Горы всегда пребывают в ином состоянии, чем мы полагаем. Они всегда *Иные, квантово волновые*. Любое наше наблюдение за ними, будучи инструментом классического мира, схлопывает это их квантовое *Иное* до, как нам кажется, знакомого нам, предельно стабильного и неизменного, объективного состояния. Но каждое такое схлопывание рождает *иное* состояние гор. Каждая новая классическая проекция квантового состояния представляет собой *иное*, а не возвращение к прежнему. Очевидно, что как волновая природа гор, так и их квантовая изменчивость под нашим взглядом бесконечно малы, но все-таки они никогда не равны нулю. То есть даже горы под нашим взглядом становятся *иными*, переходя из одного классического состояния в иное.

Приобретая в ходе "чаньского" процесса иной квантовый опыт интерсознания, монах навсегда сохраняет "дву-смысленное", классическое и квантовое, восприятие обеих реальностей. До того как он начал изучать чань, мир был классическим, стабильным и понятным. После того как он начал изучать чань, мир стал иным, квантовым и неизвестным. После того как он постиг чань, он обрел понимание дву-смысленности мира и себя самого. Мир и он сам продолжили быть квантовым *Иным*, и одновременно остались классическим и неизменным. В этом смысле и сам монах остался в классическом измерении самим собой, сохраняя свою идентичность, но одновременно обрел контакт с собой *Иным* в квантовом мире.

Аналогично до того, как начался анализ, пациент был собой, аналитик был собой. После того как они начали анализ, пациент перестал быть собой и аналитик перестал быть собой (игра переноса и контрпереноса). После того как они завершили анализ и произошло полное разрешение невроза переноса, пациент стал другим, а аналитик снова стал собой (горы снова стали горами).

Обоим участникам психоаналитического процесса нужно потерять свою классическую идентичность, чтобы обрести новую дву-смысленную (классическую и квантовую) идентичность – оставаться знакомым, понятным, стабильным Я и одновременно сохранять свою изменчивую и развивающуюся *квантовую идентичность*, свое квантовое Я (интерсознание). Развитие способности оставаться одновременно классическим *Собой* и квантовым *Иным*, *сохраняя и развивая дву-смысленную идентичность*:

классическую и квантовую, – возможно, это одна из главных задач психоанализа» (Россохин, 2020, с. 50).

С точки зрения квантового психоанализа стабильность кадра представляет собой такую же иллюзию, как и стабильность и неизменность гор. Что же это за квантовое *Иное* так хорошо нам известной главной константы психоанализа?

Даже при ближайшем рассмотрении никакой стабильности и неизменности психоаналитического кадра не существует и никогда не было ни в одном психоаналитическом процессе за всю более чем столетнюю историю психоанализа. Давайте повнимательнее рассмотрим, что происходит с кадром в анализе. Для этого я введу понятие **микрокадра**, который в отличие от видимых и осознанных аспектов кадра, как правило, остается невидимым и бессознательным. Фактически речь идет о том, что происходит на самых границах кадра.

Важнейшими составляющими психоаналитического кадра являются время и физическое пространство сеанса.

2. Время в микрокадре

Во французском психоанализе сеанс длится 45 минут. Представим себе, что время сеанса с пациентом у аналитика с 12:00 до 12:45. Понятно, что если сеанс начинается в 12:05 или заканчивается в 12:50, то это становится достаточно видимым нарушением кадра. В случае если изменение времени составит, например, 10 и более минут, то не увидеть этого будет достаточно сложно даже для аналитика в сильном контрпереносе.

Точное соблюдение кадра требует начала и завершения сеанса строго по гринвичскому времени. На это способен только робот или, как сейчас модно говорить, искусственный интеллект, и вряд ли каждый из нас хотел бы им быть в процессе своей работы с пациентом. Так что происходит на границах кадра? Иногда мы начинаем в 11:59 или 12:01 и завершаем сеанс в 12:44 или в 12:46. Эти 4 минуты на границах точного времени кадра и есть временная составляющая микрокадра.

Стремлюсь ли я всеми силами начать сеанс и закончить его в абсолютно точное время? Если это так, то вместо того, чтобы слушать пациента, мое внимание будет постоянно направлено на контроль времени. Почему так происходит? Если я завершил этот сеанс в 12:46, означает ли это, что все следующие сеансы будут завершены в 12:46? Что происходит со временем в микрокадре? Какие изменения во времени микрокадра происходят от сеанса к сеансу? Стремится ли пациент позвонить в домофон немного раньше – так, чтобы войти в кабинет на 1 минуту или даже на 30 секунд раньше начала сеанса? Делает ли он что-то, чтобы продлить время сеанса на 1 минуту? Происходит ли это регулярно от сессии к сессии? Или это аналитик регулярно завершает сеанс в промежутке от 12:46 до 12:47? Почему? Откуда прорастает это *микроотыгрывание* внутри сессии? Внимание к игре времени внутри микрокадра позволит аналитику обнаружить невидимые аспекты переноса пациента или собственного

контрпереноса. Как часто я смотрю на часы? Растет ли мое напряжение ближе к 12:45? Что я чувствую в теле?

Как я проживаю эту неизбежную турбулентность на самых границах кадра? Не замечаю ее совсем? Не обращаю внимания? Доволен собой, что я в точности соблюдаю кадр? Означает ли это, что в этом случае нет турбулентности?

Мы хорошо знаем, что важно обращать внимание на *видимые* изменения кадра, которые заставляют нас их заметить, задуматься, проанализировать, пытаться понять, что происходит. Но не прорастают ли они из невидимых или даже из тех изменений, на которые мы не обращаем никакого внимания в силу их малости?

Как бы мы ни старались сохранить кадр и быть «настоящими» психоаналитиками, никакого неизменного кадра не существует, как не существует и времени окончания сеанса в 12:45. Если у нас не установлен будильник, оповещающий о наступлении 12:45 по Гринвичу, то сеанс закончится или в 12:44 и 45 секунд, или в 12:45 и 20 секунд или т. п.

Даже в случае стремления аналитика использовать, например, вибросигнал в 12:45 это не решит проблему микрокадра. Допустим, аналитик слышит этот сигнал ровно в 12:45. Насколько мгновенно он произносит фразу о завершении сеанса? Что побуждает его прервать пациента на полуслове ради соблюдения кадра? Или он ждет, когда пациент завершит предложение? Как долго? Это все и представляет собой временную динамику микрокадра.

С квантовой точки зрения анализ представляет собой волнообразный процесс, как правило, с сознательными гребнями во время сеансов и хвостами бессознательного в промежутках между ними. Прорывы сознательной составляющей этой волны часто происходят и вне аналитических сессий – как у пациента, так и у аналитика. Но в любом случае сознательная компонента волны – это не более чем самая верхушка психического айсберга, оставшаяся бесконечная часть которого принципиально бессознательная.

Что происходит с волной переноса-контрпереноса, а точнее, с волной интерпереноса (Россохин, 2020) на временных границах сессии? Куда она исчезает? Как на нее влияет прохождение обеих границ – начала сессии и ее завершения? Она плавно продолжает свое течение во время и пространство вне сеанса или на границах возникают едва заметное бурление, микроводовороты, встречные потоки? Продолжаются ли они незаметно для пациента и аналитика за пределами сеанса?

Эти инерттрансферентные хвосты могут быть видимыми, когда они вносят значительную турбулентность в кадр, и могут стать серьезным, а в случае «негативной терапевтической реакции» даже непреодолимым препятствием для продолжения работы. Но не являются ли они следствием тех незаметных процессов в микрокадре, увидев которые и начав их осмысление на этом микроэтапе развития психоаналитического процесса аналитик имел бы возможность предотвратить тяжелые последствия некоторых внезапных отыгрываний с обеих сторон?

Как правило, мы не обращаем внимание на происходящее внутри микрокадра. При условии что это напряжение на границах не выплескивается за пределы микрокадра, это считается достаточно хорошим соблюдением сеттинга. Но турбулентность есть всегда, так как это переход (схлопывание) волнообразного квантового процесса, происходящего на сессии, в корпускулярный классический процесс, в котором анализ представляет собой линейный процесс, протекающий от сессии к сессии.

3. Пространство в микрокадре

Мы можем ясно ощутить это схлопывание квантового процесса на границах кадра, когда поставим себя на место пациента (или аналитика), сталкивающегося с физической реальностью второго участника анализа в момент начала сеанса и в момент его окончания, когда пациент встает с кушетки. До этого момента, пребывая в квантовом интертрансферентном процессе, каждый из них в той или иной мере сознательно, но преимущественно бессознательно коммуницировал с совершенно иным, психически квантовым объектом. Какое «землетрясение» вызывает встреча с реальностью Другого? Как она влияет на возвращение в квантовый процесс анализа? Что с ним происходит в момент новой встречи с Другим в момент завершения сессии? Если анализ состоялся, то нелинейный и многомерный квантовый аналитический процесс продолжается непрерывно, микросхлопываясь только на границах кадра в моменты встречи с реальностью Другого.

Не поэтому ли так опасны случайные или преднамеренные встречи аналитика и пациента вне микрокадра? Внезапное столкновение на улице, неожиданно увиденное интервью на просторах интернета или по телевизору, встреча на конференции, семинаре и т. п. Даже разговор по телефону, практикуемый некоторыми психотерапевтами, приводит к новому схлопыванию квантового процесса до классического измерения. Видимо, поэтому пациенты, находясь в глубоком психоаналитическом процессе, избегают смотреть на аналитика, входя в кабинет и выходя из него и стремясь сохранить его квантовый трансферентный образ. Это, конечно, может быть как хорошим знаком, так и признаком сопротивления. Для понимания того, почему это происходит, нам необходимо внимание к микрокадру.

Но как мы сами проживаем эти схлопывания? Если для меня в этом нет ни малейшей проблемы, то, скорее всего, или аналитический процесс так и не начался или я полностью вытесняю переживания на границах кадра. Смотрю ли я на пациента? Как я на него смотрю? Как долго я на него смотрю? Насколько велико мое желание отвести от него взгляд? Ощущаю ли я некоторую встряску от встречи с его физической реальностью? Как все эти переживания меняются от сеанса к сеансу? Это только самая малая часть вопросов, которые может задавать себе рефлексивное психоаналитическое Я, внимательное к своим переживаниям в микрокадре.

Пространственная организация анализа представляет собой важнейшую часть кадра, которая не менее часто подвергается атакам со стороны

пациента, например, в виде требования перехода на кресло и работы лицом к лицу, желания пациента встать с кушетки и походить по кабинету, снять обувь, просьбы дать плед и т. п. Все это представляет собой различные варианты удовлетворения скрытого часто полностью неосознанного желания изменения физической и, соответственно, психологической дистанции между аналитиком и пациентом или с целью ее уменьшить для обретения большей близости, или увеличить в случае ощущения опасности.

Обычно мы обращаем внимание на то, насколько долго пациент задерживается у двери, ведущей на лестничную клетку. Насколько долго он одевается, наматывает шарф, надевает шапку, вешает сумку то на одно, то на другое плечо. Или, напротив, стремительно выскакивает и захлопывает за собой дверь. Это явные и видимые проявления на границах кадра.

Но как схлопывание квантовой аналитической волны влияет на то, что происходит в физическом пространстве микрокадра? Аналитик объявляет о завершении сеанса. Что происходит дальше? Кто встает первым? Всегда ли так происходит? Начинаем ли мы физически напрягаться и, возможно, даже немного приподниматься на кресле? За какое время до 12:45? Что происходит в этом временном зазоре, между моментом, когда пациент встает с кушетки, и моментом, когда он выходит за дверь?

Возможно, наиболее ясно мы можем увидеть пространственные изменения в микрокадре, понаблюдав за физической дистанцией между собой и пациентом. Это один из самых, казалось бы, невидимых инструментов для «измерения» турбулентности в микрокадре.

На каком расстоянии от него мы встречаем пациента? Оно всегда одинаковое или меняется от сессии к сессии? Когда пациент проходит к кушетке, мы уже сидим в кресле или стоим? На каком расстоянии от нас он проходит? Какие чувства это вызывает у нас? Как изменяется это расстояние в ходе процесса? Кто первый встает, когда сессия заканчивается? Это всегда именно так? На каком расстоянии от вас проходит пациент, направляясь к выходу из кабинета? Он идет уверенно по прямой или обходит нас по кругу? А нам самим как хотелось бы, чтобы он прошел? Ощущаю ли я напряжение и еле заметный рост тревоги, когда он лишь чуть-чуть больше приближается ко мне, чем обычно? Что я чувствую, когда эта дистанция между нами совсем немного увеличивается? Невидимые бессознательные процессы могут по крайней мере немного подсветиться, если мы обратим внимание на происходящее в микрокадре.

Пребывать в уверенности в том, что психоаналитический кадр можно сохранить в неизменности, это примерно то же самое, что верить, что возможно всегда сохранять одну и ту же дистанцию между аналитиком и пациентом, всегда начинать в 12:00 и заканчивать ровно в 12:45. Как и со временем, так и с пространством в микрокадре необходимо не стремиться сохранять некую заданную теорией константу, а быть максимально чувствительным к турбулентности в микрокадре вокруг нее. Это как в детской игре «холодно-горячо», но с небольшими коррекциями в правилах игры. Тут, наоборот, чем горячее (например, в случае скрытого эротического переноса), тем больше нужно совсем немного, но двинуться

в противоположном направлении – чуть увеличить дистанцию. Если «холодно» (например, в случае скрытого агрессивного переноса), то нужно совсем немного двинуться навстречу физически и психически-эмпатически. Чем раньше мы сможем почувствовать, что временные или пространственные изменения в микрокадре сигнализируют нам о том, что становится чуть более «горячо» или «холодно», тем быстрее мы сможем начать лучше понимать бессознательный процесс между нами, не доводя дело до очевидных отыгрываний.

4. Между двумя микрокадрами

Завершая сессию с одним пациентом, мы или сразу (как часто во Франции), или через небольшой перерыв открываем дверь другому пациенту. Если оба пациента в анализе, то на первый взгляд у обоих аналитических процессов один и тот же кадр. Это успокаивает нас, словно гарантируя плавный переход от одного процесса к другому.

Так ли это? Если мы говорим о кадре как о теоретической концепции, то, вне всякого сомнения, кадр в обоих процессах одинаков. Когда же речь идет о двух совершенно различных психоаналитических процессах с двумя разными пациентами, то мы оказываемся между двумя совершенно отличными друг от друга микрокадрами.

Как ожидание следующего пациента влияет на завершение сессии с предыдущим? Как завершение сессии с одним пациентом влияет на начало сессии с другим? Я встречаю и провожаю их обоих одинаково? В чем отличие? Я мгновенно забываю о прошедшей сессии и переключаюсь на следующую? Как долго и как именно продолжает жить анализ с первым пациентом на сессии со вторым? Как изменение физической дистанции в первом микрокадре искривляет физическое пространство во втором микрокадре? Как ожидание второго пациента изменяет дистанцию с первым?

Нам всем хорошо известно, что кадр защищает как пациента, так и аналитика (*Quinodoz, 1992; Defontaine, 1991*). Даже в классическом линейном измерении мы хорошо понимаем, что, завершая эмоционально заряженную сессию с пациентом, мы неизбежно в той или иной степени переносим это напряжение в сессию с другим пациентом. Но если сессия прошла достаточно спокойно, у нас есть уверенность, что, закрыв двери за пациентом, мы оставили его процесс по ту сторону нашего кабинета, и теперь мы совершенно открыты для сессии со следующим пациентом.

Классическое измерение рисует нам следующую картину. Аналитик работает с одним пациентом 45 минут. Это время, как он считает, полностью принадлежит этому пациенту. Дальше к нему приходит другой пациент, и ему аналитик уделяет другие 45 минут. Когда он завершает все свои сеансы, то наступает его личное время, полностью свободное от его пациентов. Если это не так и он не может выйти из своей работы и переключиться на свою личную жизнь, то тогда ему нужны супервизии или даже дополнительный личный анализ.

Это действительно так?

Представим, что этот анализ проходит не на одной-единственной психической сцене, а на множестве сцен в многомерном нелинейном квантовом психоаналитическом театре. На каждой такой сцене идет свой собственный спектакль, где-то драма, где-то комедия, трагедия, мелодрама, клоунада, цирк и т. п. У каждого спектакля есть свой собственный кадр – фиксированная продолжительность действия той или иной части, антракты, перерывы, время окончания, начала следующего представления. На центральной ярко освещенной и хорошо видимой нам сцене мы закрываем дверь за пациентом, но на бесчисленном количестве остальных сцен, связанных с этим пациентом, действие не только не заканчивается, а может усиливаться в связи с завершением сессии в реальном мире.

С квантовой точки зрения, если мы начали работать с этим конкретным пациентом, то он неизбежно становится *присутствующим* во всей нашей жизни – не только профессиональной, но и личной. Этот пациент и его аналитический процесс будут продолжать присутствовать в нашей жизни и после завершения анализа, конечно, в форме незаметных квантовых хвостов, но иногда внезапно напоминая о себе гребнем, когда при слушании через много лет очередного пациента на нашей с ним психической сцене внезапно откуда ни возьмись появится тот самый прежний пациент в виде воспоминания о его сновидении или о том или ином материале из его анализа.

Ранее я писал, что квантовая волна интерпереноса живет и развивается одновременно в самых различных состояниях на бесконечных психических сценах. Небольшая часть из этих последних отражает взаимодействие гребня интерсознания аналитика и хвоста интерсознания пациента. Тогда на этих сценах у аналитика существует устойчивое ощущение (вместе с тем являющееся иллюзией), что он живет своей жизнью, полностью независимой от пациента. Аналогично на сценах, где доминирует гребень интерсознания пациента, такое же ощущение есть и у пациента. На всех остальных бесконечных психических сценах с различными взаимодействиями многомерных нелинейных волн двух интерсознаний возникают совершенно различные перипетии интерсуперпозиции интерпереноса – волны сталкиваются гребнями, рождают водовороты и вихри, поглощают, усиливают друг друга, создавая самые причудливые волновые спектакли. И все это одновременно, хотя и с разной вероятностью.

Квантовая волна интерпереноса может максимально пробуждаться, активизироваться и пульсировать в ходе сессии, отходя за кулисы между сессиями. Но она никогда не исчезает из психического мира обоих участников процесса. В другие моменты она, напротив, может мощно проявить свою активность вне аналитического кабинета, сохраняя пассивность внутри его, – тогда мы называем это отыгрыванием (пациента или аналитика) вовне (Steiner, 2006).

В квантовом измерении нелинейный и многомерный волнообразный психоаналитический процесс с одним пациентом происходит одновременно с процессами с другими пациентами. Очевидно, что это не параллельные вселенные, никак не влияющие друг на друга. Эти различные процессы сталкиваются друг с другом гребнями и хвостами, порождая

совершенно неожиданные столкновения и турбулентности как во время психоаналитических сессий, так и вне их.

Работая с конкретным пациентом, мое сознание, но преимущественно бессознательное знает о предстоящих сессиях с другими пациентами, чьи процессы в нашем общем мультиинтерсознательном пространстве неизбежно активируются навстречу предстоящим сессиям. Фактически это означает, нравится мне это или нет, что я, проводя конкретную сессию, неизбежно участвую и во всех остальных процессах также.

Волнообразный процесс анализа представлен видимыми гребнями внутри кадра и практически невидимыми хвостами во все остальное время. Соответственно, хвостовая часть процесса с одним пациентом неизбежно проникнет сквозь границу, очерченную кадром, в пространство между двумя пациентами и далее, сквозь второй кадр на психическую сцену другого пациента. В случае сильно эмоционально нагруженной сессии мы это осознаем. В остальных случаях влияние этих хвостов на другой или другие психоаналитические процессы остается незаметным, но может стать видимым внутри микрокадра. Стремиться к тому, чтобы избежать подобного влияния, можно, но это будет такая же иллюзия, как сказать себе, что у меня нет бессознательного.

Мой акцент на квантовом волновом измерении кадра ни в малейшей степени не обесценивает фундаментальную значимость четко очерченной, корпускулярной рамки кадра в классическом измерении. «Дву-смысленность», классическая и квантовая суть психоаналитического кадра, – это две неизбежно конфликтующие и вызывающие турбулентность в микрокадре, но совершенно неразрывные составляющие психоаналитического кадра, обеспечивающие развитие психоаналитического процесса.

Кадр неизбежно становится квантовым изменчивым иным, но одновременно остается классическим и неизменным, важнейшей константой анализа.

Мы пытаемся строго удерживать время и пространство в классическом измерении, четко их зафиксировав («волна замри») для того, чтобы внутри этого кадра жило и буйствовало квантовое бессознательное, чтобы ухватить его хотя бы на время, дать ему «реальное» классическое измерение, чтобы была возможность осмыслить происходящее.

Чтобы погружаться в квантовые глубины внутреннего мира, нам нужна классическая почва под ногами. Горы должны быть не только иными, квантовыми, но и, одновременно, оставаться классическими неизменными горами, чтобы монах мог терять идентичность и вновь обретать ее, уже «дву-смысленную», квантовую и классическую.

Психоанализ может состояться, только если в ходе процесса *психоаналитический кадр будет терять свою классическую неизменную суть и обретать для аналитика живую и конфликтную дву-смысленную «кожу».*

5. Первосцена, внутренний и внешний психоаналитический кадр

Казалось бы, какое отношение имеет первосцена к кадру? Способность аналитика сохранять внешний кадр и быть чувствительным к изменениям внутри микрокадра зависит не только от его способности чувствовать, ощущать, наблюдать, улавливать элементы невидимого, скрывающегося за видимым психическим материалом. Это также напрямую зависит от его внутреннего кадра (*Parsons, 2007*) и его способности принимать внешние и внутренние ограничения без потери контакта с бессознательным.

Психоаналитический кадр (рамка) – это определенные ограничения во времени и пространстве, внутри которых происходит фантазийная жизнь интертрансферентного бессознательного, ее наблюдение и аналитическое осмысливание.

Наша психоаналитическая работа фактически представляет собой одновременную игру на психической сцене вместе с пациентом; проживание вместе с ним посредством нашей бессознательной эмпатии отцовско-материнско-детских драм; наблюдение за всем этим из зрительного зала, осмысливая и переосмысливая происходящее на сцене, находя скрытые связи, обнаруживая еле видимое, чувствуя присутствие или отсутствие невидимого – того, что должно было бы быть на сцене, но по каким-то причинам отсутствует или прячется в темноте; и, наконец, контроль за соблюдением и сохранением психоаналитического кадра. Проживание чего-то эмоционально заряженного, непонятного, таинственного (чужая душа – всегда потемки), наблюдение за этим и принятие временных и пространственных ограничений.

Разве проживание первосцены в фантазийном пространстве ребенка не является одним из важнейших прототипов психоаналитической работы? Когда за условными закрытыми дверями родительской спальни происходит нечто таинственное, что одновременно эмоционально возбуждает и фрустрирует ребенка, делая невыносимым его одиночество в своей кровати. Родительская пара существует без него, таинство его рождения происходило и происходит без него, они вместе, а он один, их объединяет то, что ему недоступно. Невыносимое возбуждение и одиночество подталкивает ребенка к физическим действиям – ворваться в спальню к родителям, залезть в кровать между ними, разделить их и, одновременно, объединить их вокруг себя как центра семейной вселенной.

Этот «взрыв» ночного кадра, атаки на него, как правило, приводят к усилению ограничений и запрету на физическое проникновение в спальню. Ребенок должен принять ограничения – кадр, установленный отцом, успокоиться и уснуть в одиночестве. Если его апелляции к матери не принесут результата, он будет вынужден смириться с ограничениями. Но именно этот ночной кадр и приводит к появлению психической первосцены. Будучи неспособным прорваться в спальню физически, он проникает в нее своим любопытством – фантазийно. Посредством своих

фантазий он оказывается одновременно как в самом центре первосцены, так и вне нее, наблюдая за ней со стороны.

Захватывающие, манящие, в одно и то же время ужасающие и перевозбуждающие фантазии о первосцене становятся совершенно непереносимыми вследствие невозможности принять интимное сосуществование отца и матери, одновременной идентификации с обоими родительскими объектами. Пробуждающийся эдипов конфликт вносит свои коррективы в психическую бисексуальность ребенка (его желание быть и отцом, и матерью в одно и то же время). Происходящий выбор того или иного родительского объекта приводит к развитию соответствующей сексуальной идентичности, ценой вытеснения противоположной.

Во время личного анализа будущий аналитик фактически проделывает обратную психическую работу. Чтобы иметь возможность принимать и отцовские, и материнские проекции пациента, принять существование отца и матери вместе в их неразрывной взаимосвязи в первосцене, он должен вернуть себе способность быть психически бисексуальным, сохраняя при этом свою сексуальную идентичность. Я мог бы сказать, что последняя сохраняется в классическом реальном измерении, в то время как в квантовом измерении он вновь получает доступ к своей утерянной в детстве психической бисексуальности с ее одновременными отцовскими и материнскими фантазиями.

Это достигается не путем регресса к тем самым инфантильным переживаниям первосцены. Это как раз только самое начало долгой психоаналитической работы с ними, результатом которой становится появление постэдипова Сверх-Я и постэдипова Я. Последние как раз и дают человеку, достаточно хорошо прошедшему анализ, возможность принимать кадр и ограничения первосцены без его обжигающей невыносимости и желания вырваться из него, без необходимости устранения одной из родительских фигур в первосцене.

Во внешней реальности это признание и полное принятие происходящей за закрытыми дверями интимной жизни как своих родителей, так и родителей своих пациентов. Во внутренней – обретение постэдиповой способности проживать вместе с пациентом различные фантазийные драмы интертрансферентных психически бисексуальных первосцен, в которых многомерно и нелинейно переплетены всевозможные отцовские и материнские объекты. Другими словами, обретение той самой искомой способности проживать все перипетии первосцены на аналитической сцене с одновременным наблюдением за всей полнотой картины, рефлексией и переосмыслением, а главное – внутренним временным и пространственным контролем за происходящим на сцене и вне ее, чтобы психические переживания не спровоцировали разного рода отыгрышания, уже физические выходы из внешнего кадра. Этот внутренний кадр, базирующийся на постэдиповом принятии первосцены, на постэдиповых Сверх-Я и Я, позволяет аналитику отслеживать изменения в переходном пространстве между внутренним и внешним, квантовым и классическим – а именно в микрокадре. Последнее способствует поддержанию и сохранению внешнего кадра психоаналитического процесса.

И наоборот, нарушение внутреннего кадра первосцены, его перекося в сторону тех или других родительских объектов, будет приводить или к стабильному и неизменному кадру как результату бессознательного сговора аналитика и пациента не прикасаться к первосцене, или к тем или иным нарушениям кадра, атакам на кадр, отыгрываниям.

Внутренний кадр помогает аналитику осознавать то, что происходит в микрокадре и тем самым поддерживать и сохранять внешний кадр. Этот постэдиповый внутренний кадр невозможно установить раз и навсегда, он всегда продолжает быть принципиально и неизбежно эдипово-конфликтным, сколько бы лет хорошего анализа мы ни прошли. В противном случае нам пришлось бы предположить, что эдипов конфликт может быть окончательно и полностью проработан и разрешен, что означало бы, что результатом анализа было бы исчезновение бессознательного.

В ходе анализа пациент своими переносами выбивает нас из относительно устойчивого внутреннего постэдипова состояния, побуждая нас принять его материнские или отцовские проекции и проживать соответствующий контрперенос. Можно об этом сказать точнее, используя меткую метафору Треурнитта, который остроумно утверждает, что «аналитик втягивается в мир внутренних объектов своего пациента аффективным лассо и что он должен что-то делать с этим миром, затрагивая как психическое равновесие пациента, так и свое собственное, если он хочет добиться хоть какого-то терапевтического эффекта» (*Treurniet, 1993*).

Я бы описал происходящий процесс еще одним способом. Наше постэдипово психоаналитическое Я позволяет нашему любопытному инфантильному Я прорвать «нарисованный очаг папы Карло» и оказаться полностью вовлеченным в происходящее на множестве сцен нашего совместного с пациентом театра интерпереноса.

При этом постаналитическое рефлексивное Я, сидящее в зрительном зале, стремится увидеть, осмыслить, обнаружить скрытые связи, параллели, противоречия, присутствующее и отсутствующее, видимое и невидимое, сохраняя внимание ко всем аспектам первосцены. Постэдипово Сверх-Я в это время следит за внутренним и внешним кадром.

Нарушение в результате игры интерпереноса постэдипового внутреннего кадра с его относительно устойчивым балансом первосцены, то есть одновременным присутствием и взаимодействием как отцовских, так и материнских объектов, приводит к исчезновению пары и доминированию на психической сцене только одного родительского объекта. Мы можем отследить это по турбулентности внутри микрокадра, еще задолго до того, как она превратится в нарушение кадра или атаки на него. Восстанавливая баланс первосцены в своем внутреннем кадре, мы становимся способными поддерживать баланс в микрокадре и сохранять внешний кадр, без потери «первосцены» интерпереноса.

Трансферентные атаки пациента на наш внутренний кадр происходят все время, что означает, что нам непрерывно приходится проводить постоянную работу и восстанавливать свою способность принимать первосцену интерпереноса и видеть ее в ее самых разнообразных многомерных проявлениях. Постоянная работа по поддержанию внутреннего

кадра – это непрерывная проработка внутреннего эдипова конфликта и восстановление баланса внутренней первосцены во всей ее полноте.

Если, например, на авансцене разворачивается детско-материнская игра переноса и контрпереноса, то наша способность увидеть «невидимые» отцовские фигуры прямо зависит от того, как мы проработали в своем личном анализе свой собственный эдипов конфликт. Сохраняющаяся невыносимость первосцены может заставлять нас шаг за шагом незаметно для самих себя делать выбор в пользу только одного из двух переносов-контрпереносов – или материнского, или отцовского, в зависимости от того или иного результата проработки нашего эдипова конфликта.

Постэдипово Сверх-Я, основанное на достаточно хорошем разрешении эдипова конфликта, признает и разрешает существование первосцены – одновременное сосуществование, взаимодействие и сложное «переплетение» отцовского и материнского на одной психической сцене вместе с психоаналитическим Я, наблюдающим за этой игрой со стороны.

Наше с самого раннего детства наблюдающее (в первую очередь фантазийно) Я в ходе собственного анализа обретает способность становиться рефлексивно-аналитическим наблюдающим Я, сохраняя одновременно и инфантильное наблюдающее Я, благодаря которому мы можем эмпатически проживать вместе с пациентом его собственные первосцены. Проваливаясь во внутреннее отреагирование, мы играем совершенно различные роли на множестве сцен многомерного нелинейного театра интерпереноса, но наше рефлексивно наблюдающее аналитическое Я, сидящее в зрительном зале, может обнаружить нас лишь в небольшой части этих сцен.

Если у нас нет достаточного принятия собственной первосцены и, соответственно, собственной психической бисексуальности, то нам может быть сложно не только принять, но даже увидеть одновременную игру различных аспектов мужского и женского, отцовского и материнского как внутри себя, так и у пациента, но главное – в многомерном театре нашего с ним взаимодействия (в интерпереносе).

Все это приводит не только к ограничению количества видимых психических сцен, но иногда к их сведению до одной-единственной, на которой будет разыгрываться только один сценарий с отцовским или материнским переносом-контрпереносом. Может ли аналитик на психических сценах интерпереноса быть одновременно разными отцовскими и материнскими объектами, позволяя себе видеть их совершенно различные переплетения и проникновения во множестве образов первосцены?

Если аналитическое постэдипово Сверх-Я в достаточной степени позволяет существовать внутренней первосцене, принимая тайну скрытого и невидимого интимного взаимодействия отцовских и материнских объектов и неизбежно сохраняющийся при этом конфликт между ними, то аналитик получает возможность не только одновременного бессознательного проживания (что и так происходит практически всегда), но и более глубокого осознания непрерывной игры отцовского и материнского интерпереноса.

Рассмотрим небольшой пример.

Простая относящаяся к сохранению кадра фраза «Вам необходимо оплатить пропущенный сеанс» может вызвать на психоаналитической сцене совершенно различные коллизии.

Убежденность, что ее может сказать нейтрально-доброжелательный аналитик, не имеет ни малейших оснований. Если психоаналитический процесс происходит, то в нем реальный аналитик представляет собой лишь одно из многих действующих лиц.

С одной стороны, мы можем считать, что пациент услышит эту фразу так или иначе, в зависимости от того, кем именно для него в текущем переносе является аналитик. С другой стороны, аналитик всегда сам находится в том или ином контрпереносе, и это соответствующим образом модулирует его высказывание. С третьей стороны, и у пациента, и у аналитика есть не только один видимый план переноса и контрпереноса, но множество других, невидимых. Последние иногда способны значительно влиять на наш тон и скрытый эмоциональный посыл произносимой фразы, изменяя его вплоть до противоположного.

Представим себе, что на тускло освещенной авансцене реальный мужчина-аналитик, сидящий в кресле, что-то говорит реальному пациенту, лежащему на кушетке. Эта фраза мгновенно включает различный свет на множестве других, расположенных в многомерном пространстве сцен.

На одной из них, самой яркой, добрая мать говорит сыну-первокласснику, что он должен выучить урок. Сын при этом точно знает, что беспокоиться не о чем. Мать ему все простит и не будет ни ругать, ни настаивать, если он не сделает то, что она просит.

На другой не такой освещенной сцене мы видим недовольного отца, который с раздражением отчитывает сына-пятиклассника, требуя от него выполнять взятые на себя обязательства.

На третьей он же, подбрасывая вверх трехлетнего сына, кричит ему, что весь мир у его ног и он может повелевать им.

Внезапно громкий крик приковывает наше внимание к другой сцене, где мать дает сыну сильный подзатыльник за то, что он был должен вернуться домой к девяти вечера, а пришел только к полдесятого.

Мы, конечно, понимаем, что таких сцен, свет на которых включается в момент произнесения той или иной фразы, бесконечное множество. Совсем небольшая часть из них влияет на восприятие фразы пациентом на уровне гребня, остальные – на уровне хвостов.

Любые фразы, вопросы, утверждения, намеки, касающиеся кадра (как и всего в анализе), неизбежно провоцируют конфликт на многих уровнях игры переноса и контрпереноса. Этот конфликт в лучшем случае производит ту или иную турбулентность в микрокадре, в худшем – приводит к атакам на кадр и различным отыгрываниям вне кадра.

В приведенном мною примере если в аналитическом процессе начнет доминировать сцена с добрым трансферентным образом матери, то все остальные сцены начнут постепенно затемняться и исчезать из поля видения обоих участников процесса. В результате это приведет к соответствующим нарушениям кадра – отсрочкам и задержкам оплаты, появлению

«объективных» причин не платить за пропущенные сессии, стремлению продлить время сессии при одновременном опоздании на нее, усилению позиции «жертвы» со стороны пациента, поиску понимания и сочувствия со стороны аналитика и т. п.

Если же доминирующей станет сцена с недовольным и раздраженным отцом, то сохранение кадра и оплата пропущенных сессий произойдут ценой подавления (в моей метафоре – уменьшения или практически полного выключения света на остальных сценах) не только ответной агрессии и развития скрытого агрессивного отцовского переноса, но и потери трансферентно-материнского ожидания от аналитика понимания, сопереживания, заботы. Это может привести к другим нарушениям кадра – скрытым атакам на кадр, упрямому саботированию процесса, отыгрыванию агрессии вовне.

При произнесении любой фразы, относящейся к кадру, трансферентный конфликт между отцовским объектом, требующим поддержания правил, и материнским понимающим, эмпатическим, сопереживающим и «входящим в положение» абсолютно неизбежен и задан самой динамикой аналитического процесса.

Если аналитик, в силу той или иной проработанности собственной первосцены, не готов проживать одновременно различные отцовские и материнские контртрансферентные переживания, быть в то же самое время и отцом, и матерью для своего пациента, ощущая и проживая разворачивающиеся конфликты в границах микрокадра и в целом вокруг психоаналитического кадра, то это будет приводить к тем или иным уже видимым отыгрываниям.

Секрет сохранения кадра заключается не в поддержании всеми силами его постоянства, стабильности и неизменности, а в признании его неизбежной конфликтности и изменчивости, вызванной первосценой интерпереноса – взаимодействием множества отцовских и материнских переносов и контрпереносов. Это признание даст возможность аналитику быть максимально чувствительным к одновременным проявлениям последних, в первую очередь в границах микрокадра, что позволит прорабатывать конфликты, не дожидаясь «видимого штормового предупреждения». Главная психоаналитическая «константа» также имеет не только ясную и четкую «корпускулярную» природу, но и волновую, изменчивую. Важно, чтобы ее колебание происходило в рамках микрокадра, иногда немного выплескиваясь и за него, но не приводя к значительным отыгрываниям и разрушениям кадра. Сохранение постэдиповой аналитической позиции в решении этой задачи критически важно, так как без проработки одновременно существующих отцовских и материнских интерпереносов проблему сохранения и поддержания кадра не разрешить. Установив кадр только на одной из сцен, мы рискуем не заметить, как происходящее на других сценах полностью выйдет за пределы кадра, установленного нами для одной кажущейся нам главной сцены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абаев Н.В.* Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск: Наука, 1989.
2. *Россохин А.В.* Интерсознание в психоанализе. М.: Когито-Центр, 2010. 304 с.
3. *Россохин А.В.* Интерпретации в психоанализе: там, где было Я и Оно, должно стать Иное // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2020. Т. 1. Вып. 1. С. 5–51.
4. *Bleger J.* *Psychanalyse du cadre psychanalytique. Crise, Rupture et dépassement*, Dunod, 1979.
5. *Defontaine J.* (1991) Le cadre à fleur de peau Le cadre utilisé comme défense contre la douleur psychique. *Revue française de psychanalyse* 55: 997-1003.
6. *Geltner P.* (2019) Emotional Communication and the Unconscious in the Analytic Setting. *Psychoanalytic Inquiry* 39: 213–223.
7. *Green A.* (1974) L'analyste, la symbolisation et l'absence dans le cadre analytique: à propos des changements dans la pratique et l'expérience analytiques. *Revue française de psychanalyse* 38: 1191–1230.
8. *Israël P.* (1984) Le cadre et la parole. *Revue française de psychanalyse* 48: 1351–1361.
9. *Khan M.R.* (1960) Regression and Integration in the Analytic Setting—A Clinical Essay on the Transference and Counter-Transference Aspects of These Phenomena. *International Journal of Psychoanalysis* 41: 130–146.
10. *Parsons M.* (2007) Raiding the Inarticulate: The Internal Analytic Setting and Listening Beyond Countertransference. *International Journal of Psychoanalysis* 88: 1441–1456.
11. *Puget J.* (2006) The Use of the Past and the Present in the Clinical Setting: Pasts and Presents I. *International Journal of Psychoanalysis* 87: 1691–1707.
12. *Quagelli L. & Solano P.* (2016) On Interpretative Experiences: Unconscious-to-Unconscious Communication through Reverie, Language, and the Setting. *Psychoanalytic Review* 103: 169–198.
13. *Quinodoz D.* (1992) The Psychoanalytic Setting as the Instrument of the Container Function. *International Journal of Psychoanalysis* 73: 627–635.
14. *Steiner J.* (2006) Interpretative Enactments and the Analytic Setting. *International Journal of Psychoanalysis* 87: 315–320.
15. *Treurniet N.* What is psychoanalysis now. *International Journal of Psychoanalysis* 74, pp. 873–891, 1993.

The changeable permanence of the psychoanalytic setting

A.V. Rossokhin

Rossokhin Andrey Vladimirovich, Titular member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), Doctor of Science* in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Research University "Higher School of Economics", Head of the Master's Programs "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting", member of the International Psychoanalytical Association (IPA), President of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), Honorary President of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), Editor-in-Chief of the Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis, the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).

* Doctor of Sciences. A post-doctoral degree called Doctor of Sciences is given to reflect second advanced research qualifications or higher doctorates in ISCED 2011.

The article discusses the classical and quantum approach to the study of the setting in psychoanalysis. The concept of a microsetting describing what happens at the boundaries of a psychoanalytic session is introduced. The author explores the permanently existing temporal and spatial turbulence within the microsetting, in particular the continuous change in the physical distance between the patient and the analyst. The process of transition from one microsetting to another at the end of a session with one patient and the beginning with the next is considered.

The "double meaning" of the psychoanalytic setting is described, its classical and quantum essence consists of imminently conflicting and causing turbulence in the microsetting, but completely inseparable components of the psychoanalytic setting that ensure the development of the psychoanalytic process. In the psychoanalytic process, the setting inevitably becomes a quantum variable otherness, but at the same time remains classical and persistent, the most important constant of analysis. The author argues that psychoanalysis can take place only if, during the psychoanalytic process, the setting loses for the analyst its classical unchanging essence and acquires a living and conflictual "double meaning skin".

The article analyzes the analyst's internal setting, based on the post-oedipal acceptance of the primal scene, which allows the analyst to track changes in the microsetting. The latter contributes to the maintenance and retention of the external setting of the psychoanalytic process. The preservation of the post-oedipal analytical position is critical, since the problem of retention and maintaining the setting cannot be solved without working through simultaneously existing paternal and maternal components of intertransference.

Keywords: psychoanalysis, quantum psychoanalysis, psychoanalytic process, setting, cadre, microcadre, microsetting, internal cadre, external cadre, time, space, transference, countertransference, intertransference, primal scene, post-oedipal super-ego, acting out, acting in, micro-acting out, micro-acting in.

Психоаналитический опыт переживания времени – время, которое не течет

Т.Л. Станкевич

Станкевич Татьяна Леонидовна – клинический психолог, психоаналитик, член Парижского психоаналитического общества, член Международной ассоциации психоанализа, член Московской психоаналитической ассоциации, старший преподаватель Магистерской программы по психоаналитической психотерапии Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ).

Психоаналитический опыт переживания времени в психоаналитическом кадре уникален. Он не соответствует историческому, линейному или циклическому измерению. Время в психоанализе не течет, но истекает. А прошлое не проходит. Бессознательное игнорирует время, но именно через Я рождается время – из противоречий между требованиями Оно и реальности, противоречий, отмечаемых восприятием. Ритмичный, прерывистый и одновременно непрерывный, раскадрированный психоаналитический процесс дает пациенту возможность пересмотреть и пережить опыт новых восприятий. Но не для того, чтобы лучше каталогизировать свою историю, но чтобы реинтерпретировать ее, обретая новое качество связности и непрерывности своего существования.

Ключевые слова: время, ритм, порядки времени, психоаналитический кадр, психический аппарат, Я, Оно, сновидение.

*«Коль ты незрелым мигом овладел,
Раскаянье да будет твой удел.
А если ты упустишь миг крылатый,
Ты не уймешь вовеки слез утраты»
Уильям Блейк*

Каково знание, что предоставляет нам психоанализ? Прежде всего, это опыт, опыт переживания в анализе, или, что то же самое, – переживания чуждого, странного порой до такой степени, что мы можем его сохранить как основное знание и возможно – единственное? Знание о том, что время не течет.

Так говорит в своей книге «Время, которое не проходит» Жан-Бертран Понталис – у психоанализа нет, не может быть своего времени. Он не из другого времени, но из времени иного. Он анахроничен, или, лучше, следуя за Ницше и его идеей «вечного возвращения», сказать – безвременен. Он есть, и должен быть, безразличен к духу времени.

Это представление об ином времени ниспровергает все наши представления о времени – времени циклическом, если мы размышляем о вращении нашей планеты или возвращении времен года; эволюционном, если мы ссылаемся на развитие видов и организмов; линейном, но не прямом, а прерывистом, если мы прослеживаем ход истории человечества (и слово «прерывистое» нам еще пригодится в дальнейшем, когда мы будем рассуждать о функционировании психического аппарата). Это противоречит нашему общему восприятию: это годы, ускользающие сквозь пальцы, как песчинки, сыплющиеся в песочные часы, наши дни с их собственным ритмом, тело и разум, которые мы ощущаем по-разному в периоды подъема и спада.

Порядки времени настолько императивны, что мы подчиняемся им сами по себе: помимо воли, и даже против воли, не осознавая того или осознавая, – настолько эти порядки в природе самих вещей. Это порядки, на которые наталкиваешься как на стену, если пытаешься их оспорить. Фактор времени оказывает на нас давление и постоянно выставляет нам счета. Уже в начале VI века до нашей эры греческий философ Анаксимандр полагал, что «все вещи, что ни есть, взаимно оправдывают друг друга и восстанавливают справедливость в порядке времени». Для Геродота, которого часто называют отцом истории, история – это интервал, исчисляемый в поколениях, за который осуществляется переход от несправедливости к каре или к искуплению вины.

Пациент на кушетке, следуя за своими ассоциациями, наблюдая в своем дискурсе смешение архаики и современности, подчас с удивлением, «как будто это впервые», а иногда с чувством подавленности, обнаруживает нарушение порядка времени.

В психоаналитическом кадре часто можно наблюдать ситуации, когда время не течет, но истекает, а прошлое – не проходит. Дезориентированные во времени – и на всякий случай я напоминаю, что в кабинете психоаналитика для пациента нет часов, – пациенты нередко чувствуют непостижимое ускорение и переживают неожиданный инсайт, устанавливая контакт с персонажами или ситуациями из прошлого, которые появляются внезапно, словно вещи, вытащенные из старого комода, или словно давно утраченная фотография без даты, на которой будто из-за кулис возникает забытая или никогда не знаемая картина. Этот момент настоящего в сеансе более заряжен аффектом, чем найденная в прошлом деталь, потому что в данную секунду весь душевный мир пациента заключен в этом моменте. Здесь мы говорим о прошлом, которое присутствует в настоящем, и это прошлое оживляется для того, чтобы пациент мог почувствовать себя более целостным. Это одновременно и потеря, и находка – психоаналитическое событие, которое переносит пациента вперед. Пруст, с его

великим творением «В поисках утраченного времени», хорошо описал подобные переживания.

Другие пациенты порой попадают в разломы времени, или временные щели – понятие, которое ввела Ханна Арендт, и ощущают не инсайт, но стагнацию, или тупик. Эта щель между прошлым и будущим – странный промежуток в историческом времени, где мы осознаем временной интервал, полностью определяемый тем, чего уже нет, и тем, чего еще нет. В такие моменты историческое время замирает.

Так говорит мне один пациент: «Я родом из той катастрофы, в которой сам не побывал. Мое поколение родилось из события, которого не знало».

Иногда нам предоставляется возможность увидеть такое на киноэкране. В 1985 году вышел фильм французского режиссера-кинодокументалиста Клода Ланцмана Shoа – необыкновенно мощная работа, посвященная историческому свидетельству, памяти, чувству вины и их отсутствию. Представляя зрителю людей, «начинающих осознавать себя свидетелями» геноцида евреев в Европе, автор снимал дистанцию между прошлым и настоящим, пытаюсь выявить в настоящем присутствие прошлого. Так, через болезненный опыт восстановления пробелов в памяти, герои фильма заполняли белые пятна и обретали части своей души, оставленные в прошлом.

Другие социальные трагедии, более недавнего происхождения, еще долго будут продолжать распространяться различными путями и с различными ритмами, оставляя следы в межпоколенческой и индивидуальной истории.

Тупик, разлом во времени, из которого не получается выбраться, пациентка Жана Понталиса описывает так: «Мне сорок лет, а я все еще там!» Там, то есть в замкнутом пространстве, за закрытыми дверями, в карантине, где она обречена быть. Там, где она демонстрирует своему аналитику яркий пример из «Подавления. Симптома. Тревоги». Там была ее мать, удовольствие которой она игнорировала и без конца ворчала, как теперь она ворчит на своего аналитика, и там она вела бесконечную борьбу, пытаюсь соблазнить своего недоступного отца, которого не привлекала ее женственность. Он продолжал оставаться безразличным, и она унижена презрением к нему. Она невосприимчива ни к чему, кроме этих двух фигур, и только с ними она ведет бесконечные споры. В другое время она хранит молчание, запертая в этой тишине, как будто когда-то она отказалась меняться, как будто она существует не иначе как одновременно и включенная, и исключенная из первосцены, которая, будучи непредставимой по своей природе, может быть разыграна только в форме импульса и паралича мышления – потому что в ее случае мышление и дикая сексуальность без меры затянуты в тугую узел. Говорить на публике для нее – непристойно, звонок телефона воспринимается как взлом. Между ней и другими – тонкая перегородка, прозрачная и непрозрачная одновременно. Она убеждена, что не транслирует своим детям ничего, кроме деструктивной страсти. Она верит в то, что ее аналитик стремится ее уничтожить.

Ее время застыло, утратило свое значение и лишено всякого движения. Она сама обездвижена перед закрытой дверью. Другая форма прошлого в настоящем – *après-coup*, здесь не работает. «Я навсегда – ничто. Все, что оживляет мою душу, не мое. В самом начале игры партия уже была сыграна. А потом снова и снова – толчки и потрясения. На всем пути – одни препятствия».

Однако есть нечто, что послужило Фрейдю поводом думать о том, что время есть не то, что о нем говорят. Это – сновидение. Оно – как стрела, проникающая через несколько пространств и временных периодов. Оно путает времена, но также обладает одновременностью, совмещает в себе разные ритмы – ускоренные или застывшие, как в замедленной съемке, сновидение дает жизнь *мертвому* и позволяет *исчезнувшему* появиться. Чтобы развязать представления, отделить означающее от означаемого, необходимо, чтобы развязывание происходило с течением времени. И сновидение развязывает время – приснившийся сон превращается в сказку, даже если он содержит абсурдные черты, которые касаются порядка времени, он все равно будет описан в темпоральной логике: в его повествовании будут «до», «после», «затем» и «в конце». Сон будет наделен началом, последовательностью и содержать в себе прошлое – «вчера ночью я видел сон» и настоящее – «я сейчас говорю о нем в сеансе».

В аналитическом сеансе многое существует вне времени – бессознательное игнорирует время. В 1915 году в работе «Бессознательное» Фрейд пишет: «Процессы системы бессознательного находятся вне времени, они не относятся к определенному времени, не меняются со временем и игнорируют его течение». Именно через Я рождается время – из противоречий между требованиями Оно и реальности, противоречий, отмечаемых восприятием. Время может быть воспринято только при помощи механизма – прерывистого, циклического, ритмичного, к которому необходимо подключить другой механизм, который позволит нам исследовать подлинность того, что последовательно получено. Вот что говорит Фрейд в своей «Заметке о чудо-блокноте» (1925): прерывистый, периодический режим работы системы предсознание – сознание, а если идти дальше – режим темпоральный, лежит в основе возникновения представления о времени». Восприятие не является пассивным процессом – Я периодически посылает небольшие инвестиции, благодаря которым оно пробует на вкус внешние раздражители, после чего вновь ретируется. Можно сказать, что наш психический аппарат ритмично пульсирует, и здесь важно заметить, что слова *влечение* и *пульсация* (толчки) происходят из одного и того же латинского слова *pulsus*. И, таким образом, *управляемая Я пульсирующая активность влечения* способствует знакомству с внешним миром.

Подобно этому ритмичный, прерывистый и одновременно непрерывный, раскадрированный психоаналитический процесс дает пациенту возможность пересмотреть и пережить опыт новых восприятий – не для того, чтобы лучше каталогизировать свою историю, но реинтерпретировать ее, обретая новое качество связности и непрерывности своего существования.

Ритмичная, предсказуемо нетравматичная периодичность материнского ухода, а также психоаналитического кадра позволяет сформировать предвкушение, которое помогает спроецировать *ожидание*, которое будет восприниматься как «это будет после», формируя начала представления о времени. Можно предположить, что основы ожидания исходят из галлюцинаторного удовлетворения, которое позволяет ребенку ждать, когда мать, по Винникотту «достаточно добрая мать» (по-французски *good enough mother – la mère assez bonne* означает «достаточно добрая мать»), постепенно вселяет в него разочарование, немедленно не откликаясь на его потребности тогда, когда для него это становится терпимым. Мать вводит *отсрочку* – период ожидания – *время*, необходимое для того, чтобы ребенок мог безопасно ощутить «непрерывное ощущение существования», которое станет основой здорового психического функционирования. Ритмичность и непрерывность материнской заботы формируют целостность и преемственность во младенчестве и способствуют установлению психики в *семе*. Об этом знают не только психоаналитики:

– *Лучше приходи всегда в один и тот же час, – попросил Лис. – Вот, например, если ты будешь приходить в четыре часа, я уже с трех часов почувствую себя счастливым. И чем ближе к назначенному часу, тем счастливее. В четыре часа я уже начну волноваться и тревожиться. Я узнаю цену счастью! А если ты приходишь всякий раз в другое время, я не знаю, к какому часу готовить сердце... Нужно соблюдать обряды.*

– *А что такое обряды? – спросил Маленький принц.*

– *Это тоже нечто давно забытое, – объяснил Лис. – Нечто такое, отчего один какой-то день становится не похож на все другие дни, один час – на другие часы.*

Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц

Отталкиваясь от этого, нельзя умалить значение хорошо темперированной кушетки в психоаналитическом кадре. И, несмотря на то что в аналитическом сеансе многое существует вне времени, существует время сеанса. И мы все время учитываем это двойное напряжение. К тому же понимание времени и отношение к нему в процессе работы с пациентом является важным различием между французским и англосаксонским психоанализом. Если британские аналитики опираются на линейную эволюционную модель прошлое-настоящее-будущее, то французский психоанализ подчеркивает нелинейность времени и гетерохронность психического аппарата. Андре Грин ясно показывает, что время расколото. Бернар Шерве говорит о том, что аналитик является «хранителем времени» – он следит за временем, пока пациент на кушетке старается придать динамику своему вечному бессознательному.

Говоря о времени сеанса, нельзя не отметить, что в англосаксонском психоанализе сеанс длится 50 минут, а во французском – 45. И важное различие между ними состоит не в этих «лишних» 5 минутах, а в том, что 45 минут – это три раза по 15. И это не только разница во времени сеанса, это задает ритм и предоставляет еще один способ понимать

и интерпретировать конфигурацию психоаналитического процесса. Это можно сравнить с музыкальным размером три четверти, где счет ведется на «раз-и», «два-и», «три-и». В зависимости от психического функционирования пациента можно слушать его материал не только как текст, но как некую мелодию, которую можно уловить между словами, смену тональностей, – нечто, что привносится в сеанс, но не репрезентируется словами.

Здесь уместно привести клиническую виньетку из анализа молодой женщины, Клары, которая пришла в анализ запросом о понимании своего Я и более полном переживании себя, которого ей не доставало. Из материала пациентки невозможно было понять, почему ее мать, любящая старшего сына, так жестоко и немилосердно обращалась с младшей дочерью – моей пациенткой.

Через некоторое время после начала анализа в сеансах этой пациентки наметился определенный паттерн – первые 15 минут сеанса пациентка говорила весьма активно, затем во второй четверти она замолкала, и в кабинете повисала тягостная атмосфера отчаяния и чего-то невыносимого. Если она что-то произносила, то голос ее менялся – становился глухим и невыразительным. Затем она оживала и последние 15 минут сеанса вновь походила на ту женщину, которую я когда-то видела на первичных интервью, – активную, молодую и весьма живую.

Слушая Клару в сеансах, я все больше и больше понимала с течением времени, что в ее истории есть нечто, чего мы не знаем и что представляется мучительной атмосферой середины сеанса. Ее мать, теплая и любящая в отношении старшего сына, была безразлична и холодна, а порой откровенно жестока с нею. Эта перемена в матери заставляла меня думать о некоей потере, которая когда-то произошла в реальности, но так и не стала частью истории моей пациентки – я размышляла о концепте «мертвой матери» Андре Грина.

Эта середина сеанса, похожая на реквием, подвигла меня к размышлениям о том, что пациентка не может пережить, отгоревать событие, которого она не знает. В какой-то момент, когда она снова говорила мне о том, как жестоко обращается с ней мать, я спросила ее, знает ли она что-нибудь о том, что произошло в семье в ее раннем детстве или в период, когда ее мать была беременна ею и как она вынашивала эту беременность. Пациентка не могла ответить на этот вопрос, но спустя некоторое, довольно долгое, время, вернувшись из родного города, она сказала, что задала его матери, и ей рассказали, что, когда мать была беременна ею, это была двойня и второй близнец замер. Это был мальчик. В тот момент пациентке стала понятна ее тоска по утраченному альтер-эго и ее поиски своего близнеца, своего Кая, которые часто были отражены в ее творчестве – она писала стихи. Так, через внимание к ритму и конфигурации сеанса, мы смогли найти утраченное событие, что запустило новый виток переживаний пациентки в поисках ее частично утраченной идентичности.

И наконец, возвращаясь к эпиграфу к данной статье, нужно отметить еще один важный момент ощущения времени на психоаналитической

кушетке. Это момент встречи состояния пациента и верной интервенции или интерпретации аналитика. Неудачный опыт передается словами одной из моих пациенток: «Мой предыдущий аналитик всегда говорил, когда мне это было не нужно, и молчал, когда я отчаянно нуждалась в словах». Подобный опыт оживляет ранние переживания отсутствия встречи с объектом, опыт непонимания и, до определенной степени, опыт несуществования. Напротив, вовремя сказанное слово дает нашим пациентам чувство непрерывности, адекватного обмена и либидинального наполнения. Вот что говорит об этом в своей книге «О времени» Норберт Элиас: «Концепты *прошлого, настоящего и будущего* выражают отношение, которое устанавливается между серией изменений и опытом, который привлекает из них отдельная личность... Мгновение, определенное внутри слитного потока, принимает вид настоящего только в соотношении с человеческим индивидом, который его проживает, в то время как другие принимают вид прошлого или будущего. В качестве символизации прожитых периодов эти три выражения представляют собой не просто такие последовательности, как астрономический год или логическая пара "причина-следствие", но также и одновременное присутствие этих трех измерений времени в человеческом опыте. Можно сказать, что прошлое, настоящее и будущее составляют, хотя речь и идет о трех различных словах, единый концепт».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арендт Х.* Люди в темные времена: [Очерки]. М.: Московская школа политических исследований, 2003.
2. *Жибо А., Россохин А.В.* Психоанализ во Франции, или Как научиться жить с неопределенностью // Россохин А.В. Французская психоаналитическая школа. М.: Питер, 2005.
3. *Фрейд З.* Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 1997.
4. *Фрейд З.* Торможение. Симптом. Тревога. Собр. соч. в 10 т, М.: СТД, 2006.
5. *Elias N.* Du Temps. Paris: Fayard, 1997.
6. *Benveniste E.* Le langage et l'expérience humaine. Paris: Gallimard, 1966.
7. *Pontalis J.-B.* Ce temps qui ne passe pas, Paris: Gallimard, 1997.

Experience of time in psychoanalytical setting – the time that does not pass

T.L. Stankevich

Stankevich Tatiana Leonidovna, clinical psychologist, psychoanalyst, member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), member of the International Psychoanalytical Association (IPA), member of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), senior lecturer of the Master's Program in Psychoanalytical Psychotherapy of the Higher School of Economics.

The psychoanalytic experience of time experience in the psychoanalytic setting is unique. It does not correspond to historical, linear, or cyclical dimensions. In psychoanalysis time does not flow, but expires. And the past does not pass. The unconscious ignores time, due to our Self the time is born – from the contradictions between the requirements of unconsciousness and reality, the contradictions registered by perception. Rhythmic, intermittent, and at the same time continuous and framed – psychoanalytic setting gives the patients the opportunity to reconsider and experience new perceptions. But not in order to make a better catalog of their history, but to reinterpret it, gaining a new quality of coherence and continuity of their existence.

Keywords: time, rhythm, orders of time, psychoanalytic setting, psychic apparatus, Self, Unconsciousness, dream.

Дефицитарность кадра

Л.И. Фусу

Фусу Лариса Ивановна – психоаналитик, психиатр-нарколог, кандидат медицинских наук, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Парижского психоаналитического общества (SPP), член IPSO им. П. Марти. Ректор Института психологии и психоанализа на Чистых прудах.

Гарантом кадра является аналитик, профессионализм помогает аналитику устоять перед нескончаемыми атаками пациента на кадр. При выборе кадра аналитику надлежит хорошо его обдумать. Кадр, который предлагается аналитиком пациенту без учета ранних травм, может привести к тяжелым последствиям в виде актингов и соматизаций.

Ключевые слова: кадр, дефицитарность кадра, анализабельность, конверсионные симптомы, неудачное вытеснение, ложная ассоциативность, психосоматические симптомы, актинг, соматизация.

«Символизация возможна только в условиях кадра».
Рене Руссийон

«Разве мы можем предложить что-то лучшее пациенту, особенно пограничному, чем четкий кадр?»
Дени Рибас

Дефицитарность, ущербность кадра зачастую делает работу аналитика невозможной, осложняет аналитический процесс, приводит к тяжелым последствиям, разнообразным агированием и частым соматизациям. Не все пациенты анализабельны, особенно те, кто так и не добивается до нашего кабинета. Психоанализ – не панацея, более того, как подчеркивает Жак Пресс, он многим противопоказан, особенно тем, кто к нам так и не обращается. Рассматривая вопрос анализабельности, Жак Пресс обращает внимание на важность исследования контртрансферентных чувств, сохранения уважения к пациенту, не допускающего его затапливания чувствами аналитика. Всякий раз когда нас постигает неудача, писал Андре Грин, нам следует задуматься об анализабельности пациента, но сначала о том, достаточно ли подходящую технику мы

подобрали под конкретного пациента. В статье под названием: «Ты хочешь ее убить?» Дени Рибас пишет о том, что психоанализ показан далеко не всем и что если психоаналитическая терапия нередко может помочь, то психоанализ может убить пациента, которому он не показан. Однажды Дени Рибас отправил свою знакомую на анализ к Пьеру Марти. Вскоре Марти позвонил ему, сказав именно эти слова: «Ты хочешь ее убить?» С тех пор Д. Рибас стал обдумывать обстоятельнее каждый раз кадр, который намеревался предложить новому пациенту.

Патрисия, 35-летняя пациентка Жан-Пола Обадя, через 15 дней после сепарации с аналитиком в связи с окончанием анализа, длившегося девять лет три раза в неделю, впала в кому и вышла из нее с гемиплегией. Анализ был завершен, со слов аналитика, с приятными чувствами с обеих сторон, с удовлетворением от хорошо проделанной работы. После выписки из больницы пациентка вернулась к своему аналитику в инвалидной коляске со словами «Теперь я ваша навечно» и «Вам нельзя было меня отпускать», что указывает на сложность, а может, и на невозможность сепарации для нее.

Марилия Айзейштейн опубликовала статью о первичном интервью мадам О., которая была шесть лет в анализе, начавшемся из-за общего плохого состояния. Поскольку оно значительно улучшилось, мадам О. решила закончить анализ, однако вскоре у нее был обнаружен рак прямой кишки. После операции и химиотерапии она была направлена онкологом в ИПСО. На первичном интервью мадам О. поведала, что с детства страдала диареей и болями в животе, которые после многолетней ремиссии вновь неожиданно для нее появились во время анализа, а затем и вовсе участились. Аналитик все время интерпретировал их как проявления отношений с матерью, однако к их прекращению или хотя бы ослаблению эти интерпретации не привели.

Как известно, конверсионные соматические симптомы являются следствием внутреннего конфликта, связанного с возникновением запретных сексуальных или агрессивных желаний, которые вытесняются. При удачном вытеснении пациент не вспоминает об этих желаниях, а при неудачном появляется конверсионный симптом. Психические репрезентации таких желаний конвертируются в соматические симптомы. Именно отсутствие запрещающей внутренней инстанции и, как следствие, невозможность возникновения запретных желаний, а также неспособность вытеснить и символизировать приводит к появлению так называемых психосоматических симптомов, поражающих органы и несущих угрозу не только здоровью, но и жизни. Они появляются при отсутствии внутреннего конфликта как единственный возможный способ удержания пациента в жизни. Проанализировав 20 пациентов с колонопатией (патологией кишечника с диареей), Леон Крайслер обнаружил у них различные нарушения материнского ухода и обрывы непрерывности инвестирования в раннем детстве, ведущие к нарушению чувства непрерывности существования. В случае мадам О. речь шла о грубом и тяжелом разрыве инвестирования, так как ее мать умерла, когда пациентке было шесть месяцев. Размышляя об этом случае, Кристоф Дежур и Клод Смаджа поднимают

вопрос анализабельности и кадра, а именно была ли показана такой пациентке работа лежа три раза в неделю. Похоже, аналитик был сбит с толку богатством онирической активности, ложной ассоциативностью пациентки. Лишь позже аналитик заметил, что это были «сырые» сновидения, с неприкрытыми эротическими и садистическими сценами, с участием незамаскированных первичных объектов, которые скорее служили для эвакуации и были непригодными для интерпретации. Пышный истерический фасад пациентки лихо скрывал ее пограничную организацию. Репрезентативное богатство Патрисии, похоже, было подчинено принципу, находящемуся по ту сторону принципа удовольствия, репрезентации у нее появились лишь в попытке справиться с ранними травматическими ситуациями. Таким образом, становится понятным, что кажущаяся хорошая ментализация свидетельствовала не об ассоциативных способностях, а о стремлении к контринвестированию. Количественное измерение, связанное с приступами сексуального возбуждения, как за пределами кадра – она говорила о частой смене партнеров, – так и внутри, когда пациентка с упоением говорила о своих прекрасных менструациях, сожалела о том, что она не мужчина, а если бы это было так, «то мы бы с вами здоровались не рукопожатием, а пожатием пенисов, я бы стукнула своим пенисом по вашему и сказала бы: привет, чувак», – и вовсе указывало на развязавшиеся влечения. Как известно, работа аналитика в таких случаях ориентируется не вокруг интерпретаций, а вокруг связывания.

Об одном распространенном трансфер-контртрансферном проявлении пишет Клод Жанен в своей книге о судьбах травматизма. Речь идет о пациентке, работа с которой находилась под постоянным супервизированием. Однажды аналитик закончил последний сеанс на неделе на 15 минут раньше и смог обнаружить это только перед приходом следующего пациента. Этот контртрансферентный актинг занимал аналитика, он говорил о нем и на своих сеансах во время личного анализа, и с супервизором, но пациентка не сказала ни слова об этом за все шесть лет анализа, поэтому возможность поговорить и проработать отыгрывание аналитика так и не представилась. Спустя годы пациентка пожелала увидеть аналитика, чтобы сказать, что у нее все было хорошо, за исключением одного события, причинившего ей много боли. Аналитик говорил с ней около часа – так обычно он «декадрирует» встречи со своими бывшими пациентами, которые могут прийти по их желанию, рассказать о своей жизни после анализа. Несомненно, считает К. Жанен, бессознательно ему хотелось вернуть пациентке те 15 минут. Вскоре пациентка пожелала увидеть его еще раз. Она пришла со словами: «Странно, в прошлый раз у меня было ощущение, что вы приняли меня всего лишь на полчаса». В данном случае ложное, нарушенное восприятие бывшей пациентки позволило поговорить о том, что случилось давно и что находилось внутри нее все время как «неприкасаемое включение», вернувшееся квазигаллюцинаторно. После второй встречи пациентка смогла продолжить свою жизнь, протекающую счастливо, как она сообщила лет через десять. Именно о том сеансе ей и хотелось поговорить, именно для этого она и приходила после анализа.

Ирина Адомникэй описывает пациентку, которая на протяжении месяцев нападала на аналитика, обвиняла его, проявляла недовольство его внешним видом, голосом, походкой, работой. Аналитик пытался связывать атаки с ее личной историей, но они все время возобновлялись. Все указывало на то, что начало негативного переноса было упущено и агрессия вкупе с напряжением нарастали. Однажды, выйдя из аналитической позиции, аналитик сказал: «Так больше продолжаться не может. Либо мы пытаемся понять, что происходит, либо прекращаем работу». Пациентка ответила: «Хорошо, хоть так. Когда я пыталась что-то сказать своей матери, проявить хоть какое-то недовольство ею, она тут же хваталась за лекарства и говорила, что я хочу ее смерти». Так одна из заповедей психоаналитика «не быть таким же, какими были первичные объекты пациента» смогла послужить делу на благо, несмотря на выход аналитика в реальность и на его отыгрывание посредством слов.

Как известно, пациент, особенно пограничный, приходит на сеансы в том числе и для того, чтобы атаковать кадр. И делает он это вовсе не из-за своей злонамеренности, а потому, что, как указывал еще Винникотт, чтобы почувствовать себя в безопасности, пациенту необходимо убедиться, и не раз, как в прочности кадра, так и в прочности самого аналитика, иначе ему невозможно будет сказать: «Объект, ты выжил, я не смог тебя разрушить, я тебя люблю!»

Такие пациенты часто провоцируют к агитированию, что приводит к тому, что аналитики теряют аналитическую позицию и выходят в реальность и/или совершают тот или иной актинг.

Когда Андре Грин был молодым аналитиком, он работал с пациенткой Нанон и «из-за контртрансфера совершил в работе с ней целый ряд грубых ошибок, которые сделали из этого случая самую вопиющую неудачу». Пациентка не пропускала и не опаздывала, но приходила на сеансы для того, чтобы бороться с собственной ассоциативностью. Лишь позже Грину удалось понять суть происходящего и описать центральную фобическую позицию, борьбу пациентов с собственной ассоциативностью.

В интервью Клоду Смаджа Андре Грин говорит, что, «попав в ловушку негативного отношения к пациентке», он вышел за пределы аналитического кадра – пациентка звонила и писала ему письма. И если при первых звонках он «прилагал усилия сохранять немоту», то постепенно пациентке удалось затянуть его в телефонные разговоры. Переписка и телефонные разговоры, как пишет А. Грин, сделали работу с ней невозможной, поэтому, как принято в таких случаях, он наметил дату окончания работы, но пациентка резко психотизировалась. Разные аспекты и отрывки случая Нанон описаны в нескольких статьях Грина. Когда через некоторое время после стабилизации психического состояния Андре Грин опять назначил дату окончания анализа, пациентка соматизировала. Так анализ продлился на долгие годы, и его исход оказался трагичным.

Тяжелая соматизация и даже смерть во время анализа может быть связана со смешением языков, которая, как полагает Жак Пресс, появляется в аналитическом процессе чаще, чем можно было ожидать: пациент может рядиться в сексуальные одежды, соблазнять аналитика, и беда, если

аналитик будет не в состоянии услышать по ту сторону соблазнения фундаментальные потребности пациента: в понимании и когерентности своего Я. Дефицитарность объекта, то есть аналитика, проявится в том, что он будет интерпретировать влечения и сексуальность. Пациент, переживший такое смешение языков, находясь в плену навязчивого повторения, будет проигрывать вновь и вновь игру в любовь, связавшуюся у него с разрушением и смертью. Такой пациент будет показывать и себе, и другим, что любить – значит разрушать, быть любимым – значит быть разрушенным. В аналитических отношениях, указывает Жак Пресс, могут проиграться ситуации из фильмов Генри Джеймса «Крылья голубки» и «Дикарь в джунглях». Молодые героини угасают и постепенно умирают из-за неразделенной любви. Если объект дефицитарен, мечта быть любимой становится симптомом деструкции. Что-то непсихизированное внутри субъекта входит в резонанс с несвязанной деструктивностью объекта/аналитика, – исход всегда катастрофичен.

Тяжелые отыгрышания пациентов, как утверждают Юлия Кристева, Филипп Жежер, могут быть связанными с дефицитарностью аналитика и выбранного им кадра. В статье «Человек с коллажами» Юлия Кристева на примере своего пациента Дидье показывает, что преждевременные и неподготовленные интерпретации, длинные интерпретации или обращенные к интеллектуальной сфере, как и попытки интерпретирования «сырых» сновидений, лишь усиливают патологические защиты и могут привести к соматизациям, нередко с угрозой для жизни.

Уместны слова П. Дени о том, что нередко аналитики не анализируют перенос, так как это означало бы потерять пациента. Он призывает аналитика исследовать собственное головокружение от власти над пациентом, иначе его интервенции будут направлены на собственную выгоду, удержание власти. Тогда вместо того, чтобы сделать пациента свободным, своим функционированием аналитик раздает нарциссические вознаграждения, делая пациента зависимым от себя. В отличие от влюбленности в обыденной жизни, продолжает П. Дени, в аналитическом процессе все зависит от аналитика, которому следует отделять то, что адресовано ему, от того, что адресовано фигурам прошлого, и оказываться, таким образом, вне любовной иллюзии. Аналитик, продлевающий пациенту сеанс на несколько минут, сопровождающий его в туалет, предлагающий ему воду или чай, переписывающийся с пациентом (как показывал не раз А. Грин, великие преступления начинаются с малых), соблазняет пациента не аналитическим методом, а лично собой. Пациент вправе ждать продолжения таких эксклюзивных отношений, что вызывает в нем ураган деструктивных чувств, которые в принципе невозможно проработать, поскольку аналитик может работать только с тем, что повторяется в трансфере, а такая невыносимая ситуация создается не трансфером, а им самим. Во времена Паулы Хайманн аналитики позволяли себе загружать пациентов своими контртрансферными переживаниями. Практический опыт показал, к чему это может привести (в частности, к усилению неосознанной вины пациента и к тяжелым ситуациям наказания), именно поэтому свои контртрансферные чувства аналитик исследует во время

своего анализа, что помогает ему не только лучше понимать своих пациентов, но и не загружать их ими.

В заключение хочу привести слова Клода Смаджа: «Все, что происходит во время анализа и после него, должно рассматриваться в связи с аналитическим процессом».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смаджа К. «Опературная жизнь. Москва: Когито-Центр, 2014.
2. La chimère des inconscients. Débat avec Michel de M'Uzan. Presses Universitaires de France, 2008. P. 21–26.
3. André Green. La folie privée. Editions Gallimard, 1990. P. 159–163.
4. André Green. Ilusion et desillusions du travail psychanalytique. P. 187–189.
5. Sandor Ferenti. Sur les addictions Edition Paeot Rivages, 2008. P. 13–18.
6. Bernard Chervet, Christine Jean Stochlic. Le reve et la seance PUF. P. 105–107.
7. Marty P. Lordre psychosomatique, Lesmouvements individuels de vie et de mort, Essai d economie psychosomatique, t.II. Paris, Payot, 1980.
8. Claude Janin. Figures et destins du traumatisme // Presses Universitaires de France, 1996, 108, boulevard Saint-Germain, 75006 Paris. P. 19–25.
9. Revue Francaise de Psychosomatique №15, 1999, Douleurs, Presses Universitaires de France, 1999, 108, boulevard Saint-Germain, 75006 Paris. P. 24–29.

Deficiency of the psychoanalytical setting

L.I. Fusu

Fusu Larisa Ivanovna, psychoanalyst, psychiatrist-narcologist, Ph.D. of medical sciences, member of the International Psychoanalytic Association (IPA), member of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), member of the IPSO named after P. Marti. Rector of the Institute of Psychology and Psychoanalysis on Chistye prudy.

The analyst is the guarantor of the setting; professionalism helps the analyst resist the patient's endless attacks on the frame. In choosing a frame, the analyst should think it over well. A frame offered by the analyst to the patient without regard for their early trauma can lead to severe consequences as actings and somatizations.

Keywords: setting, frame deficiency, analyticity, conversion symptoms, failed displacement, false associativity, psychosomatic symptoms, acting, somatization.

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ДИНАМИКА В СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

**Современные методологии диагностики
и воздействия на бессознательную
динамику в организациях: исследование
дизайна методологии, парадигмы
консультанта и ценности для организации***

Роуз Мерски

*(Пер. с англ.: Ирина Сорокина,
Наталья Сергованцева)*

Роуз Мерски – почетный профессор магистерской программы «Психоанализ и бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, член и паст-президент и первая женщина-президент ISPSO (Международного общества психоаналитических исследований организаций, ispsso.org), психодинамический организационный консультант, коуч, супервизор и ментор с более чем 30-летним опытом работы, автор метода «социальный рисунок сновидений» (Social Dream-Drawing).

«Анализ организационной роли», «социальная матрица сновидений», «социальная фотоматрица» и «социальный рисунок сновидения» представляют собой четыре примера из растущего числа методик, которые разрабатываются и используются в международной практике. В то время как они используются по-разному в различных контекстах, все методики направлены на получение доступа к групповому бессознательному мышлению той или иной группы, связанному с конкретной организацией или социальной проблемой либо заданной темой. Эта совокупность методик использует третий объект, созданный участниками, такой как рисунок, сновидение или фотография.

В этой статье я представляю три концептуальных подхода.

1. Ключевые общие идеи в разработке этих методологий и роли тех, кто

---

* Статья опубликована в журнале: Organisational & Social Dynamics 12(1) 19–43 (2012).

является ведущим или модератором метода. Мой главный вопрос: каковы необходимые и адекватные элементы дизайна, каковы возможности по фасилитации организационного развития тех методов, которые стремятся раскрыть и осмыслить бессознательные процессы в организациях?

2. Теоретическое обоснование фундаментальной ценности этих методологий для организаций.

3. Предлагается новая парадигма роли консультанта в привнесении этих методологий в работу с организациями.

Для того чтобы познакомить читателя с методологиями, сначала я кратко опишу четыре из них и приведу примеры их использования в системе. Далее будут описаны теоретические основы моих предложений по структурированию и ведению работы с организациями в серии схем. Я думаю, что эти методологии могут действительно помочь организациям.

Ключевые слова: ассоциативное бессознательное, анализ организационной роли, социальная матрица сновидений, социальная фотоматрица, социальный рисунок сновидения, неосмысленное знание, Бион, мышление, организационное консультирование, контейнирование, свободные ассоциации, амплификации.

«Когда неосмысленное знание всплывает в организации, оно всегда вносит изменения в ее жизнь и работу, потому что его невозможно больше отрицать. Это то, что все знают, но о чем никто никогда еще не думал и что никто еще не сформулировал».
(Lawrence, n.d., p. 4)

«...Так что мысли должны быть проработаны, для того чтобы сделать их доступными для перевода в действие».
(Bion, 1988, p. 184)

Введение

«Анализ организационной роли», «социальная матрица сновидений», «социальная фотоматрица» и «социальный рисунок сновидений» представляют собой четыре примера растущего числа методик, которые разрабатываются и используются в международной практике.

В то время как они используются по-разному в различных контекстах, все методики направлены на получение доступа к групповому бессознательному мышлению той или иной группы, связанному с конкретной организацией или социальной проблемой либо заданной темой. Эта совокупность методик использует третий объект, созданный участниками, такой как рисунок, сновидение или фотография.

В этой статье я представляю три концептуальных подхода.

1. Ключевые общие идеи в разработке этих методологий и роли тех, кто является ведущим или модератором метода. Мой главный вопрос: каковы необходимые и адекватные элементы дизайна, каковы возможности по фасилитации организационного развития тех методов, которые стремятся раскрыть и осмыслить бессознательные процессы в организациях?

2. Теоретическое обоснование фундаментальной ценности этих методологий для организаций.

3. Предлагается новая парадигма роли консультанта в привнесении этих методологий в работу с организациями.

Эта статья имеет две отправные точки. При разработке моей собственной методики «социальный рисунок сновидений» я поняла, насколько существенным аспектом является для участника привнесение в группу чего-то генерируемого его собственным бессознательным, например «рисунок его сновидения». То, что делает участник, – принимает риск раскрытия своего бессознательного «содержания» группе. Каковы элементы конструкции, которые сделали бы этот акт проще? Что будет характеризовать границы между частным и общественным измерением?

Вторым основным катализатором для написания этой статьи служит мой опыт работы в данных и других похожих методиках. Такие технические вопросы, как: какая тема является наиболее продуктивной, каким образом лучше всего осуществлять запись, каковы роли ведущего в процессе – должны быть продуманы для каждой интервенции.

Каждый опыт моего применения методов углубил мои представления о том, как они должны быть структурированы и проведены. В результате я, естественно, начала думать, в более широком смысле, о том, что может быть концептуализировано в этом общем наборе методик.

Для того чтобы познакомить читателя с методологиями, сначала я кратко опишу четыре из них и приведу примеры их использования в системе. Далее будут описаны теоретические основы моих предложений по структурированию и ведению работы с организациями в серии схем. В завершение я дам описание того, в чем эти методики могут быть полезны для организаций.

Описываемые методики

Эти методики развивались в течение определенного периода времени в созвучии друг с другом. Существует общий набор элементов, которые все эти методики включают. В первую очередь это свободное ассоциирование и рефлексивное пространство. Все они используют то, что я называю третьими объектами (например, рисунки, сновидения, фотографии), которые привнесены в работу или созданы в начале работы участниками.

Можно было бы сказать, что центральной предпосылкой этих методик является то, что существуют бессознательные процессы, происходящие в организациях, которые, с одной стороны, оказывают сильное влияние на деятельность и эффективность организации и – с другой, находятся вне осознания руководства организации. Эти процессы могут включать в себя события из истории основания и развития организации, изменения на внешнем рынке, которые делают организацию неэффективной, проблемы отсутствия ясности во власти (кто действительно принимает решения?) и в распределении полномочий, вопросы неразрешенной напряженности вокруг процессов преемственности или слияния.

Профессиональные группы в различных организациях также не лишены проблемных вопросов в их профессиональной жизни в силу того, что не осознаются. Это, к примеру, напряжение в отношениях между студентами-докторантами и их экзаменаторами, опыт отчуждения бакалавров и сложных профессиональных переходов в независимых консалтинговых практиках.

В обоих случаях – как в работе с организациями, так и с профессиональными группами – могут быть применены эти методики. В настоящее время существуют по крайней мере семь методик, которые было бы целесообразно включить в данное исследование. К ним относятся: анализ организационной роли (*Newton, Long and Sievers, 2006; Sievers and Beumer, 2006*), социальная матрица сновидений (*Lawrence, 1991, 1998a, 1998b, 1999a, 2000, 2001, 2003, 2005*), социальные фотоматрицы (*Sievers, 2007, 2008, 2009*), организационное наблюдение (*Hinshelwood and Skogstad, 2000*), ролевая биография (*Long, 2006*), организационные расстановки (*Hellinger, Weber and Beaumont, 1998; Weber, 2000*) и моя собственная – развивающаяся методика «социальный рисунок сновидения» (*Mersky, 2008*).

В этой статье я буду уделять особое внимание анализу организационной роли (ORA), социальной матрице сновидений (SD), социальной фотоматрице (SPM) и социальному рисунку сновидений (SDD).

Анализ организационной роли

Анализ организационной роли (ORA) можно рассматривать как первую из этих методик. Первоначально метод был разработан Ирвином Борвиком (*Borwick, 2006*) в 1970-е годы в ходе его работы в компании Shell и получил свое развитие в вышедшей вскоре после этого хорошо известной статье Брюса Рида (*Reed, 1976; cf. Reed and Bazalgette, 2006*) и, совсем недавно, в книге «Глубинный коучинг: метод анализа организационной роли» («*Coaching in Depth: The Organisational Role Analysis Approach*», *Newton, Long and Sievers, 2006*). Этот подход основан на идее о том, что роль является тем, что связывает индивида с системой, и то, как индивид «берет» на себя роль, зависит, сознательно и бессознательно, как от личной, так и от организационной части системы.

Одним из способов использования этой методики является предложение каждому участнику сделать рисунок, используя общую схему, как показано на рисунке 1. После того как схема размещена на большом листе бумаги, участников просят нарисовать элементы своей личной жизни, влияющие на их роль, в левом круге, и элементы из их организационной жизни в правом круге. В середине их просят нарисовать свою роль. Участникам предлагается свободно рисовать и даже менять контуры схемы в соответствии с их собственным представлением. Участников просят не использовать слова.

Содержание рисунков, выбранные цвета, стиль и даже способ презентации рисунка группе становятся так называемым «материалом» для работы в группе.

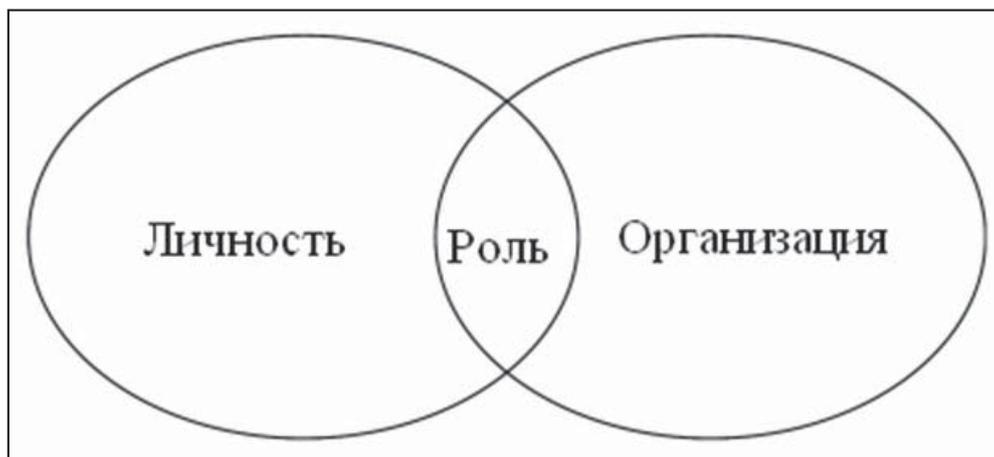

Рис. 1. Схема анализа организационной роли

Группа работает с каждым рисунком в течение приблизительно одного часа. После того как рисунок представлен, члены группы предлагают ассоциации к нему, в то время как автор остается в стороне. После того как автор возвращается к группе и дает свою обратную связь на услышанное, группа размышляет о состоявшемся опыте в процессе рефлексивного диалога.

Следующий рисунок (рис. 2) был сделан преподавателем университета и квалифицированным тренером из Нидерландов и является хорошим примером творческого потенциала, присущего этим заданиям.

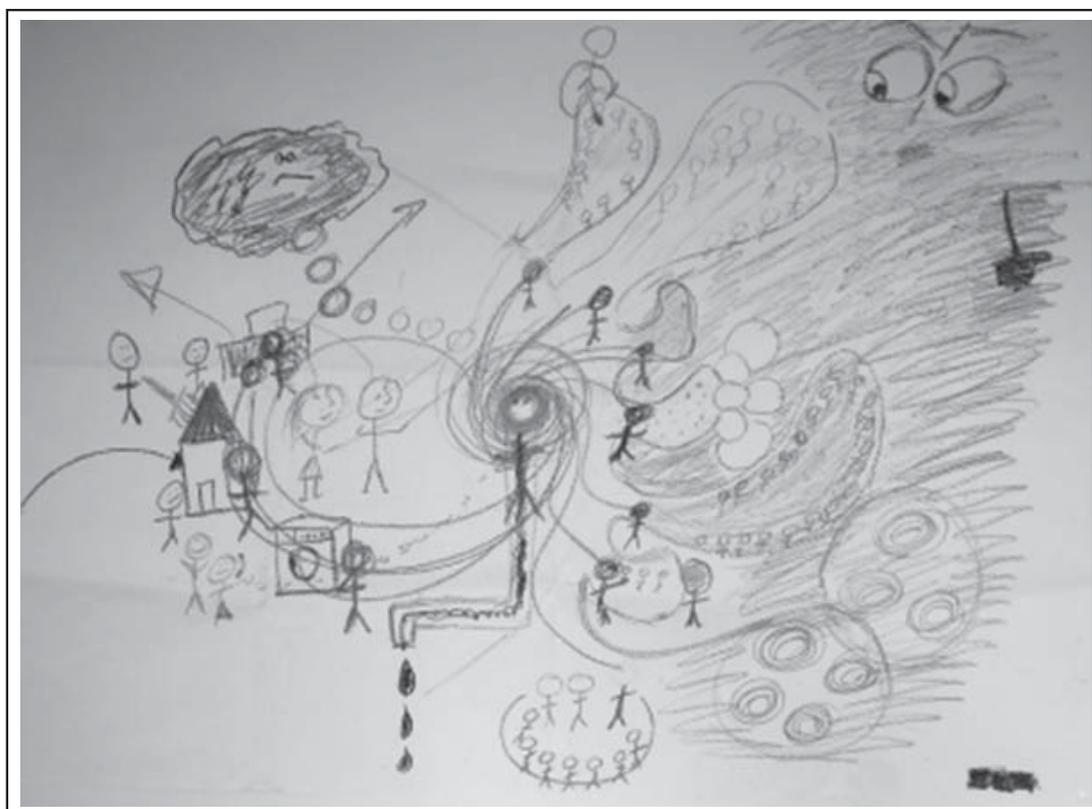

Рис. 2. Рисунок из семинара по анализу организационной роли

Групповые ассоциации к паре смотрящих глаз в правом верхнем углу рисунка привели автора к пониманию того, что, когда его курсы и тренинги проходят хорошо, он не получает обратной связи. Но когда он неуспешен, его начальство всегда выражает себя весьма критично. После дальнейших размышлений он понял, что эта пара глаз также представляет политику государства, что университеты должны четко дифференцировать себя от колледжей, которые фокусируются больше на обучении навыкам, чем на исследованиях и науке. Это помогло понять, как системная проблема влияла на поведение его руководителей, что, в свою очередь, влияло на то, как они реагировали на его работу. Примерно через шесть месяцев после того, как он прошел этот семинар, он решил покинуть университет, чтобы начать частную практику.

Социальная матрица сновидений

Методика социальной матрицы сновидений (SD), разработанная Гордоном Лоуренсом в Тавистокском институте (*Lawrence, 1998*), основана на идее о том, что сновидения имеют социальное значение и относятся не только к индивиду. В этом состоит отличие от психоаналитической концепции, которая предполагает, что сновидения являются продуктом психики человека, который должен быть исследован в психоаналитическом процессе.

В этой методологии сновидения отдельных участников выступают третьими объектами. Участникам предлагается поделиться недавними сновидениями и предложить свободные ассоциации и амплификации к предлагаемым в ходе матрицы сновидениям. Свободные ассоциации происходят из психоанализа, и это то, что приходит на ум, например более ранний опыт, связанный с содержанием конкретного сюжета сна, например аварии или экзамена. Очень часто ассоциации – это недавние сновидения. Амплификацией являются те социокультурные и политические элементы, которые приходят на ум, такие как текущие события, музыка, литература и кино. Например, на ежегодном собрании Международного общества по психоаналитическому изучению организаций (ISPSO) в Дании в 2010 году были ассоциации к недавней выставке в галерее Тейт в Лондоне.

Лоуренс называет своеобразный «контейнер», в котором участники делятся сновидениями и ассоциациями к ним, «матрицей». Вместо того чтобы стимулировать групповой процесс, который имеет тенденцию к формированию консенсуса и принятию решений, Лоуренс организует пространство таким образом, чтобы участники не имели прямого зрительного контакта друг с другом и предположительно были более открыты для свободных ассоциаций. Ведущий фасилитирует процесс в матрице. После матрицы, ассоциаций, как правило, сидя в другой комнате или обстановке, участники осмысливают свой опыт.

В 2010 году в ходе социальной матрицы сновидений на конференции с участием многих аспирантов, их руководителей и их экзаменаторов одна участница-аспирантка представила такой фрагмент сновидения:

«Прошлой ночью у меня был сон, я была перед диссертационной комиссией, которая мне предстоит, и они говорили, что я была такой хорошей ученицей и сделала все, что они говорили мне, и они сказали, что они позволяют мне увидеть это сновидение, и они дают мне доктора наук... а затем это закончилось...».

Результатом размышлений позже об этом сне стала мощная динамика в группе, которая проявлялась в ходе конференции при взаимодействии между нынешними студентами и их экзаменаторами, как в официальных мероприятиях, так и в кулуарах. Сновидица поняла, что была охвачена переживаниями, что она как бы предает себя в попытке угодить своим руководителям по диссертации. Тема угождения и предательства в процессе докторантуры стала центральным инсайтом в группе.

Социальная фотоматрица

Представление о том, что фотографии организации могут служить материалом для свободного ассоциирования и амплификации, было высказано Буркардом Сиверсом (*Sievers, 2007*) и стало использоваться в развитии социальной фотоматрицы (SPM) начиная с 2004 года. Участникам предлагается сделать фотографии их организации или фотографии к заранее заданной теме (например, «переходное пространство», «руководящая роль женщин» или «иммиграция»). Фотографии участников сохраняются в архив анонимно, так что автор не может быть идентифицирован. Участники (в том числе «ведущие») предлагают ассоциации и амплификации к фотографиям. Матрица обычно занимает один час, в течение которого бывает показано приблизительно от шести до восьми фотографий.

Рефлексивная сессия следует после перерыва, как правило, в малой группе. Ее задача состоит в том, чтобы осмыслить опыт матрицы и связать с заданной темой. Сиверс впервые применил эту методику со своими студентами в Университете Вупперталя (Германия). Фото ниже (рис. 3) весьма схоже с другими фотографиями, сделанными его учениками, своей атмосферой обезличенности, архитектурности и холода.

Во время сессий рефлексии студенты поняли, что они сделали очень мало фотографий людей и не сделали ни одной фотографии профессоров или членов профессионального персонала.

Это привело к ассоциациям о том, что между студентами и преподавателями отсутствует связь. Студенты стали осознавать свой собственный вклад в этот замкнутый круг презрения. По их мнению, преподаватели, как им казалось, не относились серьезно к своим преподавательским обязанностям, и студенты стали вести себя пренебрежительно по отношению к ним, тем самым способствуя потере связи.

Социальный рисунок сновидений

Будучи «плодовитым» сновидцем, который часто делает наброски своих собственных сновидений, я очень заинтересовалась идеей использования рисунков сновидения в организационном контексте. В 2003 году

Рис. 3. Фото из социальной фотоматрицы
в университете

я начала работать над этой идеей с коллегами в Нидерландах (Mersky, 2008). Я предложила эксперимент под названием «социальный рисунок сновидения» (SDD), и участники принесли рисунки своих сновидений на тему «Чем я рискую в своей работе» и начали работу ассоциирования и амплификации.

Изображение на рисунке 4 было сделано шестидесятилетним организационным консультантом. Анализ рисунка позволил предположить, что автор сортирует свой прошлый профессиональный опыт и пытается решить, что сохранить и что отбросить.

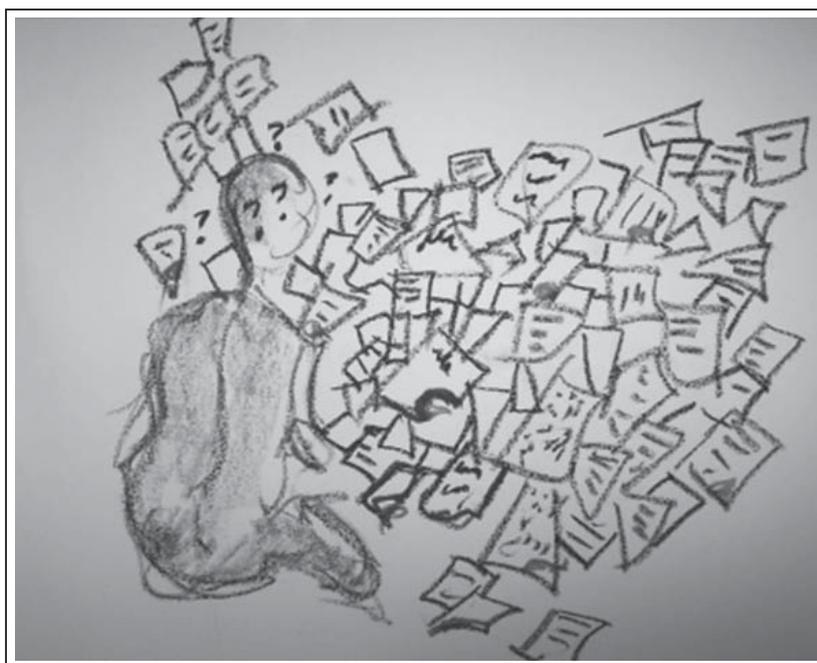

Рис. 4. Рисунок сновидения на секции
социального рисунка сновидений

Ассоциации с эскизами коллег в аналогичных профессиональных дилеммах кристаллизовались для него в то, что было до сих пор в подавляющем большинстве случаев трудно понять – что для того, чтобы двигаться дальше профессионально, он должен отбросить элементы своей прошлой профессиональной идентичности.

Концептуальная основа

Теперь после краткого описания этих четырех методик я сформулирую теоретические основы для моего анализа структуры и принципа фасилитации этих методов. Я смотрю на эти методики, используя две точки зрения: социоанализ и социально-техническую теорию.

Социоанализ (*Bain, 1999*) основан на принципах и концепциях психоанализа применительно к организациям и обществу. Все описанные методики направлены на исследование бессознательного и подразумевают работу с группами или другими социальными системами, а не работу «коуч – клиент» в паре. Тремя ключевыми концепциями с моей точки зрения являются:

1. Свободные ассоциации. В то время как традиционный психоанализ использует метод свободных ассоциаций в качестве средства, чтобы помочь конкретному пациенту выявить подавленные бессознательные конфликты, использование свободных ассоциаций в данных методиках базируется на концепции ассоциативного бессознательного группы или системы.

2. Концепция Кристофера Болласа (*Bollas, 1987*) «неосмысленное знание» определяется Лоуренсом (*Lawrence, 1999b*) как «нечто, что известно на каком-то уровне, но что еще никогда не было помыслено и облечено в слова, а потому недоступно для дальнейшего мышления».

3. Контейнирование: «контейнирование» и «контейнер» – ключевые понятия, которые описывают способность любого объекта удерживать внутри себя части, которые вызывают тревогу (*Nutkevitch, 1998*). Эти методики не предназначены для обеспечения ухода, отрешенности; мы хотим, наоборот, обеспечить участие. Поскольку все они имеют дело с бесконечным (бессознательным), мы никогда с уверенностью не можем знать, что возникнет в процессе. Поэтому важно, чтобы сессия (которая часто включает в себя непривычный опыт для участников) переживалась как безопасное и достаточно контейнирующее пространство. В этом и состоит роль ведущего. Мы хотим, чтобы участники имели возможность регрессировать в достаточной мере для ассоциирования, но и оставались в состоянии следовать за заданием, темой.

С социально-технической точки зрения считается, что существует взаимозависимость между социальными и техническими компонентами организаций. Технические компоненты, которые наиболее значимы, – роль, первичная задача, организационная структура и границы.

Первоначально разработанная в Тавистокском институте в 1960-е годы (*Tristand Murray, 1993*), социотехническая концепция была адаптирована к исследованию таких вопросов, как дизайн рабочего места, обогащение

труда, а также совершенствование процессов (*Emery, 1993; Tristand Bamforth, 1993*), и поэтому в некотором смысле социоаналитические мыслители потеряли к ней интерес. Социотехнические исследователи в их взглядах на социальный аспект организаций очень твердо привержены психоаналитическому мышлению, в частности работам Биона и Кляйн. Некоторые из них (*Miller and Rice, 1967*) основали направление исследования групповых отношений через опыт пребывания в группе (конференции по групповым отношениям).

Установление четких временных и целевых границ имеет важное значение при ведении этих методик, чтобы участники видели ведущего как четкого, ответственного и компетентного. Можно сказать, что существует прямая связь между тем, насколько участники матрицы ощущают себя в безопасности, чтобы регрессировать в ходе ассоциаций, и тем, что участники воспринимают ведущего как четкого и компетентного в своей роли.

Методологическая модель

Ниже приводится ряд схем, предлагающих шаблон для ведения вышеописанных методологий с использованием третьего объекта. В конце приводится схема, описывающая «ключевые задачи ведущих» и «опыт участников».

Первый простой рисунок (см. рис. 5) показывает, что фактическое мероприятие само по себе (указано пунктирными линиями) встроено в более широкий контекст (система в целом). Уполномоченный орган организации принимает решение о проведении такого мероприятия, определяет, кого они хотят привлечь, и направляет соответствующее приглашение. После принятия приглашения разрабатываются контракты. Ведущие разрабатывают описание семинара/мероприятия, которые должны быть прорекламированы спонсорской организацией, осуществляющей непрерывное управление процессами маркетинга, подачи заявок и регистрации. В определенный момент мероприятие наполняется достаточным образом для его проведения или отменяется. После подтверждения мероприятия ведущие зачастую направляют письмо непосредственно участникам, в котором более подробно указываются цели семинара или содержание задания по созданию того, что необходимо взять с собой на мероприятие (например, рисунка сновидения или фотографии). Это первая прямая связь между ними.

Эти мероприятия могут проводиться как отдельные семинары либо в рамках профессиональных конференций, программ обучения. Иногда они включаются в программу конференции групповых отношений. Они также могут проводиться в рамках организационной диагностики или интервенции, когда в них видят пользу для изучения ключевых вопросов, которые ранее являлись проблемными, или для достижения глубокого понимания существующей динамики.

Отношения между спонсорскими организациями и руководителями мероприятия имеют критическое значение для его успеха (обратитесь, например, к исследованию Шер «о связанности отношений в группе со

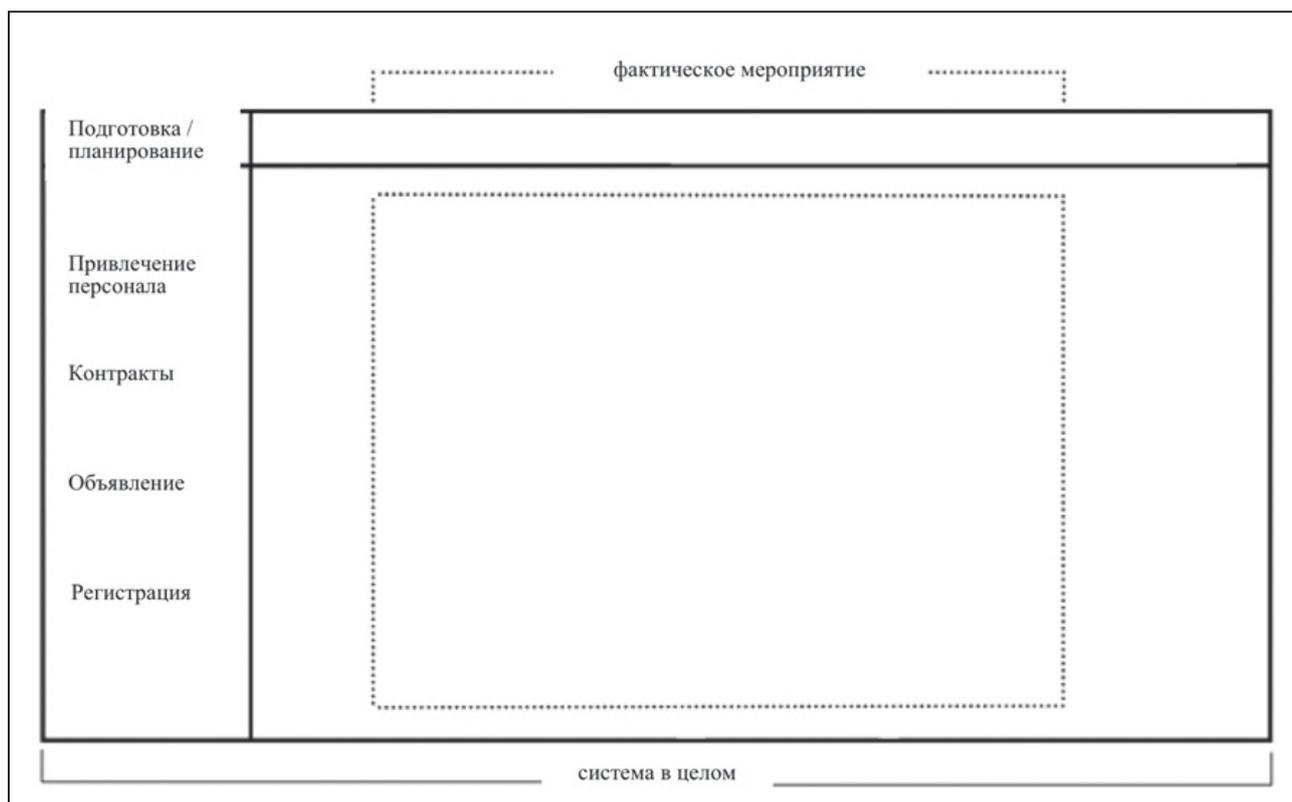

Рис. 5. Этап 1: Подготовка/планирование

спонсорской организацией», 2009 год, с. 152). В некотором смысле спонсор должен предоставить ведущим достаточные права, чтобы они могли выполнить свою работу с использованием эффективных социотехнических механизмов. С другой стороны, ведущие семинара должны реализовать свою руководящую роль так, чтобы достаточным образом интегрировать пожелания и потребности организации-спонсора такого мероприятия. Согласно формулировке, данной Миллером и Райсом (*Miller, Rice, 1967*), «...руководство... требуется для того, чтобы соотнести то, что внутри группы, с окружающей средой; другими словами, руководство группой, так же как и руководство индивидом, является функцией границы, управляющей взаимодействиями между внутренним и внешним» (там же, с. 20). Эти взаимодействия должны обладать таким качеством, как «последовательность» (там же, с. 21).

Как правило, ключевые отношения между одним из ведущих и кем-то из организации формируются вокруг различных задач, связанных с организацией мероприятия. Зачастую от таких отношений зависит и успех мероприятия в целом.

Ответственность при организации такого мероприятия несут все задействованные лица. Спонсоры должны предельно ясно выражаться в процессе коммуникации и при принятии на себя роли по поддержке ведущих и участников. Контракты, временные рамки и любые прочие элементы должны быть предельно ясными.

За исключением анализа организационной роли (который фокусируется на определенной ролевой ситуации участника), эти методологии, как

правило, имеют темы. Когда такие мероприятия проводятся совместно с конференциями в рамках программ профессионального роста, такая тема может относиться к общей теме конференции. Например, для двухдневной социальной фотоматрицы на Ежегодном собрании Международного общества психоаналитического исследования организаций в 2010 году в Дании, тема которого была «Ангелы прошлого; призраки будущего», мы выбрали тему «Где встречаются ангелы и призраки». Одним из важных элементов темы является обеспечиваемое ею контейнирование, которое помогает системе и участникам выдерживать тревогу относительно регрессивного опыта в матрице. Кроме того, тема обеспечивает концентрацию внимания на обучении и обсуждении во время сеанса рефлексии.

Можно предположить, что на момент проведения такого мероприятия в рамках организационной диагностики или интервенции эта методология будет являться незнакомой для организации. Таким образом, решение пойти на риск и организовать подобное мероприятие будет в значительной степени основываться на существующих отношениях между консультантом и клиентской организацией. Я рассмотрю этот процесс более подробно в конце данной работы.

В этих методологиях участников просят создать «третий объект» до начала мероприятия (например, рисунок сновидения), который они затем принесут и будут использовать в качестве исходного материала для работы или в начале мероприятия (например, рисунок роли) после приветственного слова и введения (см. рис. 6). В обоих случаях то, каким образом проводится граница между созданием этих элементов и групповым опытом, играет крайне важную роль.

После того как человек зарегистрировался для участия в семинаре/программе и получил просьбу сделать фотографию или зарисовку сновидения, он уже психологически пересек границу мероприятия. Таким образом, можно сказать, что граница между этапом, предваряющим мероприятие, и самим фактическим мероприятием является прозрачной.

Для социальной матрицы сновидений (СМС) и социальной фотоматрицы (СФМ) (см. рис. 7) этот этап включает свободные ассоциации и амплификации, относящиеся к снам или фотографиям, а также совместную работу всей группы. Как правило, он длится один час.

При проведении анализа организационных ролей (АОР) и социальной матрицы рисунков сновидений (СМРС) рисунки раскладываются на столе, а остальные распределяются вокруг него в группах меньшего размера.

В обоих случаях в этой матрице/ассоциативной части программы не надо фокусироваться на установленной теме.

При проведении социальной матрицы сновидений и социальной фотоматрицы после каждой матрицы проводится сеанс рефлексии (см. рис. 8), зачастую в группах меньшего размера. Он часто проводится в отдельной комнате групповых обсуждений для того, чтобы было понятно, что это отдельная часть работы с отдельной задачей. Цель этого сеанса рефлексии заключается в размышлении о теме или организации в свете опыта, полученного в ходе матрицы.

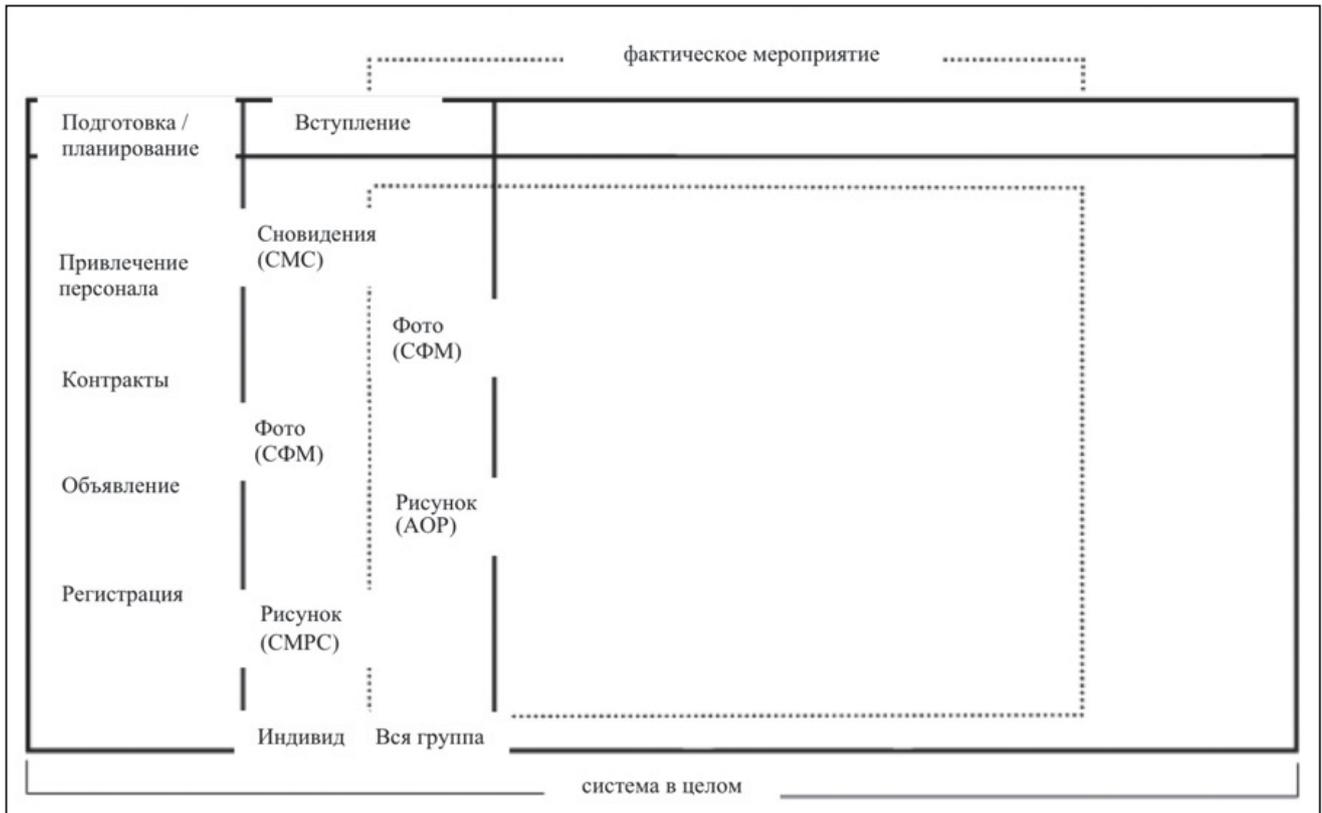

Рис. 6. Этап 2: Вступление

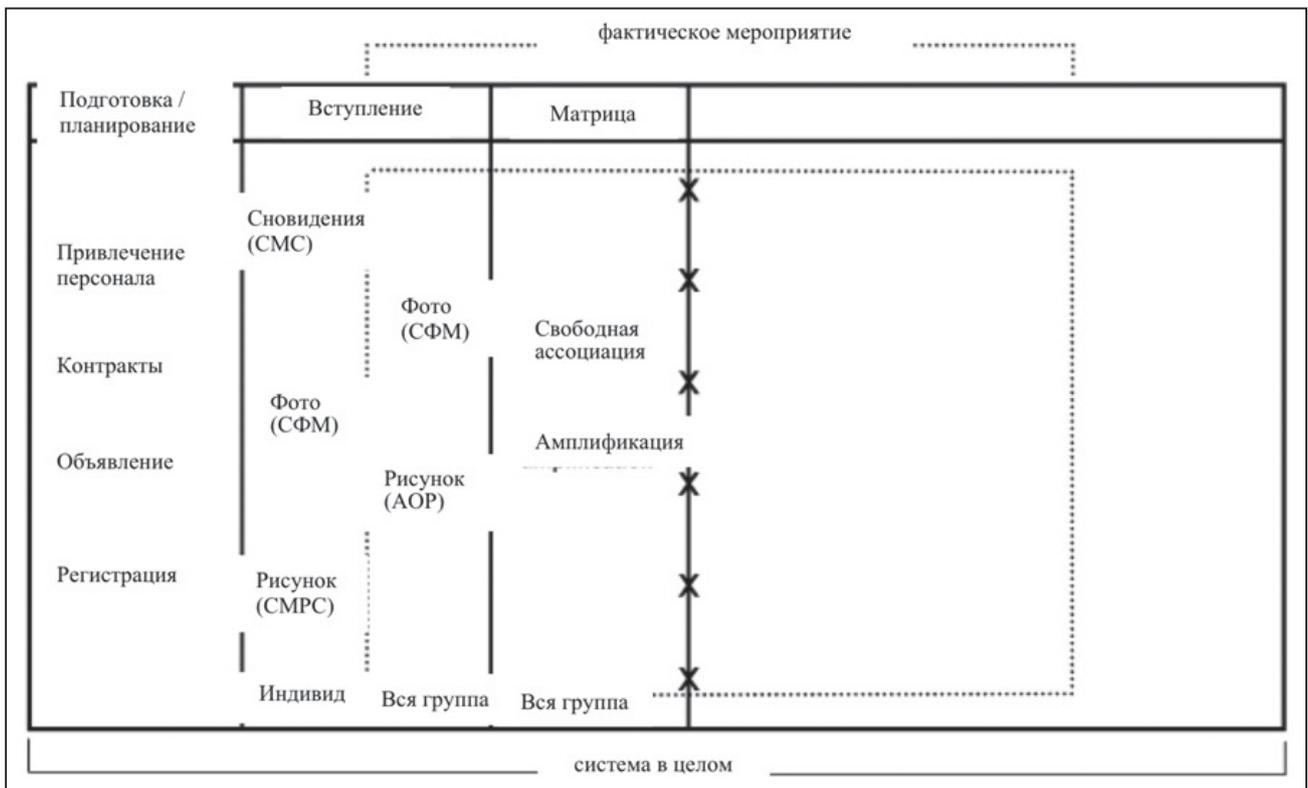

Рис. 7. Этап 3: Матрица

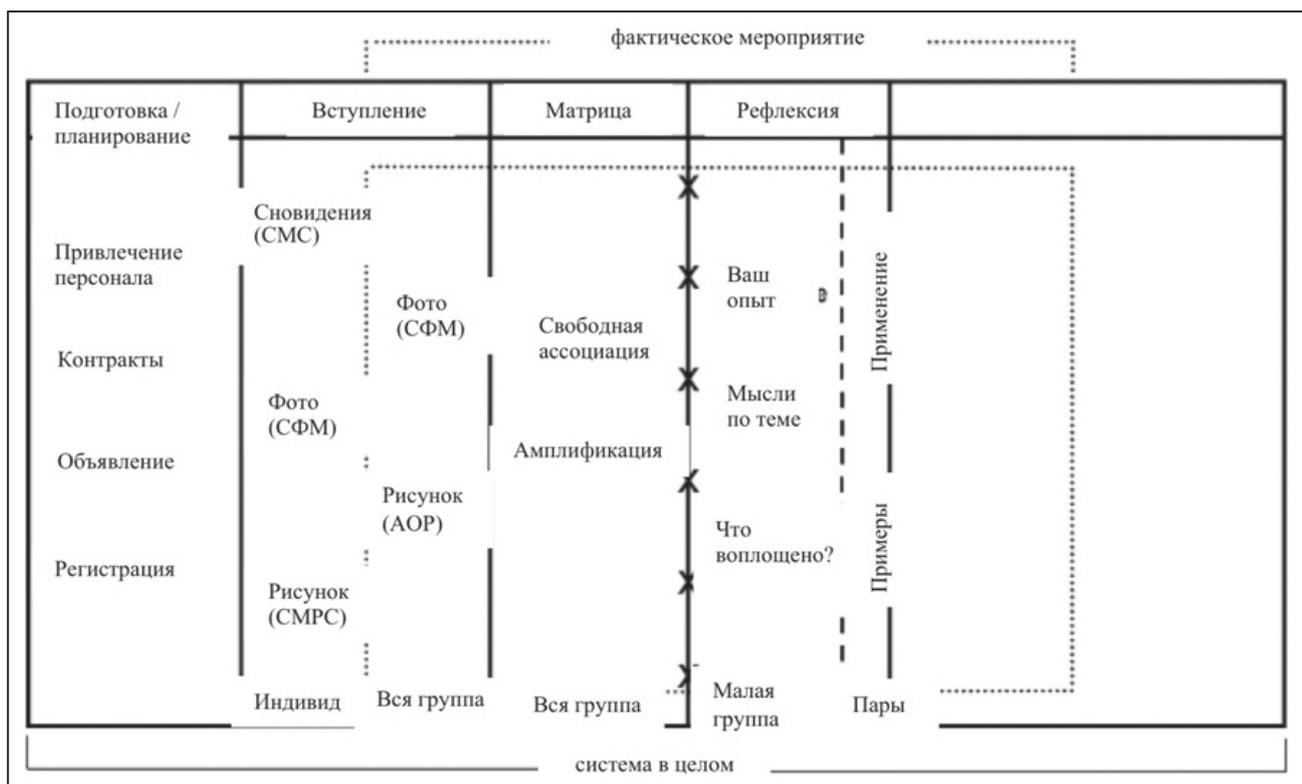

Рис. 8. Этап 4: Рефлексия

Сеанс рефлексии после социальной фотоматрицы направлен на то, чтобы определить значение и значимость фотографий матрицы. Мы устанавливаем три задачи. Сначала участников просят выразить свои первые чувства относительно опыта, полученного в ходе матрицы. Затем их просят определить те фотографии, которые были наиболее значимыми для них. Затем их просят подумать непосредственно о теме в свете опыта, полученного в ходе матрицы.

Несмотря на то что мы стараемся не концентрировать внимание на динамике поведения в группе, на данном этапе можно обсуждать такой опыт, как отчуждение и тревога. На данном этапе зачастую возникают вопросы, касающиеся методологии (как она используется и т. д.), которые мы откладываем на заключительное занятие.

При проведении анализа организационных ролей (АОР) и социальной матрицы рисунков сновидений (СМРС) сеанс рефлексии длится около 15 минут и проходит в конце каждого часового занятия, посвященного индивидуальному рисунку.

При проведении АОР я зачастую добавляю дополнительный элемент. За последние десять минут мы исследуем наш собственный опыт в качестве группы, работающей с конкретным рисунком, предполагая, что в нашей работе мы установили вопросы, связанные с рисунком. Удивительно, но мы неизменно устанавливаем связь между динамикой поведения в нашей рабочей группе и в организации, над которой мы работаем путем рассмотрения рисунка. Это приводит к еще более глубокому пониманию того, что мы изучаем, и расширению возможностей осуществления оценки ведущим.

При проведении социальной фотоматрицы, особенно при работе с гетерогенной группой, мы иногда создаем пространство для пар, чтобы они могли встретиться и обсудить конкретные примеры по теме (например, переходные пространства) в своих организациях. Мы считаем, что работа в парах зачастую является своего рода освобождением от требований к работе в группах и возможностью установить более тесную связь с кем-то.

В СМРС я нарисовала границу между матрицей и сеансом рефлексии, попросив участников (включая саму себя) встать и перейти на другое место. Я хочу провести четкое различие между ассоциативной задачей матрицы и более привычной задачей сеанса рефлексии (этим обусловлена резкая вертикальная линия с крестами между этими двумя видами работы). Это небольшое изменение также обеспечивает физическое освобождение от стресса, создаваемого ассоциативной задачей.

Заключительный этап (см. рис. 9) предоставляет участникам возможность подумать вместе со всей группой о своем опыте в целом, задать конкретные вопросы касательно методологии, а также получить от ведущих и друг друга примеры того, как они используют методологию. Это занятие направлено на то, чтобы участники получили опыт перехода от мероприятия к знакомому им миру.

Административное сопровождение, следующее после мероприятия, может включать в себя подведение результатов или выдачу сертификатов участия, выполнение финансовых обязательств перед ведущими и/

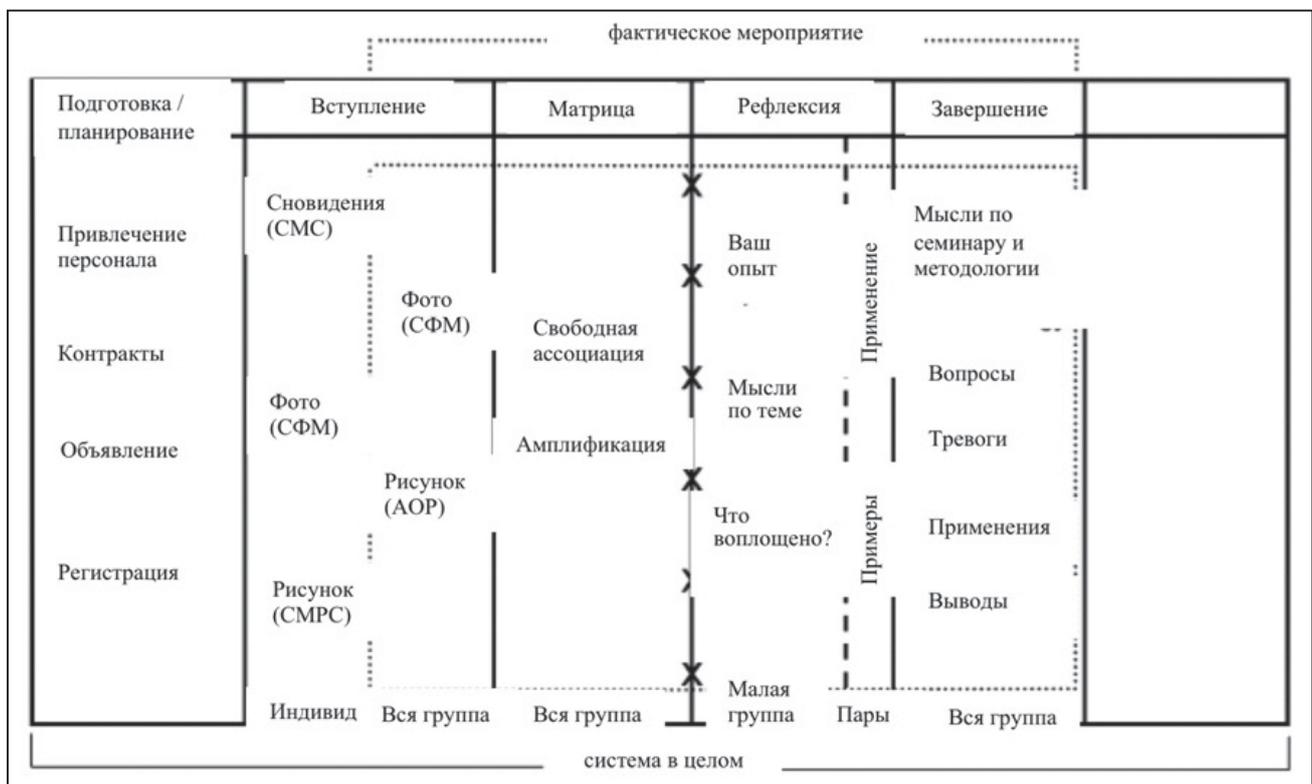

Рис. 9. Этап 5: Завершение

или передачу отчетов в более крупную систему, в которую встроено мероприятие (см. рис. 10).

Я обнаружила, что распространение литературы (статей и библиографий) после семинара является более эффективным, чем если делать это заранее, поскольку участник теперь имеет собственный опыт для соотнесения с такими статьями. Кроме того, это впоследствии не мешает участвовать в семинаре без «воспоминаний и предубеждений», получать собственный уникальный опыт.

При использовании всех этих методологий можно создать документ, содержащий как минимум фотографии различных визуальных третьих объектов, а в более широком смысле – краткие письменные отчеты или ассоциации и мысли. Такая расшифровка может быть получена различными способами. Иногда участники передают друг другу роль ведения конспекта (СМРС). В других случаях мы просим участников принять это как особую роль (СФМ, СМС), используя свои ноутбуки для непосредственной записи того, что говорится. Также можно использовать аудио- или видеозапись, однако задача расшифровки записей является весьма трудоемкой для ведущих и может быть крайне дорогостоящей. При этом в любом случае необходимо заранее получить согласие всех участников.

Зачастую расшифровки распространяются после мероприятия, однако я не уверена, являются ли они ценными в действительности. Предыдущие участники отметили, что семинар, отраженный в документе, не соответствует полученному ими в реальности опыту. Однако, когда семинар

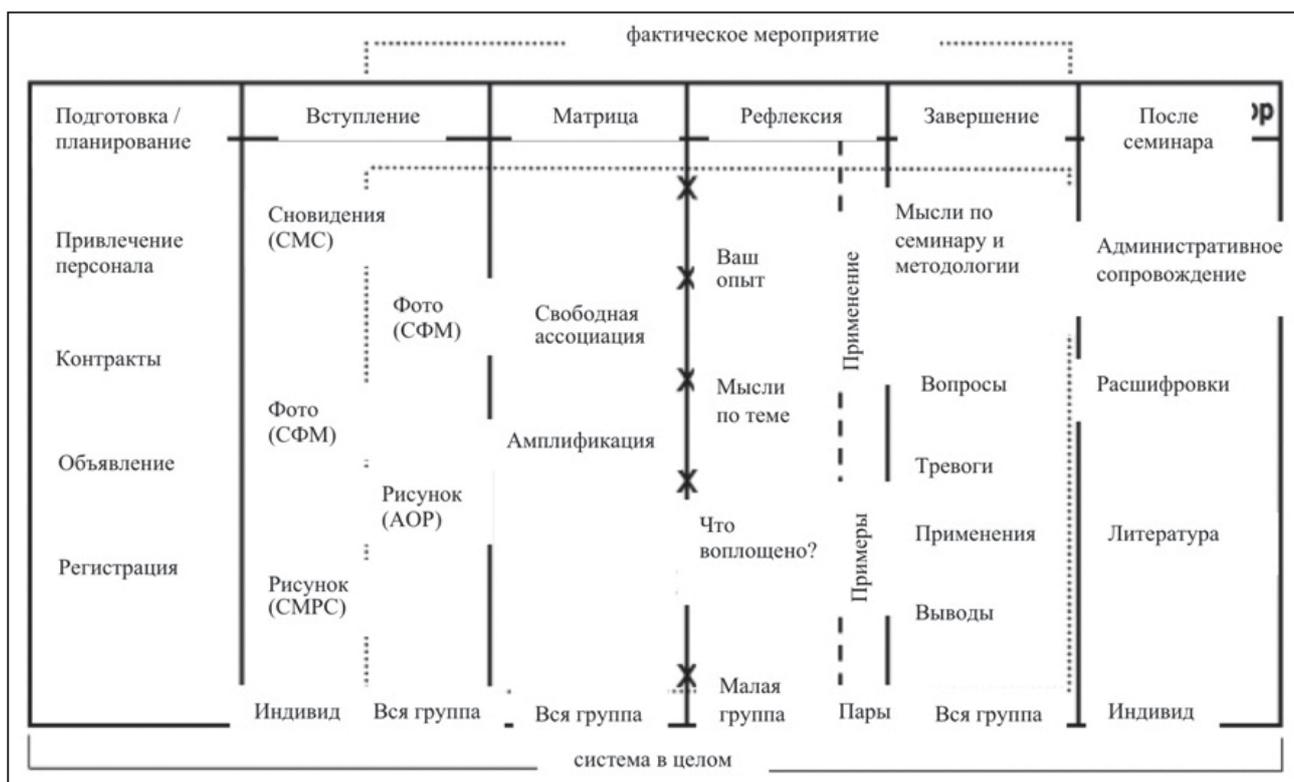

Рис. 10. Этап 6: Этап, следующий за семинаром

проводится еженедельно, расшифровки помогают участникам не терять непрерывную связь с опытом. Один из коллег обратил внимание на то, что получение расшифровок может быть весьма затруднительной задачей в рамках организационной диагностики или интервенции, где первостепенное значение имеют вопросы конфиденциальности. В целом я вижу их ценность в качестве записи опыта и своего рода контейнирования, позволяющего нам быть уверенными в том, что ценный опыт не будет «утерян».

На этой схеме (рис. 11) я определяю характер ключевых задач ведущих по отношению к опыту участников. Обратите внимание, что задачи ведущих на каждом этапе определены над схемой, а опыт участников – под ней. Заметим также, что для каждого этапа участники разбиты по разным группам: индивид, вся группа, малая группа или пары.

Рис. 11. Ключевые задачи ведущих и опыт участников

Как и для любой организационной роли, ведущие и фасилитаторы этих мероприятий имеют формальные и неформальные задачи. Формальные задачи включают составление описания, разработку плана мероприятия, подготовку графиков и в целом управление его проведением.

Что касается неформальных задач, одна из важнейших заключается в проведении мероприятия с учетом хрупкого баланса между необходимостью в наличии ясных целей и границ и плавным протеканием с регрессией, необходимой для возникновения бессознательных процессов. В некотором смысле, несмотря на то что фасилитаторы/ведущие имеют опыт в проведении таких мероприятий, они (так же как и участники) каждый раз сталкиваются с чем-то совершенно новым и безграничным. Они подвержены ассоциации и амплификации, при этом контейнируют и управляют процессом.

Таким образом, я бы сказала, что как для управления собой, так и для управления этими методологиями в целом они должны сохранять ясное понимание задач в рамках каждого элемента и способность контейнировать, что означает быть в состоянии переработать и быть с тревогами, присутствующими в группе, не прибегая к отторжению или наказанию.

В частности, на этапе матрицы контейнирование также означает отсутствие осуждения. Зачастую можно сказать: нет правильных или неправильных ассоциаций. Суть заключается в том, чтобы это не звучало как критика последнего выступающего. Необходимо понимать, что тот, кто поднимает вопросы или начинает тревожиться, бессознательно мобилизуется группой, поэтому важно уважать эту тревогу.

В этой связи возникает вопрос об особом влиянии ведущего в стремлении вызвать бессознательные процессы. Когда необходимо выступить? Ведущим, с одной стороны, необходимо проявлять внимательность, чтобы не быть первыми, кто предложит ассоциацию или амплификацию, но иногда, особенно когда методология является совершенно новой для группы, это является необходимостью. Всегда существует риск того, что любая ассоциация или гипотеза может быть воспринята как попытка управлять группой, а не передать свою мысль (*Eden, 2010*). Мы уже видели, что тревоги возникают по-разному, например из-за интерпретации конкретного сна или рисунка (или того, кто видел сон или нарисовал рисунок), невозможности позволить себе учиться и скептицизма по поводу применения полученной информации.

В рамках этого процесса участники начинают постепенно брать на себя ответственность за мероприятие и то, как оно проводится. Однако существенное значение имеет характер того, как сами ведущие сначала принимают свою роль. Если все сделано достаточно хорошо, к концу мероприятия участники могут позволить себе осуществить собственный переход к этой методологии. Таким образом, можно сказать, что ведущие в начале работы являются более активными контейнирующими, а затем постепенно становятся все более пассивными, поскольку участники сами получают все больше опыта, становятся более раскрепощенными и искусными в свободных ассоциациях, позволяют себе учиться и мыслить по-новому.

Фундаментальная ценность для организаций

В настоящее время, когда эти методологии получают все большее распространение, становится актуальным вопрос, что мы можем сделать, чтобы убедительно доказать их ценность для организаций. Мне кажется, что мы сами должны сначала четко понимать, что они предлагают.

Я вижу ценность этих методик – при их вдумчивом использовании – в помощи организациям с целью повысить их способность думать о сложных реалиях, с которыми они сталкиваются, вместо того чтобы подавлять их или позволять им незаметно проявляться, отыгрываться в разных частях системы, и принимать меры и решения на основе этих идей.

Мое мышление начинается с работы Буркарда Сиверса (*Sievers, 1999; 2006*) и его концепции психотической организации. Сиверс использует концепцию Биона о психотических и непсихотических частях личности применительно к организациям. Он предполагает, что психотически функционирующие организации бессознательно проецируют свои психотические части в отделы, части организации либо внешние пространства с большей валентностью для интроекции. Таким образом, либо часть организации сама становится проблемой, а не сигналом о том, что что-то не в порядке в системе в целом, либо «проблема» вытесняется во внешний мир. Один пример из моей собственной консалтинговой практики – демонизация директора лизингового департамента организации, занимающейся корпоративной арендой. Директор воспринималась всеми как некомпетентная и проблемная, потому что она не могла обеспечить полную занятость всех зданий. На самом деле проблема была во внешней среде, а не в том, как она выполняла свою роль. Организация не могла принять реальность резко сокращающегося рынка аренды.

Вслед за Бионом (*Bion, 1957*) Сиверс, как и Лоуренс (*Lawrence, 1999*), утверждали, что психотические процессы препятствуют мышлению, а также – у отдельных лиц и организаций – мешают им видеть реальность, оплакивать потери, прорабатывать их и принимать адекватные меры. Таким образом, задача состоит в том, чтобы выявить эти подавленные психотические мысли таким образом, чтобы они могли быть признаны и исследованы.

Мой тезис заключается в том, что использование любой из описанных методик будет одним из способов достичь этого. Именно в процессе ассоциативной матрицы в этих методиках возникают две формы бессознательного мышления (*Lawrence, 1999*). Одна из форм – сновидения как способ мышления – становится доступной в социальной матрице сновидений (SDM) и социальном рисунке сновидений (SDD) в материалах сновидений, приносимых участниками. Другая форма – неосмысленное знание – становится доступной через ассоциации и их амплификации для участников через образы, рисунки и фотографии. Индивидуально созданные третьи объекты (OPA, SDD, SPM), вместе со сновидениями в социальной матрице сновидений (SDM), выступают в качестве катализаторов для ассоциаций и амплификаций, которые сами вызывают неосмысленное знание из бессознательного.

На мой взгляд, эти методики являются эффективными именно в силу и только при условии сочетания ассоциативной матрицы и сессии рефлексии. Я присоединяюсь к понятию Биона (*Bion, 1988, с. 179*), что мышление является результатом двух основных психических событий. Первым из них является «развитие мыслей», которое, как я вижу, возникают в матрице и в ассоциативных процессах в других методиках. Второе – «устройство, чтобы справиться с мыслями». Как я это вижу, рефлексивный диалог является местом для этого аппарата мышления, в котором можно осуществить свою задачу преобразования мысли из бесконечного в актуальное мышление по отношению к реальности, то есть выбранной теме или самой организации. С точки зрения Биона, «мышление является результатом давления мыслей на психику, а не наоборот» (там же). А это означает, что мы не можем вызвать мысли посредством акта мышления, но мы можем начать думать, как только мысли возникают.

Для дальнейшего расширения этой линии аргументации замечу, что Бцион рассматривал эти возникающие мысли «как если бы они были объектами, которые должны были быть рассмотрены» (там же, с. 184). Это происходит потому, что «(а) они в той или иной форме содержат или выражают проблему и (б) они ощущались как нежелательные "наросты" психики и требовали внимания и устранения тем или иным способом» (там же, с. 184). Здесь он делает два важных заявления, как мне кажется. Во-первых, эти мысли дают ключи к разгадке важных основополагающих проблем, а во-вторых, они представляют собой то, что было спроецировано как нежелательное из остальной части системы. Можно перенести это понимание на организации.

Но какое это имеет значение, если эти мысли, связанные с проблемой, становятся доступными для мышления? Я считаю, что помочь нам здесь могут слова Лоуренса (*Lawrence, 1999*) о том, что когда организация находится в состоянии думать, она способна «сохранить свою жизнеспособность по отношению к изменяющимся условиям окружающей среды рынка. Мышление имеет важное значение для ее (организации) выживания "вовне", как объективно разделяемый факт, и "внутри" в качестве субъективного опыта».

Таким образом, способность мыслить необходима, чтобы выжить и быть эффективными. Итак, подводя итог, эти методики – при их использовании должным образом – помогают организациям думать, выживать и процветать. В ходе ассоциативной матрицы неосмысленное знание возникает через ассоциации и их амплификации. Оно возникает в этом процессе как, казалось бы, случайное и хаотическое бесконечное. Но оно отражает – даже в этом зачаточном виде – коллективные тревоги группы и проблемы, лежащие в основе этих тревог. Кроме того, бессознательное представляет собой также глубокий источник другого влияния групповой жизни – творчества, надежды, желаний и любви, которые затем могут получить свой собственный голос в системе. В ходе этих процессов начинает проявляться пока не концептуализированная, но уже ощущаемая участниками фрустрация и тревога. Рефлексивные сессии являются местом, где можно справиться и начать прорабатывать эти переживания.

Таким образом, доступ к бессознательным аспектам приводит к лучшей способности мыслить реалистично, чтобы контейнировать эти фрустрации и потом действовать.

Заключение

Есть, без сомнения, серьезные вызовы в том, как знакомить организации с этими методологиями: непривычность этого способа работы; сложности, касающиеся конфиденциальности; сложности с тем, кто должен участвовать; тревоги относительно рисунка и других творческих форм и т. д. Эти методики подходят не для каждой организации и каждой группы.

Я рекомендую, чтобы они использовались в качестве части более широкого организационного процесса консультаций, а не в качестве самостоятельных мероприятий с клиентами. Я считаю, что они могут быть особенно полезны, когда система имеет глубоко укорененные и трудно-разрешимые проблемы, которые бросают вызов продолжающимся усилиям по их решению. На самом деле эти методики могут быть уникальными для помощи организациям в том, с чем обычно они не справляются.

Консультант должен четко сформулировать, каким образом и почему такое событие может быть полезным для системы в решении определенной проблемы. Он должен оценивать, какая методология (если таковая имеется) подходит для той или иной цели, объяснять, почему клиенту следует ей воспользоваться, и, самое главное, четко сообщать потенциальные риски. Во всем процессе планирования он должен работать в тесном сотрудничестве со спонсором в описании и проектировании элементов работы.

Тема предстоящей работы должна формулироваться исходя из презентующего симптома организации, с учетом как ее контейнирующей функции, так и перспективы дальнейшей организационной работы. Процесс идентификации темы сам по себе является консультативным процессом. Необходимо стремиться, чтобы тема работы не задавала заранее никакой позиции, мнения относительно организационной проблемы. Она должна быть достаточно сфокусированной, чтобы обеспечить направление, но и достаточно открытой, чтобы стимулировать творчество. Существует очень тонкая грань между темой, которая стимулирует бессознательное мышление, и той, которая питает лежащие в основе проблемы расколы или продвигает чью-то организационную повестку дня.

После того как все это было достигнуто и работа состоялась, что дальше?

Я предполагаю, что следующий шаг – проведение мероприятия через несколько недель или месяцев после семинара, задача которого – применить новое мышление, возникшее в ходе него, к конкретным организационным вопросам (возможно, с последующими меньшими группами по разработке практических шагов). Этот разрыв во времени между опытом проведения семинара и последующей разработкой предложений поддерживается наблюдениями Биона (*Bion, 1970*) о том, что существует необходимость отделить мысли и действия (с. 121). Таким образом, используя термины Биона, дальнейшая встреча открывает возможности для того,

чтобы мысли «стали проработанными и доступными для перевода их в действие» (*Bion*, 1988, с. 184).

Здесь роль консультанта будет заключаться в поддержке клиента в создании этого перехода и, по Биону (*Bion*, 1988, с. 180), в том, «чтобы преодолеть пропасть фрустрации между моментом, когда желание ощущается, и моментом, когда соответствующее действие, ведущее к удовлетворению желания, совершается». Я думаю, что Бцион говорит между строк о том, что, хотя и заманчиво было бы действовать немедленно, как только ощущается фрустрация или проблема определена, лучшим решением является остановиться и выделить время для появления нового знания и его проработки. Здесь консультант может помочь организации преодолеть этот разрыв путем разработки процессов, с помощью которых клиент может применить новое мышление, раскрытое в фазе рефлексии, и сфокусироваться на самой организации.

Использование этих методик в организации требует иной модели консультирования, чем привычные для типичного процесса консультации формы: знакомство, заключение договоров, сбор данных, диагностика, обратная связь, вмешательство и т. д. Даже если исходить из того, что эти шаги будут в рамках непрерывно повторяющегося процесса, такой процесс все равно будет «слишком односторонним, чрезмерно управляемым консультантами и оставляющим слишком мало пространства для актуального живого обмена», как говорил Дэвид Армстронг (*Armstrong*, 2010, с. 112). То, что имеет первостепенное значение, по его мнению, – это совместное «понимание того, что создается из непрерывного, разделяемого опыта взаимодействия с клиентом» (см. там же).

Работа с методиками, которые я описала выше, помогает организационным системам вступить в контакт со своим бессознательным через мысли и идеи их ключевых участников. Эти методы помогают организациям услышать голос и мудрость внутри системы через «обретение практического навыка осознания чего-то еще не полностью осознанного или известного, в ходе процесса, в котором консультант и клиент постепенно учатся сотрудничать» (там же, с. 113). Это совместное научение является продуктом доверия, которое должно существовать для того, чтобы любой клиент мог взять на себя риск использования наших методик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Armstrong D.* (2010). Meaning found and meaning lost: on the boundaries of a psychoanalytic study of organisations. *Organisational and Social Dynamics*, 10(1): 99–117.
2. *Bain A.* (1999). On socio-analysis. *Socio-Analysis*, 1(1): 1–17.
3. *Bion W.R.* (1957). Differentiation of the psychotic from the nonpsychotic personalities. *International Journal of Psycho-Analysis*, 38(3–4), 266–275 [reprinted in Spillius, E. B. (Ed.) (1988). *Melanie Klein Today. Developments in Theory and Practice*, Vol. I, Mainly Theory (pp. 61–78). London: Routledge].

4. *Bion W.R.* (1988) The psychoanalytical study of thinking. In: E. B. Spillius (Ed.), *Melanie Klein Today. Developments in Theory and Practice*, Vol. I, *Mainly Theory* (pp. 178–186). London: Routledge.
5. *Bion W.R.* (1970). *Attention and Interpretation*. London: Tavistock.
6. *Bollas C.* (1987). *The Shadow of the Object: Psychoanalysis of the Unthought Known*. New York: Columbia University Press.
7. *Borwick I.* (2006). Organizational role analysis: managing strategic change in business settings. In: J. Newton, S. Long & B. Sievers (Eds.), *Coaching in Depth: The Organizational Role Analysis Approach* (pp. 3–28). London: Karnac.
8. *Eden A.* (2010). Learning to host a Social Dreaming Matrix. In: W. G. Lawrence (Ed.), *The Creativity of Social Dreaming* (pp. 177–186). London: Karnac.
9. *Emery F.* (1993). Characteristics of socio-technical systems. In: E. Trist & H. Murray (Eds.), *The Social Engagement of Social Science: A Tavistock Anthology*, Vol. II, *The Socio-Technical Perspective* (pp. 157–186). Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
10. *Hellinger B., Weber G., & Beaumont H.* (1998). *Love's Hidden Symmetry: What Makes Love Work in Relationships*. Phoenix, AZ: Zeig and Tucker.
11. *Hinshelwood, R. D., & Skogstad, W.* (Eds.) (2000). *Observing Organisations: Anxiety, Defence and Culture in Health Care*. London: Routledge.
12. *Lawrence W.G.* (1991). Won from the void of the infinite: experiences of Social Dreaming. *Free Associations*, 2(22): 259–294.
13. *Lawrence W.G.* (1998). Social Dreaming as a tool of consultancy and action research. In: *Social Dreaming @ Work* (pp. 123–140). London: Karnac.
14. *Lawrence W.G.* (Ed.) (1998b). *Social Dreaming @ Work*. London: Karnac.
15. *Lawrence, W. G.* (1999a). The contribution of Social Dreaming to socio-analysis. *Socio-Analysis*, 1(1): 18–33.
16. *Lawrence W.G.* (1999b). Thinking refracted in organizations. The finite and the infinite/the conscious and the unconscious. Paper presented at the 1999 Symposium of The International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations. Toronto. <http://www.ispso.org/Symposia/Toronto/1999lawrence.htm> (retrieved 30 November 2010).
17. *Lawrence W.G.* (2000). *Tongued With Fire: Groups in Experience* (p. 1–30). London: Karnac.
18. *Lawrence W.G.* (2001). Social Dreaming illuminating social change. *Organisational and Social Dynamics*, 1(1): 78–93.
19. *Lawrence W.G.* (2003). Social dreaming as sustained thinking. *Human Relations*, 56(5): 609–624.
20. *Lawrence W.G.* (2005). *Introduction to Social Dreaming: Transforming Thinking*. London: Karnac.
21. *Lawrence W.G.* (n.d.). Thinking refracted in organisations: the finite and the infinite/the conscious and the unconscious. Manuscript.
22. *Long S.* (2006). Drawing from role biography in Organizational Role Analysis. In: J. Newton, S. Long & B. Sievers (Eds.), *Coaching in Depth: The Organizational Role Analysis approach* (p. 127–143). London: Karnac.
23. *Mersky R.* (2008). Social Dream-Drawing: a methodology in the making. *Socio-Analysis*, 10: 35–50.

22. *Miller E.J., & Rice A.K.* (1967). *Systems of Organization*. London: Tavistock.
23. *Newton J., Long S., & Sievers B.* (Eds.) (2006). *Coaching in Depth: The Organizational Role Analysis Approach*. London: Karnac. Nutkevitch A. (2002).
24. The "container" and its containment: a meeting space for psychoanalytic and open systems theories. Paper presented at the 1998 Symposium of The International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations. Jerusalem. [http:// www.ispso.org/Symposia/Jerusalem/1998nutkevitch.htm](http://www.ispso.org/Symposia/Jerusalem/1998nutkevitch.htm) (retrieved 30 November 2010).
25. *Reed B.* (1976). Organisational role analysis. In: C. Cooper (Ed.), *Developing Social Skills in Managers. Advances in Group Training* (pp. 89–102). London: Macmillan.
26. *Reed B., & Bazalgette J.* (2006). Organizational role analysis at the Grubb Institute of Behavioral Studies: origins and development. In: J. Newton, S. Long & B. Sievers (Eds.), *Coaching in Depth: The Organizational Role Analysis Approach* (p. 43–61). London: Karnac. Sher M. (2009).
27. Splits, extrusion and integration: the impact of "potential space" for group relations and sponsoring institutions. *Organisational and Social Dynamics*, 9: 138–154.
28. *Sievers B.* (1999). Psychotic organization as a metaphoric frame for the socio-analysis of organizational and interorganizational dynamics. *Administration & Society*, 31(5): 588–615.
29. *Sievers B.* (2006). Psychotic organization – a socio-analytic perspective. *ephemera*, 6(2): 104–120. <http://www.ephemeraweb.org/journal/6-2/6-2sievers.pdf> (retrieved 30 November 2010).
30. *Sievers B.* (2007). Pictures from below the surface of the university: The Social Photo-Matrix as a method for understanding organizations in depth. In: M. Reynolds & R. Vince (Eds.), *Handbook of Experiential Learning and Management Education* (p. 241–257). Oxford: Oxford University Press.
31. *Sievers B.* (2008). "Perhaps it is the role of pictures to get in contact with the uncanny". The Social Photo-Matrix as a method to promote the understanding of the unconscious in organizations. *Organisational and Social Dynamics*, 8(2): 234–254.
32. *Sievers B.* (Ed.) (2009). *Hierdrinnensindirgendwie alle Türen zu. Eine Soziale Photo-Matrix in einer Justizvollzugsanstalt*. Münster: agenda Verlag. Sievers, B., & Beumer, U. (2006). Organisational role analysis and consultation – the organisation as inner object. in: J. Newton, S. Long & B. Sievers (Eds.), *Coaching in Depth: The Organizational Role Analysis approach* (p. 65–81). London: Karnac. Trist, E., & Bamforth, K. (1993).
33. The stress of isolated dependence: the filling shift in the semi-mechanized longwall three-shift mining cycle. In: E. Trist & H. Murray (Eds.), *The Social Engagement of Social Science: A Tavistock Anthology, Vol. II, The SocioTechnical Perspective* (p. 64–83). Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
34. *Trist E., & Murray H.* (1993). Historical overview: the foundation and development of the Tavistock Institute. In: E. Trist & H. Murray (Eds.), *The Social Engagement of Social Science: A Tavistock Anthology, Vol. II, The*

Socio-Technical Perspective (p. 1–34). Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

35. Weber G. (2000). Organizational constellations: basics and special situations, J. Peterson & U. Luppertz (Trans.), Praxis der Organisations aufstellungen. Heidelberg: Carl-Auer-Systeme Verlag. <http://www.constellationsolutions.co.uk/weber1.htm> (retrieved 30 November 2010).

Contemporary Methodologies to Surface and Act on Unconscious Dynamics in Organisations: an Exploration of Design, Facilitation Capacities, Consultant Paradigm and Ultimate Value*

Rose Redding Mersky

*(Translated from English: Irina Sorokina,
Natalia Sergovantseva)*

Rose Redding Mersky, organizational development consultant to a wide variety of private, public, non-profit and professional organizations for over thirty years. Coaching supervisor to individuals and groups on-line and author of workshops internationally on various socioanalytic methodologies. They include Organizational Role Analysis, Social Dream-Drawing, Organizational Observation, Social Photo-Matrix and Social Dreaming. A member of the International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations (ISPSO) since 1988, its first female president (1997–1999) and its first Director of Professional Development (2000–2006). Faculty member of the Program in Organizational Dynamics and Consulting at the William Alanson White Institute in New York (1993–1998) and co-director of the Program of Organizational Dynamics sponsored by inscape-international in Cologne, Germany (2001–2010). Honorary International Trustee of the former Gordon Lawrence Foundation for the Promotion of Social Dreaming (2016–2019). Currently honorary professor at the High School of Economics in Moscow.

---

*Organisational & Social Dynamics 12(1) 19–43 (2012).

Organisational Role Analysis, Social Dreaming, Social Photo-Matrix, and Social Dream-Drawing are four examples of a growing number of methodologies that are being developed and used internationally. While used in different ways in different contexts, what they all have in common is the intent to access a group's unconscious thinking, whether related to a pre-identified theme or a particular organisational or social issue. This body of methodologies makes use of a third object created by participants, such as a drawing, a dream, or a photo.

In this paper, I am presenting three conceptual frames:

An overreaching way of thinking about the design of these methodologies and the role of those who host or lead them. My main question is: what are the necessary and appropriate design elements and facilitation capacities for methodologies that seek to uncover and make sense of unconscious processes in organisations?

A theoretical argument for the fundamental value of these methodologies to organisations. A suggested new paradigm for the role of consultant in bringing these methodologies to organisations.

In order to familiarise the reader who has not yet experienced any of these methodologies, I will first briefly describe four of them and give an example of their use in a system. I will follow that by an explication of the theoretical underpinnings of my suggestions for their facilitation and structure, which will be illuminated in a series of charts. I conclude by describing how I think these methodologies can help organisations.

Keywords: associative unconscious, Organisational Role Analysis, Social Dreaming, Social Photo-Matrix, Social Dream-Drawing, unthought known, Bion, thinking, organisational consultation, containment, free association, amplification.

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИДЕРСТВА

Роль лидера как носителя власти и авторитета в группе/команде: психоаналитический взгляд

*Е.В. Шаповалова
А.В. Байзарова*

Шаповалова Екатерина Викторовна – магистр менеджмента (LUBS, Лидс, Великобритания), магистр психологии (НИУ ВШЭ, Москва), психодинамический коуч и бизнес-консультант, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solutions, старший преподаватель магистерской программы «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член совета и сертифицированный профессиональный бизнес-коуч Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК).

Байзарова Анна Владимировна – магистр психологии (НИУ ВШЭ, Москва), HR-профессионал с опытом работы более 12 лет в международных компаниях и консалтинге, эксперт в работе с руководителями среднего и высшего звена, различными командами, включая кросс-культурные и международные. Является членом Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК).

Данная статья посвящена теме роли лидера и власти с точки зрения психоаналитической теории. Подробно рассмотрены взаимосвязь понятий «лидер», «лидерство», «власть», «полномочия» и то, как это может проявляться в современных организациях. Выводы, которые были сделаны в данной статье, легли в основу исследования конкретной организации, а также могут быть использованы и в дальнейшем при рассмотрении различных организационных кейсов. Статья раскрывает те внутренние связи и тревоги, которые возникают у лидера в момент получения власти и в процессе ее удержания, когда он выступает ее носителем.

Ключевые слова: лидер, лидерство, власть, полномочия, психоанализ организаций, концепции лидерства, взаимоотношения лидера и последователей, получение и передача власти.

«Лидерство» – одно из ключевых понятий последних десятилетий: о нем много пишут, его изучают, целенаправленно развивают и выделяют в качестве ключевой компетенции во многих организациях. Для крупных корпораций лидерство в большинстве случаев – это основа корпоративной культуры и корпоративных ценностей; это основная компетенция менеджера, который руководит командами; и зачастую это основная компетенция, которой должен обладать каждый сотрудник в организации. Лидер, власть, авторитет, полномочия, команда – это то, без чего невозможна ни одна компания. Успех организаций зачастую напрямую связывают с тем, кто является ее лидером, кто является носителем власти в данной организации. Роль лидера бесспорна, при этом очень амбивалентна: это то, что интуитивно понятно многим, но при этом абсолютно неочевидно, так как очень сложно «потрогать», померить и посчитать лидерство в виде бизнес-результата. Лидерство и лидер не существуют без последователей. Взаимоотношения – ключевой фактор лидерства. Связь лидера с командой, где он заявлен как носитель власти, прямая и неразрывная.

Когда мы слышим примеры наиболее успешных (или же провальных) компаний последних десятилетий, мы зачастую ассоциируем их с лидерами этих организаций, с теми, кто был наделен властью в этих организациях (IBM – Билл Гейтс, Apple – Стив Джобс, Facebook – Марк Цукерберг, Tesla – Илон Маск и т. д.). Исследование темы власти никогда не потеряет своей актуальности, так как, по сути, это основа любого общества, а соответственно, и любой организации. Тема власти и лидера как ее носителя привлекает внимание многих. В том числе в последние несколько лет проведен ряд исследований, которые раскрывают психологические аспекты лидера и власти. Некоторые современные исследования отмечают определенную взаимосвязь между эмоциями лидера и результатами работы команды его последователей (*Li et al.*, 2019), а также прямую связь между результатами работы команды и тем, насколько близко или далеко они ощущают власть своего лидера (*Hu et al.*, 2017; *Hu et al.*, 2018). Зачастую стремление к власти связывают с определенными особенностями личности лидера, с желанием быть независимым и контролировать ситуацию, а не влиять на других, как часто принято думать. Выявлено, что такая черта лидера, как скептицизм, часто ассоциируется с властью и помогает лидеру двигаться вверх и расширять свою власть и полномочия (*Chou*, 2018). Власть часто ставят в один ряд с понятием нарциссизма, и некоторые исследования показывают, как эта взаимосвязь проявляется (*Mead et al.*, 2018). Такое внимание к данной теме говорит о ее глубине и, безусловно, вызывает любопытство, которое подстегивается практическим интересом.

Давайте попробуем посмотреть, как связаны лидер и власть; в чем особенности лидера как носителя власти в группе; как власть может проявляться у лидера в группе/организации. Если лидер и власть взаимосвязаны и взаимозависимы, то можно сделать вывод, что понимание этой зависимости поможет найти более эффективные пути достижения бизнес-результатов, а для лидера – вывести на новый уровень понимания

и осознания своей роли как носителя власти в группе. Власть – это основа лидерства, и лидер как ее носитель зависит от нее, нахождение внутреннего и внешнего баланса по отношению к власти, принятие этой зависимости и умение справляться с последствиями этой зависимости – важная характеристика эффективного лидера; в группе лидер для членов этой группы авторизуется через получение власти (способы могут быть разные). Власть лидера в группе/организации не может не проявляться, при этом способ проявления власти зависит как от особенностей лидера, так и от организационных и психодинамических особенностей группы/организации (включая внешний контекст, в котором функционирует группа или организация). Очень часто патологии организации и группы могут быть связаны с тем, как в них проявляется власть.

Психоаналитический взгляд на лидера как носителя власти очень широк и разнообразен. З. Фрейд в свое время рассуждал о лидерстве в разрезе психологии масс. Он утверждал, что потребность в лидере у индивида является инстинктивной. В своей работе «Психология масс и анализ человеческого эго» (Фрейд, 2019) он отмечал, что последователи имеют сильную эмоциональную привязку к лидеру. Влияние лидера на группу происходит не через логику и аргументацию, а через преувеличение и яркие картины, которые рисует «вождь». Группа амбивалентна к своему лидеру, она столь же нетерпима, как и доверчива к авторитету. Группа, как только образуется, хочет подчиниться своему лидеру, это аксиома. При этом лидер должен обладать определенным авторитетом, впоследствии многие другие представители психодинамической традиции называли этот авторитет харизмой. «Вождь» должен быть особенным – горячо верить в идею и «обладать сильной импонирующей волей», которую он бессознательно передает группе. Справедливое отношение – это ключ к подчинению группы. Также З. Фрейд высказывает идею о том, что лидер («вождь») господствует над индивидами, при этом эмоциональная привязанность существует не только между лидером и последователями в группе, но и между самими последователями. Потеря лидера вызывает панику у группы. Также Фрейд делает вывод, что группу невозможно понять в отрыве от ее лидера, можно сказать, что, понимая лидера, вы понимаете группу. Если смотреть на гипотезу основателя психоанализа в отношении лидерства символически, то функция лидера для него – это власть младшего сына убитого отца (Фрейд, 2019). Таким образом, корифей психоанализа подчеркивал наличие у лидера группы особой власти в виде эмоциональной привязанности группы к лидеру и закладывал в лидера в обязательном порядке нарциссический радикал. Последователи стремятся идеализировать лидера и идентифицироваться с ним. При этом З. Фрейд подчеркивал, что отношение к лидеру всегда амбивалентно, как к отцу, когда это, с одной стороны, властная и уважаемая фигура, а с другой – при прохождении «эдипа» отец – это та фигура, которую хочется убить и уничтожить (Yiannis, 2011).

Также в разрезе размышлений в отношении лидерства хотелось бы отметить британскую психоаналитическую школу Мелани Кляйн. Несмотря на то что Мелани Кляйн как психоаналитик не рассматривала напрямую

проблематику лидерства и власти, тем не менее основы ее психоаналитической теории дали возможность рассуждать о взаимодействии лидера и его последователей с точки зрения объектных отношений, наличия в данных отношениях проективной идентификации и пребывания организации/лидера в организации в определенной позиции (от параноидно-шизоидной до депрессивной). Мелани Кляйн, таким образом, расширила концепцию внутреннего мира личности; в разрезе организации это помогает пониманию внутренних, зачастую бессознательных процессов в компании и в самом лидере. Также М. Кляйн ввела такое понятие, как «проективная идентификация», которая появляется на параноидно-шизоидной стадии. В разрезе «лидер – последователи» данный механизм можно обнаружить достаточно часто, когда подчиненные проецируют в лидера свои отщепленные части и лидер оказывается захвачен группой, ее регрессией.

Косвенно в рамках проблематики лидера как носителя власти в группе стоит обратить внимание на теорию переходного пространства еще одного британского психоаналитика, представителя школы объектных отношений – Дональда Вудса Винникотта. Он рассматривал переходное пространство как место культурного и личного развития, это промежуточная зона опыта. С точки зрения организаций и взаимодействия лидера и группы движение вперед может происходить, когда лидер (как «достаточно хорошая мать») способен создавать и поддерживать наличие во взаимодействии с последователями этого переходного пространства. Также Винникотт подчеркивает, что естественная основа возникновения групп в обществе – это сходство нашего иллюзорного опыта, того опыта, который возникает у младенцев, когда они постепенно знакомятся с реальностью, возможно, именно так и происходит объединение в группы (Винникотт, 2002).

Безусловно, одной из ключевых фигур в разработке психоаналитической теории групповых отношений является представитель британского психоанализа Уилфред Бион. Свою психоаналитическую концепцию в отношении малых групп Бион сформулировал в работе «Переживания в группах». Позиция Биона в отношении наличия лидера в группе (в разрезе терапевтической группы – ведущего) предполагает, что лидер, по сути, отказывается от участия, работы в группе и интерпретирует все происходящие взаимодействия с точки зрения пассивного и нейтрального наблюдателя (Кернберг, 2018). Таким образом, Бион отводит роль лидера (на примере ведущего в группе) на второй план. В своих работах Бион представляет два возможных формата функционирования групп: рабочая группа и группа базовых допущений. В группах с базовыми допущениями (группа зависимости, группа образования пар, группа бей-беги) лидер приобретает лидерскую позицию в связи с той регрессией, которая происходит в группе. Лидер становится заложником группы, и характеристики лидера полностью подчиняются группе (Кернберг, 2018). То есть группа базовых допущений в первую очередь обеспечивает властью лидера, авторизует его для того, чтобы защититься от возможных фрустраций (без группы такого лидера не будет). Лидер ищется по

принципу возможности удовлетворить потребности этой группы, причем каждый вид группы базовых допущений находит своего, валентного ей лидера (Гринберг и др., 2018). Через защиты в рамках групп базовых допущений группа ищет магическое решение всех проблем и может обна- руживать его в лидере, создавая последнего таким способом, чтобы вы- держать фрустрацию. Таким образом, Бион придерживается точки зре- ния, что в диаде «лидер – последователи» в группах базовых допущений первичное значение имеет именно группа. Лидер в рамках рабочей груп- пы способен выстраивать процессы внутри группы и вести ее к выпол- нению первичной задачи. Взгляд Биона на лидера рабочей группы сле- дующий: такой лидер либо безвреден из-за отсутствия влияния в группе, либо это человек, чье понимание реальности таково, что он способен за- воевать себе авторитет (Armstrong, 2019). Исходя из этого, можно сделать вывод, что лидерство опять-таки приходит от группы, можно сказать, что группа в любом случае авторизует лидера. В работе Биона «Внимание и интерпретация» лидер предстает как исключительный человек, кото- рый обладает особыми, выдающимися способностями. При этом это до- статочно хрупкий лидер, который в обязательном порядке должен опи- раться на группу (Кернберг, 2018). Взаимосвязь и взаимозависимость ди- ады «лидер – группа» у Биона очевидна. Бион вводит также такое поня- тие, как «учреждение», которое обозначает тех, кто олицетворяет власть и пытается защитить группу от разрушения. Разрушение возникает в свя- зи с присутствием в группе «мистика», который представляет собой не- заурядного индивида в группе, это может быть и ее лидер. Учреждение выступает контейнером для группы и обеспечивает ограничение разру- шительной силы новой идеи и в то же время делает новую идею доступ- ной для всех членов группы, как бы переводя на их язык (Гринберг и др., 2018). Таким образом, Бион предполагает, что для выживания и сохране- ния группы нужна власть, при этом она может быть представлена не толь- ко человеком, но и некой структурой.

В данной теме нельзя не отметить теорию Кеннета Райса. Это осново- положник системной теории организации, в которой организация рассма- тривается в совокупности с внешней и внутренней средой, где основной источник организационных конфликтов лежит в области организации, но не ее лидера. Регресс организации первичен при патологических процес- сах, лидер регрессирует вслед за организацией. Данная теория не опи- рается на лидера как носителя власти в группе, который обладает такой си- лой, чтобы эту группу патологизировать, вся система влияет на группу и может вызвать в ней регресс. При этом стоит оговориться, что К. Райс вел разговор о больших группах и организациях (Кернберг, 2018).

Интересную концепцию в разрезе лидера в организации предло- жил канадский психоаналитик Элиотт Жак. Речь идет о теории рекви- зитных организаций, суть которой заключается в том, чтобы не ме- нять лидеров и сотрудников организации, а создавать в организации правильную структуру и эффективно распределять власть и полномо- чия внутри. Причем не только между лидером и последователями, но и между кросс-функциональными единицами, то есть каждый внутри

организации должен оказаться на своем месте. Он был сторонником идеи, что организационный контекст первичен для эффективности или патологии организации. В лидерстве Э. Жак подчеркивает такую особенность лидера, как харизма, которую он определяет как способность влиять на других через личные качества. В целом многие психоаналитики и психодинамические консультанты второй половины XX века выделяли в лидерстве харизму (то есть личные особенности) как одно из базовых качеств лидера. В концепции Э. Жака лидер должен обладать определенными способностями и потенциалом. Таким образом, в его понимании лидер как носитель власти внутри организации важен, но скорее вторичен по сравнению с правильно выстроенной структурой и иерархией внутри организации (Jaques, 2013).

Представитель французского психоанализа Дидье Анзье писал о нарциссическом лидере регрессивных групп, этот лидер дает возможность группе чувствовать себя в относительной безопасности, так как группа защищена всемогущим лидером, при этом такой лидер ограничивает группу от реальности (Кернберг, 2018).

Австро-американский психоаналитик, основатель селф-психологии – Хайнц Кохут (Кохут, 2003) – предлагал рассматривать отношение последователей к лидеру либо как к заботливой и любящей матери, либо как к всемогущему отцу. Харизматичный лидер заботится, вдохновляет и поощряет своих последователей. Лидер-мессия более требовательный и критичный; он устрашает и впечатляет, при этом пробуждает в последователях героизм. Человек ищет во взаимоотношениях с лидером возможность воспроизвести свои первичные отношения с родительскими фигурами. Можно сказать, что каждый из нас имеет из своего детства (детско-родительских отношений) некий образец власти (Yiannis, 2011).

Так или иначе проблематика лидера как носителя власти и авторитета в группе затрагивалась в трудах многих психоаналитиков. В рамках психоаналитических теорий видится две центральных темы в данном аспекте. Первая тема – это вопрос первичности лидера или его последователей как группы: что является первопричиной, а что следствием. Это вопрос, на который, на мой взгляд, нет правильного ответа, и в ответе на этот вопрос нет необходимости. И лидер, и последователи влияют друг на друга, причем конфигурации этого влияния могут быть абсолютно разные. Взаимозависимость лидера и последователей/группы очевидна, а власть и авторитет, скорее всего, неотъемлемая часть подобных взаимоотношений. Эти два понятия могут выступать в качестве основы этих взаимоотношений, рамки, сеттинга, если сравнивать с терапевтическим процессом. Вторая тема – это особый статус лидера в группе, есть ли он в принципе и чем же он отличается от остальных членов группы, почему власть находится именно у него, что ему позволяет быть лидером и носителем власти конкретно в этой группе. Как упоминала выше, многие представители психодинамического подхода выделяют в лидере наличие так называемой харизмы или чего-то особого в его внутреннем эмоциональном портрете. Возможно, это наличие внутреннего права быть другим в группе людей, способность выдерживать власть и авторитет при постоянной

атаке и проекциях на себя других, талант видеть то, что, возможно, не видят другие, и выдерживать это.

Для полноты картины о роли лидера как носителя власти и авторитета давайте немного расширим свой взгляд и посмотрим на понятие «власть», выйдя за рамки психоаналитических теорий, так как с этим понятием общество сталкивалось издревле и изучало его и в истории, и в философии, и в психологии. Например, А. Кожев в своем философском труде «Понятие власти» утверждает несколько ключевых пунктов относительно власти:

1. «Власть имеется только там, где есть движение, изменение, действие» (Кожев, 2007, с. 15), то есть власть можно осуществлять только над тем, что может отреагировать на эти проявления власти. Власть активна, то есть ее носитель – это деятель.

2. «Властное действие отличается от всех прочих тем, что оно не встречает сопротивления со стороны тех, на кого оно направлено» (Кожев, 2007, с. 16).

3. «Власть есть отношение (между действующей и страдательной сторонами), это социальный феномен; чтобы появилась власть, нужны двое» (Кожев, 2007, с. 17).

4. Обладая властью, можно менять другого человека, при этом не меняясь самому. Власть есть возможность действовать бескомпромиссно, это право на бескомпромиссные решения.

5. Существует четыре типа власти: власть отца (связана с прошлым, носитель власти является таковым, исходя из своего происхождения); власть господина (связана с настоящим, носитель власти берет на себя риск); власть вождя (связана с будущим, носитель власти предвидит, что делать, и ведет за собой); власть судьи (существует вне времени, носитель власти вершит справедливость). В реальности все четыре вида власти выступают в комбинации между собой. Также возможна тотальная власть, когда все четыре типа присущи носителю власти.

6. Чтобы власть начала существовать, то есть была авторизована, необходимо просто ее признать. Власть существует настолько, насколько она признана, и наоборот, признана настолько, насколько существует. Таким образом, одна из основных характеристик власти – это ее признание.

7. Власть, которая не имеет в качестве основания силу, может опираться только на авторитет.

8. Власть должна воплощаться в лидере. Всем власть принадлежать не может. Базис власти может быть индивидуальным или коллективным.

9. Власть в зависимости от ее типа может передаваться (путем наследования, избрания и назначения) или возникать спонтанно. Назначение может иметь преимущества, когда необходимо сохранить авторитет прежнего носителя власти, при этом подобным образом полученная власть уменьшается с каждым назначением.

10. Мораль власти – совокупность правил, которым должно подчиняться поведение человека или группы людей, чтобы стать носителем власти. Что важно – властная мораль также может помочь подчиненным, то есть

она предназначена не только для носителя, но и для его последователей, на практике более интересна психология подчинения власти, а не психология самой власти (Кожев, 2007).

Данные утверждения Александра Кожева относительно понятия «власть» позволяют взглянуть на данную тему под углом философской традиции, это обогащает анализ и позволяет смотреть на власть и лидера в качестве носителя этой власти как на многогранное понятие, где, можно сказать, есть свои философские законы.

Также важно посмотреть на понятие власти с точки зрения организационной психологии. В рамках организационной психологии власть рассматривается как критически важный ресурс для организации. Власть как понятие включает в себя очень много элементов: это и влияние, и различные ресурсы, и лидерство, и статус, и уважение, и многое другое. Традиционные исследования власти в организационной психологии связаны с анализом организационных структур, иерархии, исследованием малых групп и качеств лидера, который способен иметь власть. Организационная психология связывает власть с такими характеристиками, как компетентность, статус в социуме, физические и личностные характеристики. Властью обладают те, кто способен решать задачи и имеет социальные навыки (лидерство, эмпатия, эмоциональный интеллект; то есть то, что позволяет управлять группой, мотивировать других, решать конфликты и т. д.). Организационная психология также подчеркивает, что власть коррелирует даже с физическими характеристиками человека (рост, вес, пол, раса, возраст), так как из этих характеристик создается внешнее восприятие ресурса контроля. Важнейшее качество того, кто власть получает, – это мотивация к власти. На удержание и потерю власти влияют как внешние, так и внутренние факторы (поведение, система, где эта власть находится, конкуренция, межгрупповые взаимодействия, основы для принятия решений, этика и т. д.). По сути, власть накладывает на ее носителя большую ответственность ее удержать и применять ее наиболее эффективно. В будущем с точки зрения организационной психологии для носителя власти будут важны такие аспекты, как культура, пол и сложность среды (*Anderson et al.*, 2014). Данная точка зрения на понятие власти показывает важность и сложность этого понятия для организаций в современном мире.

Почему важно было уделить внимание не только психоаналитическим концепциям? В первую очередь для того, чтобы расширить взгляд на понятие власти, которое известно издревле, но при этом полномасштабных эмпирических исследований данного понятия не проводилось. Можно предположить, что власть либо воспринимается как очевидное понятие, которое не требует дополнительного изучения и погружения в него, либо, наоборот, как слишком сложное понятие, которое вызывает тревогу, страх и нежелание в него погружаться.

А теперь – о взаимосвязи власти и лидерства, как это рассматривается в основных психоаналитических концепциях.

Подход Абрахама Залезника: Good executives and better leaders

Американский исследователь Абрахам Залезник, находившийся под влиянием школы эго-психологии, целенаправленно занимался темой лидерства и рассматривал лидера как ключевую фигуру в психодинамических процессах в бизнесе. А. Залезник рассматривает власть как неотъемлемую часть лидера, власть всегда существует в отношениях с подчиненными. Лидер воспринимается как человек, обладающий харизмой, сильная родительская фигура (*Zaleznik, 1970*). А. Залезник наделяет отношения лидера с последователями значимым эмоциональным аспектом, он подчеркивает важность эмоций и эмпатии в отношениях «лидер – последователи». При этом для Залезника особенности лидера, которые формируются в детстве, влияют на то, кем он становится – лидером или менеджером. Он четко разграничивает два этих организационных понятия, подчеркивая важность лидерства в бизнес-контексте (*Zaleznik, 1990*).

Подход Манфреда Кетс де Вриса: Dark side of the leader

Одна из современных концепций лидерства представлена в работах Манфреда Кетс де Вриса. Лидер зависим от одиночества, зависти, чувства вины, зависимости от власти. Внутренний театр лидера влияет на группу (Кречмар и др., 2020). М. Кетс де Врис выдвинул идею дисфункции лидера, предполагая, что многие неудачи в организациях могут быть связаны с психопатологией их лидеров (Кетс де Врис, 2019). «Безумие» лидера может вызывать «безумие» у его последователей, так как они находятся в прямой зависимости. При патологиях лидерства в организациях может возникнуть феномен «козла отпущения» (*Kets de Vries, 1979*). Также М. Кетс де Врис выдвинул идею невротической организации, в которой ее бессознательное представлено как «невидимая рука», а значит, в работе организаций и понимании лидеров очень важно принимать во внимание личность лидера, степень ее невротизации, переносы в компании, в том числе проекции на лидеров их подчиненных, психодинамические защитные механизмы и т. д. (Кречмар и др., 2020).

Подход Антона Обхолзера: Authority from «above», authority from «below», authority «within»

Практикующий психоаналитик и исполнительный директор клиник в Тавистокке и Портмане Антон Обхолзер в своей книге «Бессознательное на работе» (*Unconscious at Work*) (*Obholzer, 2009*) достаточно подробно рассматривает понятия власти, авторитета, полномочий и лидерства, находя и раскрывая взаимосвязи между этими понятиями. Он действительно наиболее полно раскрывает эти темы. А. Обхолзер вводит понятия полномочий «сверху», «снизу» и «изнутри». Полномочия «сверху» – это право принимать бескомпромиссные решения, которые обязательны для

других. Полномочия «снизу» – это процесс, когда сотрудник организации, являясь ее частью, передает властным структурам (то есть тем, кто в рамках структуры должен полномочиями обладать) свои личные полномочия, таким образом подчиняясь им и признавая их, но при этом данным актом «передачи» он ограничивает полноту своих полномочий. Это происходит как на сознательном, так и на бессознательном уровне в организации. Полномочия «изнутри» – это полномочия, которые лидер получает от самого себя, «из себя», от тех внутренних объектов, представляющих властные фигуры, которые есть в нем. Таким образом, данный психоаналитик утверждает, что лидеру необходимы полномочия/authority («сверху», «снизу» и «изнутри»), а достаточно хорошая власть у лидера – это баланс между всеми тремя видами полномочий. Кроме полномочий у лидера должна быть власть, то есть ресурс управления. Власть – это характеристика личности, а не роли, по мнению А. Обхолзера. Власть может приходиться как снаружи (она зависит от уровня влияния, денег и т. д.), так и изнутри (здесь власть напрямую связана со знаниями, силой и опытом личности). Сочетания двух этих понятий, «власть» и «полномочия», имеют разный смысл: например, власть без полномочий/авторитета приводит к диктатуре, а полномочия без власти – к слабости. Также Обхолзер вводит в свои рассуждения понятие ответственности, которое обязательно должно сопровождаться определенным уровнем полномочий, власти и авторитета. Данный автор делает вывод о том, что лидер и власть неразрывно связаны между собой (*Obholzer, 2009*). В одной из своих статей А. Обхолзер подчеркивает важность понимания как для лидера, так и для его последователей бессознательных процессов на уровне личности, межличностного общения, группы и межгруппового взаимодействия, всей организации. Он наделяет последователей определенными обязанностями – уйти от пассивной позиции в группе и стать активными участниками процесса для выполнения первичной задачи. Для структуры «лидер – последователь» очень частым явлением является проективная идентификация, которой можно избежать, создавая условия реального управления/членства последователей в организации через создание атмосферы доверия, открытости и доступности (*Huffington et al., 2004*).

Подход Отто Кернберга: рациональное лидерство

Крупнейший современный психоаналитик Отто Кернберг в своей книге «Конфликт, лидерство, идеология в группах и организациях» (Кернберг, 2018) достаточно подробно рассматривает связь лидера и группы, анализируя вклад различных психоаналитиков и представителей организационной психологии в данную тему. При этом О. Кернберг отмечает, что большинство психоаналитиков игнорируют или не придают большого значения идее и влиянию самого лидера на организации и большие группы, таким образом загоняя себя в «тупиковую ситуацию». Сам Кернберг рассматривает власть в организации «как канал для выражения в групповых процессах агрессии, которая обычно находится под контролем

в диадических или триадических отношениях» (Кернберг, 2018, с. 25). Данный психоаналитик применяет идею рационального лидерства, ориентированного на задачу – взвешенного и нравственного. Он выделяет как ключевые качества лидера следующие: интеллект (как наиболее важный пункт); честность и неподкупность; способность устанавливать и поддерживать глубокие объектные отношения; здоровый нарциссизм; осмотрительность и настороженное отношение к миру (здоровая паранойя). Данные качества лидера говорят о том, что для О. Кернберга лидер – глубоко мудрый человек, зрелый, взрослый, стратегичный, высокоморальный и чувствующий, а значит, человек с качественным Супер-Эго. Данный психоаналитик подчеркивает важность у лидера баланса нарциссизма и паранойи. Именно этот баланс у лидера укрепляет его власть в группе и является основой власти лидера (Кернберг, 2018).

Подход Ларри Хиршхорна: Emotional truth

Большим экспертом и практиком психодинамического подхода является Ларри Хиршхорн, который придерживается системного подхода в работе с организациями. Ларри рассматривал вопрос лидера и последователей с точки зрения эмоциональных связей, которые возникают в этой диаде. Он отмечал, что сейчас растет взаимозависимость лидера и последователей, что с точки зрения психодинамического подхода означает, что лидеры должны стать более уязвимыми. Последователи часто воспринимают лидеров как всемогущих и могут не воспринимать их попытки быть уязвимыми. С учетом того, что между лидерами и последователями всегда происходит взаимодействие, последователи также должны проявлять свою уязвимость. То есть обе стороны должны уметь конфронтировать с такими эмоциями, как стыд, злость и разочарование. Зачастую защиты лидеров отражаются на их последователях. По утверждению Л. Хиршхорна, в современном мире лидеру нужны последователи, это требует от них мудрости и зрелости, они должны осознавать свою зависимость от последователей. Кроме организационных отношений должны быть и человеческие отношения, основанные на эмоциональной связи. Но при этом роли лидера и его последователей не должны стираться, роль – это важная составляющая в этом взаимодействии. Последователи также могут сопротивляться желанию лидера предъявить свою уязвимость, поэтому их зрелость важна так же, как и зрелость лидера. Ларри Хиршхорн выделяет три типа властных полномочий: традиционный (где необходимо наличие сильной властной фигуры в реальности); современный (где у сотрудников хорошо развито Супер-Эго и они во многом самостоятельны и устойчивы без поддержки лидера); постиндустриальный (где появляются уязвимость лидера, открытость к влиянию; последователи стремятся сотрудничать с лидерами, бессознательные желания осознаются и преодолеваются) (Hirschhorn, 1990). Подводя итог взглядам Ларри Хиршхорна, можно сказать, что одна из его основных идей заключается в том, что в современном бизнесе очень важно уметь соприкасаться со своими эмоциями, причем как лидеру, так и последователям.

Подход Джима Кранца: *The managerial couple*

Современный психодинамический консультант Джим Кранц выделяет власть как существенную составляющую лидерства. Для него властные полномочия – это признак зрелого лидера. Когда полномочия отсутствуют, это можно рассматривать как инфантилизм с точки зрения психодинамического подхода. Полномочия имеют большое бессознательное основание. В своей статье об управленческой паре Д. Кранц рассматривает отношения между руководителем/лидером и его подчиненным как первичную межличностную связь. Каждая управленческая пара содержит иерархическую границу, и полномочия возникают как одно из проявлений этой иерархической границы, структурная дифференциация создает уровень полномочий. При этом именно лидер сохраняет ответственность за всю задачу, то есть несет ответственность за работу подчиненного, это Д. Кранц выделяет как особенность управленческой пары. Получается, что лидер и последователь нуждаются друг в друге для успеха и выполнения рабочей задачи всей группы, частью которой они являются. Таким образом, оказывается, что лидер уязвим и подчинен своему последователю, то есть он зависит от него. В связи с этим, отмечает Д. Кранц, в подобных отношениях активизируется эмоциональная реакция человека на авторитет. Управленческая пара – это пример глубоких архетипических процессов, авторитетные фигуры в которой символически отождествляются с родительскими фигурами. Если опираться на метафору семьи, то лидер воспринимает нижестоящие уровни в иерархии как детей, а членов управленческой/лидерской команды – как сиблингов. Также Д. Кранц говорит о том, что пара «начальник – подчиненный» несет в себе множество межгрупповых процессов, являясь одновременно членами нескольких групп, и это также вкладывает определенные эмоции в их отношения. Таким образом, управленческая пара содержит в себе огромный клубок разных эмоций, связей и переносов (*Krantz, 1989*). Также Д. Кранц видит, что важной частью в способностях к лидерству выступает так называемое благородное предательство, которое проявляется в том числе во взаимоотношениях с последователями, проще говоря, это способность меняться, менять свою точку зрения и цель. Способность и право лидера идти на риск и сталкиваться с неизвестным Кранц связывает с тем, что лидера авторизуют его подчиненные, поэтому его уверенность в себе базируется не на собственных интересах, а на той общей цели, которая объединяет его с последователями. Кроме того, он пишет о том, что между лидерами и последователями всегда должна быть не только связь, обусловленная их ролями и задачами, но и эмоциями, которые возникают в этих отношениях, собственно, то, что является особенностью управленческой пары (*Krantz, 2006*).

Современные концепции *leaderless*: где здесь власть?

Также стоит рассмотреть новые тенденции в бизнесе и организационном развитии некоторых компаний, хотя на текущем этапе предполагаю,

что они могут быть еще достаточно поверхностными и не до конца изученными. Например, сейчас широко начинают обсуждаться и появляются попытки реализации в практике организаций без лидера и власти, так называемые бирюзовые организации (Лалу, 2018). Подобный тип организаций с психоаналитической точки зрения рассматривается, например, в статье Элизабетты Пасини (*Pasini et al.*, 2015). Организации без лидера – это попытка ухода от иерархии, где отсутствует центральная власть и контроль, где господствует горизонтальное взаимодействие. В подобных организациях присутствует лидерство, но оно видоизмененное, и власть принадлежит не лидеру (предполагается, что его нет), а последователям. Появление таких концепций инициировано современным миром. Амбивалентность и скорость изменений внешнего мира требует серьезной трансформации, большее значение приобретают отношения peer to peer. Полномочия базируются на экспертизе. Предполагается, что лидерство перемещается от лидера к последователям, отношения в организациях от родительских паттернов перемещаются в плоскость взаимодействия сиблингов (peer to peer). Возникает «проникающая» форма власти, это значит власть везде (в работе, творчестве, инновациях). Харизма лидера уже прошла все стадии: рождение, зрелость и смерть. В данной статье Элизабетта Пасини, ссылаясь на Франко Форнари, выделяет компании с материнским кодом (которые ориентируются на потребности своих сотрудников), отцовским кодом (которые ориентируются на задачу и результат) и сиблинговым кодом (где преобладают отношения между равными). Выдвигается предположение, что сейчас мир организаций движется в сторону сиблингового кода, по крайней мере появляются такие организационные попытки. С точки зрения власти появилось такое понятие, как «биовласть», которая действует как центробежная сила. По сути, это сила Я (или Оно), которая может выражать себя свободно, без ограничений (*Pasini et al.*, 2015). Интересно, что сиблинговые отношения – это всегда отношения, возникающие в детстве (где нет взрослых фигур), что косвенно может нам говорить о том, что современные тенденции leaderless имеют под собой инфантилизацию отношений внутри организаций.

Также в рамках современных концепций leaderless существует такое понятие, как автономное лидерство, когда любой участник группы/организации (лидер, последователи, просто участники) может взять на себя лидерство, когда нет иерархии и манипуляций, возникающих во властных отношениях. Оно берет свое начало в анархических теориях (*Western*, 2014). Существует также такая точка зрения, что в организационном мире власть постепенно видоизменяется, и сейчас она должна становиться незаметной, больше иметь характер фасилитации, чем полномочий. Это больше власть, которая несет в себе роль справедливого судьи (*Simpson et al.*, 1998).

Тема лидерства и власти, таким образом, рассматривается и исследуется многими. Власть и лидер – существенные характеристики друг друга, власть всегда присутствует в диаде «лидер – последователи», причем власть – это не только полномочия, полученные лидером в связи с организационной структурой и иерархией, это то, что лидер получает

«снизу», «сверху» и «изнутри». Власть у каждого лидера может проявляться по-разному: как нет идентичных отпечатков пальцев, так нет абсолютно идентичных проявлений власти у лидера, у каждого свой узор, так как индивидуальные особенности лидера накладывают отпечаток на то, как он сам себе позволяет (осознанно или нет) проявлять власть. Диаду «лидер – последователи» невозможно представить без эмоциональной составляющей, пусть даже она будет проявляться только на уровне бессознательного, создавая определенную групповую динамику. Власть создает зависимость лидера от последователей, то есть мы видим определенный парадокс, когда наделенный властью лидер зависим от последователей, при этом и они от него зависимы, и это наделяет лидера как носителя власти и авторитета уязвимостью, и очень часто он не знает, что с этим делать. Нарциссизм и паранойя – неотъемлемые черты лидера и власти, но они становятся очень хорошей базой для внутреннего баланса лидера и власти, если они не патологичны, то есть для лидера важно их в себе знать, принимать и управлять ими (можно даже сказать, контейнировать самого себя, чтобы не регрессировать до того уровня, когда эти понятия «захватят» большую часть внутреннего пространства и психики).

Таким образом, власть оказывается тонкой конструкцией, и нести ее лидеру на самом деле может быть достаточно сложно, потому что любой дисбаланс (превышение или преуменьшение власти, разделение власти и т. д.) может привести к тому, что это кардинальным образом скажется на взаимоотношениях «лидер – последователи». Получается, что с психоаналитической точки зрения мы должны помнить, что власть, возможно, является бременем для лидера, ведь она дает много соблазнов. Лидер может это осознавать, а может не осознавать, но этот соблазн в любом случае будет на него влиять, и опасность дисбаланса очень высока. Таким образом, лидер как носитель власти и авторитета в группе с психоаналитической точки зрения втянут в постоянный бессознательный процесс соблазнения властью, он должен уметь выдерживать это давление и выступать контейнером для себя и для группы в тех ситуациях, которые активизируют в группе регрессивные процессы. В организационном контексте получается, что власть и полномочия – одно из центральных понятий, которые нужно рассмотреть для понимания лидерства в организации.

Власть, лидер, группа – абсолютно взаимосвязанные понятия. Лидера, последователей и власть нельзя рассматривать по отдельности, нужно искать, как они связаны на бессознательном уровне в организации и как это влияет на саму организацию (помогает, мешает, мутирует в социальные защитные механизмы или уводит организацию в регресс и не позволяет решать первичную/рабочую задачу). Практически все психоаналитики рассматривают отношения в диадах «лидер – последователи» с точки зрения происходящих в них бессознательных процессов как аналогию с диадой «родительские фигуры – ребенок».

Также с точки зрения психоаналитического подхода важно, что власть может проявляться только во взаимоотношениях, то есть для лидера важен другой. В данном контексте понятия «власть» и «уязвимость» могут быть неразрывно связаны: то, как лидер относится к своей уязвимости,

говорит о его власти (*Brunning, 2018*). Лидер как носитель власти должен уметь соприкасаться с большим количеством разных эмоций, в том числе своих, которые появляются в связи с его ролью и организационной задачей; а также выдерживать аффекты и проекции своих подчиненных. Подчиненный должен видеть страсть, уязвимость, страхи и ценности своего лидера. В то же время лидер как носитель власти в группе на виду, поэтому от лидера требуется чувство общности, и если этого нет, это может вызывать изоляцию и отсутствие контакта с последователями (*Shapiro, 2000*).

По сути, мы можем предположить, что власть – это право и способность осуществлять лидерство.

Большинство психоаналитиков и психодинамических экспертов занимались проблематикой лидерства, власти, групповых отношений. Наверное, это одна из действительно разработанных тематик в психодинамическом подходе. Мнения разные: есть общие постулаты, есть существенные различия. В рамках обзора мнений основных представителей психоаналитической традиции по исследуемой тематике лидера как носителя власти в группе можно сделать вывод, что внимание к данной проблематике возникло практически с момента зарождения психоанализа как полноценного подхода, при этом тема не теряет своей актуальности и на текущий момент. Взгляды менялись, теория эволюционировала, дополнялась, расширялась и шла рука об руку с развитием организационных моделей в бизнесе и политике. Получается, что с властью как понятием мы сталкиваемся с рождения, когда для каждого ребенка мать и отец – это определенные властные фигуры. Далее мы проигрываем эти властные отношения в диадах «лидер – последователи», не важно, на какой стороне мы находимся. То есть можно сделать вывод, что власть не зря привлекала внимание практически всех психоаналитиков в том или ином ключе, так как это то, что для любого человека является неотъемлемой составляющей в жизни («власть отца», «власть господина», «власть судьи», «власть вождя»).

Психоаналитический взгляд на лидера как носителя власти и авторитета в группе всегда погружает нас в исследование бессознательных источников этой власти, организационного бессознательного и *organization in the mind* у лидеров организации. Власть, лидер и группа – взаимосвязанные понятия, которые не могут существовать по отдельности, и связь между ними может иметь разные грани. Лидер без власти не существует, но вот форма этой власти может иметь специфический характер и сильно зависит от бессознательных аспектов на разных уровнях организации. Власть выступает связующим звеном для лидера и последователей, это неотъемлемая часть взаимодействия между ними. Власть – это основа лидерства, и лидер как ее носитель зависит от нее. Это означает высокий уровень давления на лидера, большое количество тревог от последователей, контекста и внешней среды, все это лидер аккумулирует на себе, а значит, нахождение внутреннего и внешнего баланса по отношению к власти, принятие этой зависимости и умение справляться с последствиями этой зависимости – важная характеристика эффективного лидера. Очень часто этот баланс отсутствует, и власть приобретает отрицательный смысл в

сознании последователей. Как будто бы так для последователей проще не видеть в лидере уязвимости и эмоций, полностью отщепить эмоциональную часть в управленческой паре, уйти от амбивалентности во взаимоотношениях. Таким образом, власть для лидера становится перевертышем, превращаясь в определенного рода защиту, способ, который помогает отстраниться от последователей, поставить границы; лидер как носитель власти сам становится некой границей, роботизированным субъектом, который не связывает эмоции внутри группы, а стоит на страже того, чтобы они не проявлялись. И мы можем наблюдать некий порочный круг в триаде «лидер – последователи – власть».

В рамках работы над данной темой было проведено небольшое практическое исследование, которое показало, как тема власти и лидерства может проявляться в организации. Рассматривая данный организационный кейс, мы использовали системно-динамический подход. Исследование симптомов в конкретной организации проходило на нескольких уровнях: на уровне личности нескольких лидеров и их ролей в организации; на уровне организации; на уровне внешней среды и особенностей контекста, в котором функционирует организация. Причем в рамках исследования ставилась цель в том числе обнаружить бессознательные источники власти в организации, организационное бессознательное и *organization in the mind* у лидеров организации.

Исследование проводилось с помощью нескольких **методик**:

1. Краткое рассмотрение организации в целом: структура, первичная задача, внешний и внутренний контекст, особенности рынка, где работает компания, история организации.

2. Методика «Анализ текстов».

3. Методика «Свободный рисунок» и последующее социоаналитическое интервью с несколькими лидерами организации.

4. Наблюдения исследователя изнутри: анализ своего контрпереноса и исследование симптоматичных проявлений в организации.

Первая указанная методика позволила принять во внимание потенциальные тревоги, которые могут попадать в организацию извне; социальные защитные механизмы, которые специфичны для отрасли. Методика «Анализ текстов» представлена анализом нескольких групп материалов. Данные материалы анализировались с помощью группы коллег через свободные ассоциации и создание рефлексивного пространства, обсуждения чувств, эмоций и ассоциаций, возникших у группы после изучения представленных текстов. Выводы по итогам групповой рефлексии проводились в соответствии с правилом тематического единства через поиск глубинных основополагающих ключевых тем, лежащих в основе разных проявлений в организации. Метод свободного рисунка позволил увидеть место пересечения лидера и организации. В рамках сознательного и бессознательного функционирования организации есть психическая реальность организации и есть психическая реальность лидера этой организации – на пересечении этих двух психических реальностей (организации и лидера) находится «организация в уме» (*organization in the mind*), по Дэвиду Армстронгу (*Armstrong, 2019*). Мы исследовали тему данной

работы именно через рассмотрение «организации в уме». *Organization in the mind* – эмоциональная реальность организации, которая показывает отношение сотрудника к ней и его ощущения. Данное понятие включает в себя сознательные и бессознательные аспекты организации: его предположения о целях организации, авторитете, власти, ответственности, а также эмоциональный аспект, который сопровождает сотрудника в организации (*Armstrong, 2019*). Таким образом, метод свободного рисунка в данном исследовании использовался в большей степени как исследовательский инструмент для обнаружения симптомов и бессознательных аспектов темы власти у лидеров организации. В ходе психоаналитического интервью обсуждались темы, связанные с проблематикой данного исследования: роль лидера как носителя власти, авторитета и полномочий в рассматриваемой организации. При этом мы следовали базовому правилу психоаналитического интервью – способствовать выражению свободных ассоциаций; поощрять говорить то, что приходит в голову. И финальная указанная методика – это наблюдения самого исследователя. Наблюдение за собой с точки зрения исследовательской методики – опыт собственно-го переживания в момент нахождения в организации.

В рамках работы по данным методикам было обнаружено, что ключевая тема с точки зрения власти в организации – это игнорирование тем беспомощности и всего того, что может вызывать живые эмоции внутри организации, особенно негативные эмоции или то, что не ассоциируется с успехом; ответственность и власть возвращаются наверх, но точно не передаются вниз. Лидер, а за ним и его последователи чувствуют себя беспомощными в ситуации неуспеха, и чтобы этого избежать, полностью отрицают эту историю, отрицают свои чувства. Таким образом, лидер как носитель власти в группе внутри рассматриваемой организации скорее представляет собой некую границу, «роботизированный» субъект, который не связывает эмоции внутри группы, а стоит на страже того, чтобы они не проявлялись. То есть лидер в данном случае – это скорее отцовская фигура. На основании анализа текстов появилась гипотеза, что власть у лидера – это тоже определенный способ защиты, который помогает отстраниться от последователей, поставить границы. При этом выводы, сделанные при анализе контекста организации и наблюдений внутри организации, говорят о том, что роль лидера как носителя власти и авторитета в группе является критичной. В организации много ожиданий, соблазнов, тревоги и агрессии. Лидер в организации не заинтересован или не умеет перерабатывать данные тревоги, сам пытается защититься от них, в том числе через власть, которая становится рамкой для него, способом поставить границы и отщепить то, что невыносимо. Любое усиление тревоги в организации вызывает регрессию до параноидно-шизоидной позиции. Невозможность выдерживать амбивалентность власти приводит лидеров к рационализации и расщеплению, когда власть делится на хорошую и плохую. И получается, что лидер должен примкнуть либо к хорошей, либо к плохой власти, либо полностью отказаться от нее внутри себя, то есть как будто бы роботизироваться. Власть как связь и взаимоотношения не каждый может выдержать, так как любые взаимоотношения

внутри организации вызывают огромную тревогу. Таким образом, власть выглядит как амбивалентное понятие, и не каждый лидер способен найти баланс и выдержать соблазн властью, особенно если на уровне организационного бессознательного господствует такая примитивная защита, как расщепление.

Итак, рассмотрение лидера как носителя власти и авторитета в команде/группе с психоаналитической точки зрения, включая рассмотрение конкретного примера, позволяет сделать следующие выводы:

- во-первых, лидерство – это всегда про взаимоотношения. Лидер не может быть без другого, он не может быть без последователей. И эти взаимоотношения всегда амбивалентны. Отношения между лидерами и их последователями создают мощный эмоциональный опыт и развязывают сильные фантазии, что нельзя опускать при изучении лидерства;

- во-вторых, лидерство нуждается во власти, авторитете и полномочиях. Это аксиома. Власть – это влияние и сила принятия решений. Полномочия – это право принимать решения и влиять. Авторитет – это уважение, которое позволяет принимать решения и влиять на других, нечто трудноосязаемое, но очень важное. Это как Оно (авторитет); Сверх-Я (полномочия) и Я (власть). При этом власть, которая появляется во взаимоотношениях лидера и его последователей, является соблазном для лидера. Она требует авторизации снизу, сверху и изнутри, таким образом стабилизируя лидера и создавая баланс;

- в-третьих, лидер должен выступать контейнером организационной тревоги. Если этого не происходит, то в организации появляются свои патологии и преобладают примитивные защитные механизмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бион У.* (1952) Групповая динамика [Электронный ресурс] – URL: https://www.rulit.me/books/grupповaya-dinamika-read-513047-1.html#_RefHeading__Тoc306366_1437859442.
2. *Винникотт Д.В.* (2002) Игра и реальность [Электронный ресурс] – URL: https://psychic.ru/acrobat/Winnicott_Game.pdf.
3. *Гринберг Л., Сор Д., Табак де Бьянчеди Э.* Введение в работы Биона: Группы, познание, психозы, мышление, трансформация, психоаналитическая практика / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2018. 158 с. (Библиотека психоанализа).
4. *Кернберг О.* Конфликт, лидерство, идеология в группах и организациях. М.: Независимая фирма «Класс», 2018. 424 с. (Библиотека психологии и психотерапии).
5. *Кетс де Врис М.* Мистика лидерства: Развитие эмоционального интеллекта / Манфред Кетс де Врис; Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. 350 с. (серия «Альпина. Бизнес»).
6. *Кохут Х.* (2003) Анализ самости. Системный подход к лечению нарциссических нарушений личности / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2003. 308 с. (Современная психотерапия).

7. *Кречмар Т., Гамбургер А.* Коучинг и супервизия. Психодинамическое консультирование руководителей. М.: Независимая фирма «Класс», 2020. 294 с.
8. *Лалу Ф.* Открывая организации будущего / Фредерик Лалу; пер. с англ. В. Кулябиной; [науч. ред. Е. Голуб]. 3-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 432 с.
9. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого Я / Пер. с нем. М.: Издательство Эксмо, 2019. 320 с.
10. *Anderson C., Brion S.* (2014) Perspectives on power in organizations // The annual review of organizational psychology and organizational behavior. 2014. 1. P. 67–97. doi: 10.1146/annurev-orgpsych-031413-091259.
11. *Armstrong D.* Organization in the mind / Edited by Robert French – published 2019 by Routledge.
12. *Brunning H.* (ed.) Psychoanalytic essays on power and vulnerability – published 2018 by Routledge.
13. *Chou Y.* Eileen Naysaying and negativity promote initial power establishment and leadership endorsement // Journal of personality and social psychology. 2018. Vol. 115. No. 4. P. 638–656. doi:10.1037/pspi0000135.
14. *Hirschhorn L.* Leaders and followers in a postindustrial age: a psychodynamic view // The journal of applied behavioral science. 1990. Vol. 26. N. 4. P. 529–542.
15. *Huffington C., Halton W., Armstrong D., Pooley J.* Working Below the Surface: The Emotional Life of Contemporary Organizations – published 2014 by Routledge.
16. *Hu J., Jiang K., Erdogan B., Bauer T., Liu S.* Leader humility and team creativity: the role of team information sharing, psychological safety, and power distance. Research report // Journal of Applied Psychology. 2018 & 103(3), 313–323. doi: 10.1037/apl0000277.
17. *Hu J., Judge T.A.* Leader-team complementarity: exploring the interactive effects of leader personality traits and team power distance values on team processes and performance // Journal of Applied Psychology. 2017. 102(6), 935–955. doi: 10.1037/apl0000203.
18. *Jaques E.* Requisite organization: a total system for effective managerial organization and managerial leadership for the 21st century – Cason Hall & Co. Publishers, 2013.
19. *Krantz J.* Leadership, betrayal and adaptation // Human Relations. Feb 2006, 59. doi:10.1177/0018726706062733.
20. *Krantz J.* The managerial couple: superior – subordinate relationships as a unit of analysis // Human resource management. Summer 1989. doi: 10.1002/hrm.3930280204.
21. *Li A., Xiong, G., Xiao C., Wang X., He J., & Wang H.* How leader negative emotional expression influences follower performance? The mediating role of work engagement and the moderating role of internal locus of control // International Journal of Stress Management. December 2, 2019. doi: 10.1037/str0000151.
22. *Manfred F.R.* Kets de Vries Managers can drive their subordinates mad [Электронный ресурс] // Harvard Business review. July 1979. URL: <https://>

- hbr.org/1979/07/managers-can-drive-their-subordinates-mad (accessed July 1979).
23. *Mead L.N., Stuppy A., Baumeister R.F., Vohs K.D.* Power increases the socially toxic component of narcissism among individuals with high baseline testosterone // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2018. 147(4). P. 591–596. doi: 10.1037/xge0000427.
  24. *Obholzer A.* The Unconscious at work. Published online by Cambridge University Press: 16 June 2009. doi:10.1017/S1352465800016623.
  25. *Pasini E., Magatti P., Bruttini P.* The three paradoxes of the “Leaderless organization” // *Organizational & Social Dynamics*. 15(1) 79–100 (2015).
  26. *Shapiro E.* The changing role of the CEO [Электронный ресурс] // *Organizational & Social Dynamics*. 1. P. 130–142 (2000). URL: https://pdfs.semanticscholar.org/4b50/960c6cc5d042466bf0ea13ccd5e144291f8d.pdf?_ga=2.90740122.1417257845.1590856734-633320618.1588520332.
  27. *Simpson P., French R.* Managing Oneself in Role: A Working Tool for the Management of Change // *Public money and management*. 1998. 18:2. P. 45–50. doi: 10.1111/1467-9302.00115.
  28. *Western S.* Autonomist leadership in leaderless movements: anarchists leading the way [Электронный ресурс] // *Ephemera. Theory & politics in organization*. 2014. Vol. 14 (4). P. 673–698. URL: <http://www.ephemerajournal.org/contribution/autonomist-leadership-leaderless-movements-anarchists-leading-way>.
  29. *Zaleznik A.* Power and politic in organizational life [Электронный ресурс] // *Harvard Business Review*. May – June 1970. URL: <https://hbr.org/1970/05/power-and-politics-in-organizational-life>.
  30. *Zaleznik A.* The managerial mystique: Restoring leadership in business // *Employee Responsibilities and Rights Journal*. 1990. Vol. 3. P. 167. doi: 10.1007/BF01388342.
  31. *Yiannis G.* Psychoanalytical approaches to leadership // *The sage handbook of leadership*.

The role of leader as a bearer of power and authority in a group/team: a psychoanalytic view

E.V. Shapovalova
A.V. Baizarova

Shapovalova Ekaterina Viktorovna, MSc Management (LUBS, Leeds, UK), MA Psychology (HSE, Moscow). Psychodynamic coach and business consultant, working with private clients and organisations, psychodynamic psychotherapist. Managing partner at Subcon Business Solutions, Senior lecturer on the Master's Program "Psychoanalysis and Business Consulting" at Higher School of Economics, Member of ISPSO, Board member and Certified Professional Business Coach of Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).

Baizarova Anna Vladimirovna, MA Psychology (HSE, Moscow), HR-expert with over 12 years experience in international companies and consulting with expertise in working with middle and top-management, cross-cultural and international teams. Member of International Society for Psychoanalytic Studies of Organisations (ISPSO), member of Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).

This article is about the role of leader and power from psychoanalytic theory perspectives. The interrelation between leader, leadership, power, authority and how it can be manifested in modern organizations are considered in details. The conclusions that were made in this article formed the basis for the study of a specific organization, and can also be used in the future for organizational cases' investigations. The article also reveals the internal connections and anxieties that arise in a leader at the moment of gaining power and in the process of retaining it, when he acts as its bearer.

Keywords: leader, leadership, power, authority, psychoanalysis of organizations, leadership concepts, leader and followers relationship, taking authority, succession.

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА

Психоаналитическое прочтение случая суданского иммигранта Мустафы Саида в романе Тайиба Салиха «Сезон паломничества на Север»

В.Ю. Виниченко

Виниченко Валентин Юрьевич – кандидат экономических наук, магистр психологии, психоаналитический психолог.

Общепринятый взгляд психологов и литературных критиков на произведение Тайиба Салиха «Сезон паломничества на Север» состоит в том, что жестокая межрасовая сексуальность Мустафы Саида в отношении британских женщин обусловлена бессознательным стремлением к мести за жестокую оккупацию Судана британскими колонизаторами. Данное объяснение также отражает и взгляд писателя на свое произведение, высказанный им в интервью арабским медиа. В статье предпринята попытка психоанализа динамики внутриспсихических конфликтов Мустафы Саида с использованием современных психоаналитических концепций, объясняющих внутриспсихические конфликты иммигрантов. Полученные результаты исследования оказались кардинально отличающимися от общепринятого устоявшегося взгляда и позволяют сделать вывод о том, что Мустафа Саид является отщепенной «плохой частью» писателя Тайиба Салиха.

Ключевые слова: Тайиб Салих, Мустафа Саид, психоанализ, иммиграция, коллективная травма, связывающий объект, эдипов комплекс, нарциссическая ярость, психоз, грандиозность, расщепление, оператуарность, избегающая привязанность.

«Метафорически выражаясь, Европа изнасиловала Африку в грубой форме. Мустафа Саид, герой романа, отреагировал на это доминирование противоположной реакцией, в которой был элемент стремления к мести. Своими жестокими завоеваниями женщины он хочет причинить Европе ту деградацию, которую она навлекла на его народ. Он хочет метафорически изнасиловать Европу».
Тайиб Салих. Четыре интервью

В исследовании используется материал романа «Сезон паломничества на Север» выдающегося суданского писателя Тайиба Салиха (1929–2009). Произведение Салиха описывает внутренний личностный конфликт, испытываемый на протяжении всей жизни талантливым представителем патриархального арабского общества Мустафой Саидом, столкнувшимся в период своего становления с военной и культурной экспансией британского колониализма в Судане, а позднее эмигрировавшим в Великобританию. Тайиб Салих опубликовал свой роман в 1966 году, через десять лет после обретения Суданом независимости. Долгое время литературное произведение было запрещено для публикации на родине писателя. В 2001 году «Сезон паломничества на Север» был отмечен Арабской литературной академией в качестве самого выдающегося арабского романа XX века.

Повествование в романе происходит в виде потока сознания двух персонажей: главного героя и рассказчика – иммигранта более молодого поколения, вернувшегося после семилетнего пребывания в Великобритании и потому имеющего собственные взгляды и представления о жизни и культуре обеих стран и описывающего главного героя через призму собственного восприятия. Безымянный молодой иммигрант описывает историю «черного англичанина» Мустафы Саида – уникально одаренного суданца, родившегося в год порабощения Судана, выросшего в эпоху колониального господства Великобритании, а затем продолжившего свое образование в Лондоне и сделавшего там блистательную карьеру. Карьера Мустафы Саида оборвалась из-за убийства им своей жены и самоубийства нескольких британских женщин, вызванных созависимыми отношениями. После отбывания семилетнего наказания в тюрьме Мустафа Саид возвращается в Судан и поселяется в суданской деревушке, где женится на местной женщине, относясь к ней (в отличие от своих отношений с британками) с абсолютной нежностью и отцовской заботой. Он пытается вписаться в местную патриархальную жизнь, что ему не удастся, он испытывает депрессию и совершает самоубийство, поручая рассказчику истории опеку над своими детьми. Молодая вдова Мустафы Саида впоследствии против ее воли выдается родственниками за ненавистного ей старика и убивает его, а затем и себя в момент его попытки сексуального сближения. Рассказчик истории также пытается покончить с собой, как и Мустафа Саид, но в последний момент осознанно выбирает жизнь

и ответственность перед своими близкими вместо забвения смерти, чем противопоставляет себя Мустафе Саиду.

Учитывая, что Тайиб Салих говорил о том, что писал роман, находясь под влиянием Фрейда, разбор психодинамики личностных конфликтов характера главного героя романа Мустафы Саида представляется своего рода психоаналитическим ребусом с отсылками к политической истории Судана, параллелями с биографией писателя, а также психоаналитической интерпретацией комментариев (или умалчиваний) Тайиба Салиха относительно своих идей и замыслов, нашедших отражение в его произведении.

Рождение Мустафы Саида и «избранная коллективная травма» суданцев

Главный герой «Сезона паломничества на Север» Мустафа Саид по замыслу писателя родился в столице Судана – городе Хартуме – 16 августа 1898 года. Думаю, что писатель не случайно дает своему герою точную дату и место рождения. Дело в том, что этот год в истории Судана был отмечен битвой при Омдурмане в пригороде столицы Хартум 2 сентября 1898 года, в ходе которой британская армия под командованием легендарного генерала Герберта Китченера разгромила освободительное движение махдистов, боровшееся за независимость Судана. Поражение махдистов стало вторым и окончательным завоеванием Судана Великобританией. Военные историки, описывавшие это сражение, указывали, что, несмотря на численное превосходство освободительного движения (50 тысяч человек против 26 тысяч), оно потерпело сокрушительное поражение: было убито около 11 000 повстанцев, 13 000 ранено и 5000 захвачено в плен. При этом британская армия потеряла всего 50 человек убитыми. По сути это сражение скорее было похоже на казнь и показало техническое и стратегическое превосходство британской армии и британской культуры в целом, если говорить более обобщенно. Сравнивая с настоящим временем, несопоставимость технического оснащения противоборствующих сторон была такой же, как при вторжении США в Ирак. Конные всадники, закованные в латы, вышли сражаться против пулеметов «Максим» британцев. В этой войне британцы впервые применили ныне запрещенные пули с полым наконечником, так называемые экспансивные пули (*expanding bullet*), которые расширились и многократно усиливали поражающее действие. Дело в том, что, борясь с сопротивлением колонизации в Индии, британцы столкнулись с тем, что даже раненые повстанцы продолжали ожесточенно сопротивляться и поэтому были разработаны пули с расширяющимся в форме цветка наконечником, наносящие максимальное поражение при попадании – дробящие кости при попадании в конечности и приводящие к смерти практически при любом попадании в туловище. Экспансивная пуля в виде смертоносного цветка представляется яркой метафорой британской военной и культурной колонизаторской экспансии в суданский патриархальный мир.

Если использовать терминологию Вамика Волкана, то битва при Омдурмане представляет собой «избранную коллективную травму» суданского народа (*Volkan, 1997*). Данная битва показала беспомощность и бесполезность сопротивления перед вторжением столь могущественной и настолько более развитой, практически неуязвимой цивилизации. В романе указывается, что отец Мустафы Саида умер в год рождения ребенка и, несмотря на то что об этом не говорится в книге, можно сделать предположение, что он мог быть убит именно на этом сражении. Возможно, отец даже мог видеть двухнедельного младенца перед сражением, и тогда становится понятна причина, по которой мать оказалась замороженной и бесчувственной именно из-за этой коллективной травмы и гибели ее мужа. Таким образом, получается, что Мустафа Саид родился в один из самых трагичных периодов и каком-то смысле история Мустафы Саида представляется метафорическим собирательным образом истории рождения и развития «избранной коллективной травмы» суданского народа.

Важно отметить, что, с другой стороны, сражение при Омдурмане составило «избранную славу» для «большой группы», представляющей собой британское общество. Вамик Волкан описывает «избранную славу» как общие мысленные образы прошлых событий и героев, вызывающие в «большой группе» гордость и удовольствие (*Volkan, 1997*). Генерал Герберт Китченер получил титула барона Китченера Хартумского (Хартум – столица Судана) за свою победу, а Уинстон Черчилль, участвовавший в этой битве, был преисполнен гордости, описывая ее позже в своих исторических трудах, пусть и порицая Китченера за массовое уничтожение раненых на поле боя (хотя впоследствии он изъял даже эти порицающие комментарии, опасаясь снижения своей популярности среди британцев). В Великобритании появились улицы с названиями в честь победы: Omdurman Road в Хэмпшире, Omdurman Street в Свиндоне, Omdurman Road в Саутгемптоне. Несколько улиц с этими же названиями появились и в Австралии. Тот факт, что и сейчас мы можем найти эти улицы на google-картах, свидетельствует о том, что в британской культуре данное уничтожение суданского народа, отстаивавшего свою независимость, до сих пор относится к страницам «избранной славы». И это не говоря уже о том, какое количество улиц и площадей в странах Британского содружества носят имя генерала Китченера. Семейная настольная игра «Битва при Омдурмане», выпущенная в 1982 году, также демонстрирует, что уничтожение суданцев до сих пор представляет собой «избранную славу большой группы» в коллективном бессознательном британского общества.

Детское развитие Мустафы Саида

Детское развитие Мустафы Саида характеризуется четырьмя важнейшими особенностями, заложившими основу его дальнейшего психического развития и оказавшими влияние на его судьбу: замороженность

скорбящей матери, избегающая привязанность, психическая оператуарность и пассивная эдипальная победа.

«Вечно скорбящая» мать

Отец Мустафы Саида умер незадолго до его рождения, оставив матери небольшие сбережения, которые позволяли им не испытывать нужду. Важно отметить, что на протяжении всего романа ни разу не упомянуто ни имя матери, ни имя отца Мустафы Саида. Его мать не вышла замуж во второй раз, они жили вдвоем, у него не было ни сиблингов, ни близких родственников. Мать была склонна к сдерживанию своих чувств, ее лицо не выражало никаких эмоций, она не позволяла себе улыбаться, вероятно, потому, что основной ее эмоцией была боль утраты своего мужа. Исходя из того, что она не вышла второй раз замуж, что большая редкость в арабском мире, можно предположить, что она сильно любила своего мужа и так и не смогла пережить горе его утраты.

Мустафа Саид так описывает свою мать: «Я и сейчас вижу ее перед собой как живую. Тонкие, плотно сжатые губы придавали ее лицу решительность. Оно временами было похоже на застывшую маску, а иногда выражение на нем сменялось неуловимо, как краски на море в ветреный день. Родственников у нас не было. Мы были одни на свете. Но мать оставалась мне совершенно чужой. Мы жили с ней как случайные попутчики, которых на время свела дорога. Может быть, я чем-то отличался от обычных мальчиков. Может быть, моя мать была необычной женщиной. Сейчас мне трудно судить. Но все у нас было не как в других семьях. Мы почти не разговаривали друг с другом» (Салих, 2013, с. 48).

В определениях Вамика Волкана можно определить мать Мустафы Саида как «вечно скорбящую». «Вечно скорбящие» по Волкану – это многолетние скорбящие, которые переживают свое горе, не доводя его до практического завершения и не развивая меланхолию (Волкан, 2012). Она не была иммигранткой и беженкой, но после колонизации страна уже не принадлежала народу, поэтому в каком-то смысле она была чужой в собственной стране. Ее холодность объясняется замороженностью психики вследствие неспособности проделать работу горя. Мустафа отчасти обвинял и себя в причине холодности матери, говоря, что он и сам понимал, что отличается от сверстников. На мой взгляд, отличие Мустафы от сверстников произошло именно по причине холодности матери, которая не была «достаточно хорошей матерью», если использовать определения Винникотта.

Избегающая привязанность

Вследствие холодности матери Мустафа Саид приобрел свойства избегающей привязанности, которая, по мнению Мэри Эйнсворт, представляет собой не что иное, как маскировку горя отверженности. Вырастая, такой ребенок во взрослой жизни обычно старается уклониться от близких отношений, держит партнера на расстоянии, может скрывать от партнера

свои чувства, при этом нуждаясь в близких поддерживающих отношениях и чувствуя себя одиноким. Мы видим паттерн этого поведения и у Мустафы Саида: «И такая свобода от всяких привязанностей радовала меня. Я читал и спал, когда хотел. Уходил, приходил, бродил по улицам, повинуюсь лишь собственным желанием. Никто мне не приказывал, никто мне ничего не запрещал» (Салих, 2013, с. 48).

Дети с избегающей привязанностью очень рано на бессознательном уровне понимают, что им не следует полагаться на родителей и что они должны сами позаботиться о себе для выживания. Так случилось и в жизни Саида, когда он, будучи неграмотным мальчиком, встретил британского военного, который привел его учиться в школу. Британский военный сказал Мустафе, что если он пойдет учиться, то потом сможет занять важную должность: «"Вот кончишь школу, станешь государственным чиновником и тоже будешь носить цилиндр", – сказал незнакомец. "Я пойду, пойду в школу!" – закричал я» (Салих, 2013, с. 48).

Школа представляла собой красивое каменное здание среди большого сада на берегу Нила, явно отличаясь от привычного деревенского окружения. Представляется, что та школа стала для маленького Мустафы символом власти и успеха и именно с тех пор Мустафа связал свою успешность в жизни с освоением знаний. С того времени, учась в начальной школе, затем в Каире и позднее окончив самый престижный в Великобритании Оксфордский университет, он был устремлен к одной цели – по его выражению, он рванулся вперед, как стайер перед финишем. Его не интересовало отношение учителей и учеников, он надеялся не на отношения и связи, а только на силу своего интеллекта. В его успешной карьере было много людей, помогавших ему продвигаться все выше и выше, но он не испытывал к ним благодарности, принимая их помощь как само собой разумеющееся, как атрибут, присущий его высокому интеллекту.

Очень часто дети с избегающей привязанностью демонстрируют раннее развитие и большую самостоятельность как сверхкомпенсацию недостаточной заботы взрослых. Все это мы также можем наблюдать у Мустафы Саида: «Почти сразу выяснилось, что у меня удивительная память. Стоило мне прочесть книгу, и она словно отпечатывалась у меня в мозгу. Арифметика давалась мне очень легко, и вскоре любая задача была мне нипочем. Писать я научился за две недели» (Салих, 2013, с. 49).

Пассивная эдипальная победа

Смерть мужа сильно травмировала его мать, и это отразилось на ее замороженности в состоянии горя и холодности по отношению к своему сыну. Очевидно, что мать не могла интерпретировать свои эмоции и не обсуждала с сыном переживаемое ею горе в связи со смертью мужа, который в условиях патриархального общества того времени выполнял функции покровителя и защитника. Похоже, она настолько была затоплена переживанием горя, что не могла бы говорить ни о чем другом с сыном. Мне кажется, что, по сути, его мать была ему как бы сиблингом, горящим по потере мужа-отца, поэтому даже при прощании она апеллировала к

отцовской воле, которая не позволила бы сыну уехать, но поскольку отца нет, она ничего не может поделать, потому что ничего не решает. Узнав о решении своего 13-летнего сына уехать учиться в Каир, она сказала, что его отец, если он был бы жив, не отпустил бы его и выбрал для него другую судьбу. При этом она добавила, что он сам вправе распоряжаться своей жизнью. Расставание было без слез, мать не пошла провожать его на вокзал.

Мустафа Саид, будучи недоинвестированным матерью с самого рождения, не смог занять место отца в доме, да он и не имел перед глазами примера роли отца в семье, поэтому он был занят исключительно своим спасением, и ему также не было дела до матери. Возможно, мать ожидала от сына, что он останется с ней и будет заботиться о ней, когда вырастет, о чем говорят ее слова, что его отец выбрал бы для него что-то другое, то есть она хотела бы, чтобы он заместил ее мужа-отца и заботился бы о ней.

В одной из статей, посвященных анализу романа, приводится другое объяснение того, почему мать отпускает Мустафу в Каир. Там говорится, что женщины в колонизированных странах потеряли чувство материнства в результате убийства. Эти женщины становятся неспособными выражать свои чувства к своим детям, и отправка детей из их страны может показаться лучшим способом обезопасить своих детей. Такие матери убеждены, что все, что может произойти с их детьми за границей, будет лучше, чем если они останутся на родине (*Muhaidat F. et. al.*, 2018). Мне кажется, что это объяснение в данном случае не работает, поскольку его мать считала, что отец как покровитель и наставник, желающий для Мустафы только лучшего, оставил бы его дома в Судане. Из этого я делаю вывод, что она тоже хотела бы, чтобы он остался с ней, но просто она не смогла настоять на этом в силу своей подавленности горем, а также в силу своей инфантильности и отношения к сыну как к брату, то есть равному, а в будущем как отцу – то есть старшему. Ее оставил муж, и теперь оставляет сын, не захотевший занять в будущем место ее мужа-отца. Несмотря на холодность матери, ее реакция на его отъезд была достаточно сильной для нее – по сути она сказала, отец его бы не отпустил, в этом присутствует явный упрек в неправильности его решения и ее намек на то, что он оставляет ее в беспомощном состоянии, в то время как она надеялась, что он в ближайшее время займет в доме место мужа-отца. Она дала ему большую сумму денег с собой, что также не говорит о безразличии, при том что он не нуждался в деньгах, поскольку ему была назначена стипендия и он ехал в приемную семью. Она не пошла провожать его на поезд, и в этом скорее кроется пассивное выражение обиды, а не безразличие. Если бы она была к нему безразлична, вряд ли она бы дала ему с собой достаточно большую сумму денег.

Оперативность Мустафы Саида

Недостаточное инвестирование со стороны матери обусловило определенную оперативность психического функционирования Мустафы Саида. Ребенок может полюбить себя только после того, как его полюбила

мать. Холодная мать Мустафы Саида, даже если и любила его, не могла дать ему этого ощущения, будучи патологически замороженной в непроработанном горе. Поэтому у него не сформировалось позитивной Я-репрезентации и психический аппарат не смог присвоить себе структуру опыта позитивных отношений с объектом. В результате такой оперативности Мустафа Саид был безразличен к боли, похвалам учителей и зависти одноклассников, избегал дружбы с учениками, в целом проявлял безразличность к происходящему и не испытывал чувства вины, что говорит о патологическом формировании его Суперэго еще в детстве: «Я и сам чувствовал, что я не такой, как мои сверстники. Я не плакал, когда мне доставалось от товарищей, был равнодушен к похвалам учителя – все то, чем обычно живут подростки, меня не слишком трогало. Я был как резиновый мячик: бросишь в воду – не утонет, ударишь о землю – подпрыгнет» (Салих, 2013, с. 48).

Позднее в подростковом периоде оперативность Мустафы Саида проявится и в первых любовных отношениях, о которых он выразился как о небольшом приключении, что совсем не было так для первой девушки в его жизни: «Одна знакомая пылко в меня влюбилась, а потом не менее пылко возненавидела. Она сказала мне однажды: Ты не человек, а машина какая-то» (Салих, 2013, с. 51).

Подводя итоги анализу детского развития Мустафы Саида, можно сделать вывод, что замороженность «вечно скорбящей» матери, вызванная смертью мужа, обусловила формирование у Мустафы Саида избегающей привязанности и оперативного психического функционирования. Избегающая привязанность с присутствием ей стремлением выжить в этом мире и пробить себе дорогу в лучшее будущее любой ценой и оперативное мышление, лишившее его эмпатии и понимания замороженных страданий матери, определяет самостоятельное решение тринадцатилетнего мальчика уехать из дома и не воспользоваться своей пассивной эдипальной победой (пассивной – поскольку у него не было образа отца и не сформировалось бессознательной идеи изгнания отца), которая давала возможность стать главным в доме отца, занять его место и стать фигурой отца-мужа для своей матери.

Пубертатный период Мустафы Саида

Пубертатным периодом Мустафы Саида мы будем условно считать время между его отъездом из дома в Каир в возрасте около 13 лет и его отбытием на учебу в Великобританию в возрасте около 17 лет. Этот период жизни Мустафы Саида, как мне кажется, отмечен двумя важнейшими процессами: реанимацией эдипова конфликта и развитием нарциссизма.

Реанимация непройденного эдипова конфликта

В 13 лет Мустафа Саид получает стипендию и отправляется в Каир для продолжения школьного обучения на более высокой ступени. Он попадает в радушную английскую семью Робинсон, которым на тот момент

около 30 лет. Они бездетны и принимают его как сына. У них он пробудет несколько лет, и затем его отправят продолжать образование в Великобританию.

Особое значение с тех пор в жизни Мустафы Саида приобретает миссис Робинсон. Миссис Робинсон стала для юноши замещающей материнской фигурой. Она была полной противоположностью его холодной матери, похожей скорее на сестру, не имеющей над ним власти и во многом безразличной к его судьбе. Мустафа Саид особо отмечает, что она встретила его на вокзале в Каире и провожала, когда он отплывал в Лондон, была рядом с ним во время вынесения приговора суда – то есть присутствовала во все важные поворотные моменты его жизни. В отличие от родной матери, имени которой мы не знаем, он всегда почтительно называет ее по имени – «миссис Робинсон». Он вспоминал, что никогда не встречал такой нежной женщины. Она испытывала к нему материнскую нежность и умело игнорировала его отношение к ней как к женщине. И действительно, Мустафа Саид не воспринимал ее как приемную мать, материнскую фигуру, а относился к ней как к красивой молодой женщине. В обычный период прохождения эдипова конфликта (3–5 лет) Мустафа Саид рос без отца и, по сути, занял его место и пользовался вместе с матерью капиталом и домом, который тот им оставил. Мустафа в возрасте 13 лет остается единственным мужчиной в доме со всеми последующими отцовскими правами, но поскольку он рос без отца и родственников мужского пола в своем доме с матерью, к которой не испытывал детского сексуального влечения в силу ее холодности, он так и не столкнулся с эдиповым конфликтом в возрасте до 13 лет. Он стал пассивным эдипальным победителем в силу обстоятельств, он не испытывал бессознательных стремлений занять место отца рядом с матерью, он преследовал задачу выжить, и эта детская задача после поступления в школу трансформировалась в стремление учиться: по его словам, он почувствовал себя стайером перед финишной прямой. Возможно, что также роль отца для Мустафы Саида сыграла школа как институциональная отцовская фигура, но не с точки зрения психосексуального развития, а с точки зрения фигуры отца как выражения закона общества. Можно также предположить, что у него были какие-то отцовские фигуры в лице школьных преподавателей или инспекторов, которые он мог взять за образец мужской модели поведения, но поскольку эти преподаватели не присутствовали в контексте отношений с матерью, эдипов конфликт у Мустафы не имел места до тех пор, пока он не оказался в семье Робинсон.

Пубертатный период, таким образом, вызвал у Мустафы реанимацию непройденного эдипова конфликта. В это время, с 13 до 16 лет, мальчик обретает новую семью. Семья Робинсон бездетна и полностью поглощена заботой мальчике. О мистере Робинсоне Мустафа Саид говорит всего несколько слов вскользь с уважением, но относится к нему достаточно спокойно, даже можно сказать нейтрально, скорее как к фону и точно не как к отцовской фигуре – и без восхищения, и без страха. В его словах нет упоминания, чтобы мистер Робинсон был строг с ним, или восхищения талантами и личностными качествами мистера Робинсона. Все внимание

Мустафы сосредотачивается на миссис Робинсон, которой он, без сомнения, был очарован. Он описывает свое сильнейшее сексуальное возбуждение в тот день, когда они познакомились: «...вдруг почувствовал, что меня обнимают женские руки и к моей щеке прикоснулись мягкие губы. Аромат, исходивший от этой незнакомой женщины, пьянил, от ее прикосновения у меня закружилась голова» (Салих, 2013, с. 50).

Он говорит, что никогда не встречал за всю свою жизнь столь ласковой женщины, как миссис Робинсон, что она была ласкова с ним и делала вид, что не замечает его отношения к ней как женщине, а не как к замещающей материнской фигуре. Важно отметить, что в период пребывания в приемной семье (с 13 до 16 лет) он выглядел и ощущал себя примерно на 4 года старше, был достаточно независим от семьи Робинсон в финансовом смысле, поскольку мать дала ему с собой деньги, и, кроме этого, он получал стипендию. Думаю, что Мустафа не испытывал кастрационного страха (страха наказания) перед мистером Робинсоном как отцовской фигурой, что характерно для нормального процесса протекания эдипова конфликта. В 16 лет Мустафа отправляется на учебу в университет в Лондон, а миссис Робинсон остается с мужем в Каире. Позднее, похоже, что она переезжает в Лондон одна, поскольку из косвенных упоминаний в тексте романа мы узнаем, что миссис Робинсон жила какое-то время в Лондоне, была знакома с женой Мустафы Саида, при этом не одобряя его выбора, то есть была в курсе его деловой и личной жизни. Можно предположить, что она жила в Лондоне достаточно долгое время одна без мужа, который работал в Каире, изучая египетские древности, и был там же и похоронен впоследствии. Позже она одна без мужа поддерживает его все дни во время суда до самого последнего момента оглашения судебного решения: «Он плакал у нее на груди, а она гладила его по голове, целовала в лоб и говорила: не плачь. Не надо плакать, милый мой мальчик» (Салих, 2013, с. 50). Сразу после суда она уехала из Лондона, не в силах оставаться там после произошедшего, что также говорит о том, что она жила в Лондоне для того, чтобы быть рядом с Мустафой. Когда умер Мустафа Саид, мужа миссис Робинсон тоже уже не было в живых. Она решает написать биографическую работу об их жизни: «Они оба были незаурядными людьми, каждый по-своему. Достоинство Рокки заключалось в умении принести счастье другим. У Мози был необыкновенный ум, но ему была свойственна необузданность, опрометчивость. Он не умел ни испытывать счастья, ни давать его другим» (Салих, 2013, с. 100).

То, что миссис Робинсон называет обоих ласковыми именами, образованными одинаковым словообразованием (Рокки – мужа и Мози – Мустафу Саида), на мой взгляд, является еще одним подтверждением, что для нее это два равнозначных мужчины – не муж и сын, а скорее первый и второй муж. Интересно также отметить, что миссис Робинсон хотела, чтобы Мустафа звал ее просто по имени – Элизабет, что может служить намеком на их обоюдную психическую инцестуозность – бессознательную с ее стороны и достаточно осознанную со стороны Мустафы Саида.

Очень показательна фотография, которую Мустафа хранил всю свою жизнь: на ней миссис Робинсон обнимает Мустафу, который стоит между

ней и мужем, а муж обнимает их вместе – на мой взгляд, еще одна наглядная демонстрация разделения Мустафой Саидом семейной пары Робинсон. Все вышесказанное показывает, что в каком-то смысле Мустафа Саид вытеснил мужа из жизни мисс Робинсон. Можно даже говорить о том, что Мустафа Саид во второй раз оказался в детоцентрической ситуации эдипального победителя. И если в первый раз победа была пассивной, борьбы за мать не было, поскольку отец погиб, а мать была холодной и несоблазнительной, то во второй раз эта победа была в достаточной степени активной и осознанной.

Развитие нарциссизма

Период учебы в Каире отмечен для Мустафы Саида продолжением успешной учебы, в которой он оказывается на голову выше всех своих соучеников. Им восхищаются учителя, ученики смотрят на него с завистью, он устремлен вперед, к учебе в Лондоне – столице колониальной метрополии. Можно предположить, что именно этот период был для Мустафы Саида самым счастливым, поскольку в это время он строил огромные планы на будущее, имел любящую семью, к которой пусть и не был привязан сам, но все же пользовался ее теплом и поддержкой, был на особом счету у англичан. Как вспоминал о нем позднее его одноклассник, «он был настоящим феноменом. ... Держался замкнуто и отчужденно, как будто смотрел на нас сверху вниз. Свободное время он проводил в одиночестве. Близких друзей у него не было... даже учителя говорили с ним не так, как с нами... Любимец англичан, говорили мы. Мы его прозвали "черным англичанином" ... ни у кого из нас не было сомнения, что Мустафа Саид непременно станет важной персоной» (Салих, 2013, с. 60–61).

Недавние психиатрические исследования демонстрируют, что избегающий стиль привязанности связан с открытым нарциссизмом или претенциозностью, которые выражаются самовосхвалением и отрицанием слабостей (Курсаков, 2012), поэтому постепенное развитие нарциссизма у Мустафы Саида на фоне его объективных успехов выглядит закономерным. Он действительно был лучшим и самым способным учеником в Каире, его первого отправляют учиться в Англию. Атмосфера всеобщего восхищения, признания его выдающихся способностей и пророчества ему блестящей карьеры стала для него привычной как воздух – он дышал ей, это стало его средой обитания, он не понимал, как может быть иначе. Он сам говорил, что ему часто помогали, но он не испытывал за это благодарности, считал это само собой разумеющимся атрибутом его избранности: «Не раз и не два случай или судьба сводили меня с людьми, которые брали меня за руку и помогали подняться с одной ступеньки на другую. Я принимал эту помощь как должное, как будто эти чужие люди были мне чем-то обязаны» (Салих, 2013, с. 49)

Покидая Египет для дальнейшей учебы в Лондоне, Мустафа Саид не сожалеет о расставании с новой семьей, не испытывает сомнений и тревог по поводу своей адаптации на новом месте, он в силу своего уже сформировавшегося нарциссизма ожидает повторения привычного сценария своего

успеха (как в личной жизни, так и в карьере) на новом месте. Поэтому он не жалеет о расставании с семьей Робинсон: «...я был настолько поглощен собой, что не очень замечал, как Робинсоны меня любят... грусти я не испытывал. Я только мечтал поскорее добраться до Лондона, до следующей вершины, возвышающейся над Каиром... Стрела готова была лететь к неизвестным горизонтам...» (Салих, 2013, с. 51).

Взрослая жизнь Мустафы Саида в Англии

Британский период жизни Мустафы Саида связан с его продвижением в британском академическом обществе и одновременно катастрофическими событиями в его отношениях с британскими женщинами. На мой взгляд, кажущееся парадоксальным сочетание конструктивной линии поведения в академической среде и деструктивной линии поведения в отношении с британскими женщинами объясняется психической реакцией Мустафы Саида на столкновение с расизмом «принимающей группы» в терминологии Волкана (*Volkan*, 2018), что приводит сначала к идеям грандиозности и нарциссической ярости, а далее перерастает в психотическое расщепление его личности.

Столкновение с расизмом

В возрасте около 17 лет Мустафа Саид прибывает в Великобританию, заканчивает Оксфордский университет и благодаря своим уникальным способностям быстро достигает успехов в столичном академическом мире. В 24 года его приглашают в Лондонский университет читать лекции по политэкономии, а позднее он пишет ряд книг, посвященных экономическому развитию колониальной Африки.

Именно в этот период, приходящийся на 20-е годы XX века, Мустафа Саид сталкивается с непреодолимым для него расизмом британского общества. Конечно, он не был в изоляции от расизма, когда учился в суданской и каирской школах, но там британцы его выделяли и хвалили за отличный английский язык, продвигали вперед и пророчили большие жизненные успехи. На том этапе жизни Саида расизм не являлся ограничивающим фактором его продвижения в британском обществе. Его не интересовало отношение учителей и учеников, он надеялся не на отношения и связи, а только на силу своего интеллекта. В его успешной карьере было много людей, помогавших ему продвигаться все выше и выше, но он не испытывал к ним благодарности, принимая их помощь как само собой разумеющееся, как атрибут присущий своему высокому интеллекту. И все это работало до тех пор, пока он не попал в лондонское высшее общество, члены которого обладали не меньшими интеллектуальными способностями и потому уже не преклонялись перед достижениями Мустафы Саида, однако имели расистские предубеждения относительно продвижения африканца в высший свет британского общества. Получается, что, получив превосходное британское образование, впитав

в себя колониальную культуру и безупречно выучив язык, он все равно остается отторгнутым от британского общества.

Вот что говорил Саиду его профессор в Оксфордском университете: «Вы, мистер Саид, – лучшее доказательство того, насколько бесполезна наша цивилизаторская миссия в Африке. После всего, что мы сделали для вас, после всех тех поистине титанических усилий, которые мы приложили, чтобы дать вам образование, превратить в культурного, всесторонне развитого человека, вы ничуть не изменились, и можно подумать, будто вы лишь вчера спустились с дерева и покинули джунгли» (Салих, 2013, с. 77).

Другой из высокопоставленных знакомых Мустафы Саида, некто сэр Артур Хокинс, и вовсе не признавал его интеллектуальных достижений: «Вы, конечно, глупы и достаточно подлы. Но я ничего против вас не имею. Что поделаешь? Я и сам такой» (Салих, 2013, с. 78).

Расизм окружения настолько пропитал Мустафу Саида, что он усвоил себе навязанное ему представление «принимающей группы» о его дикости. В доказательство можно привести его описание знакомства с одной из британских женщин, где он говорит сам о себе, приписывая себе личность дикаря: «Наконец я ощутил, что для нее я уже не просто случайный знакомый, а личность, нагой дикарь с копьем в одной руке, с луком и стрелами – в другой, который – еще минута – уйдет охотиться на слонов и львов в делях тропического леса» (Салих, 2013, с. 55).

Формирование грандиозности

Мы видим, что в Англии Мустафа Саид сталкивается с непреодолимым расизмом столичного общества 1920-х годов, который проявляется в отношении к нему, несмотря на все его выдающиеся, даже по меркам британского общества, достижения. Он сталкивается с расизмом ежедневно и достигает потолка своего положения в обществе при безграничности своих амбиций. Ранее в Судане и Египте ему казалось, что нет неустранимых препятствий для его интеллекта. Но оказалось не так, как мечтали о нем его одноклассники. Они не знали его судьбы и слагали о нем мифы и легенды: «Английское министерство иностранных дел не раз использовало его для выполнения довольно сомнительных поручений на Ближнем Востоке. Сейчас он уже, наверно, давным-давно миллионер и живет, как лорд, в своем английском имении» (Салих, 2013, с. 62).

Его нарциссизм по инерции все еще продолжает активно развиваться, не замечая объективных ограничений со стороны расизма. В романе описывается архив его фотографий, где он запечатлел множество самых незначительных своих моментов жизни: он явно любит себя, все представляется ему важным: фото, где он просто смеется, на другом он купается, на третьем пишет за письменным столом, вот он за городом, а здесь он на рождественском празднике с короной (!) на голове. Нужно учитывать, что в 1920-е годы фотография была не так доступна, как сейчас, – похоже, что Мустафа Саид со всей серьезностью готовит

что-то вроде архива для потомков, которые захотят узнать обо всех подробностях его исключительной жизни.

Столкновение активно развивающегося нарциссизма с ограничениями расистского общества наносят Мустафе Саиду нарциссическую травму, поскольку в какой-то момент он все-таки приходит к ясному осознанию, что ему не добиться того положения, о котором он мечтал, возможно даже бессознательно, и которое было выражено в ожиданиях и мифах о нем его одноклассников. Вследствие получения нарциссической травмы у Мустафы Саида формируются защитные реакции по типу, который описывает Карл Белл в работе, посвященной связи расизма и нарциссического расстройства личности (*Bell, 1980*). В отношении пациентов, испытывающих на себе расистское отношение общества, Карл Белл, указывает, что у них есть несколько путей реагирования и психической адаптации к расизму. Находясь в уязвимой позиции, испытывая полное отсутствие сочувствия и принятия в расистском обществе, они, как правило, развивают деструктивную нарциссическую ярость и грандиозность. В редких случаях возможен благоприятный исход, когда для психологического выживания и интеграции психики индивид, испытывающий давление расистского общества, развивает в себе эмпатию, сострадание, мудрость и творческие способности. Развитие сочувствия, мудрости и творческих способностей в ответ на расизм «принимающей группы» у ряда одаренных афроамериканских музыкантов привело к зарождению музыки в стиле соул (*soul*).

Мустафа Саид, будучи в достаточно высокой степени оператуарным и не способным к эмпатии, опирающийся на свой мозг, острый, как нож, по его собственному выражению, не смог выработать положительную реакцию (впрочем, статистически крайне редко встречающуюся) на расизм принимающей группы и отреагировал в двух других формах – деструктивной нарциссической ярости и грандиозности. Столкнувшись с расистским неприятием себя, он противопоставляет западный и восточный миры друг другу. В этот период он пишет посвящение в своем автобиографическом дневнике: «Единомышленникам, тем, кто говорит только на одном языке и видит вещи либо черными, либо белыми, либо восточными, либо западными» (Салих, 2013, с. 101).

Нарциссическая грандиозность приводит его к идее борьбы с колониальной несправедливостью. Он описывает свое состояние в дневниковых заметках: «До тех пор пока слабые и немощные не получают землю, покуда не распустят по домам миллионные армии, я не в силах быть оптимистом. И лишь когда, задыхаясь от усталости и спотыкаясь, я добреду наконец до самой вершины горы и водружу на ней боевой стяг, а затем, переведя дух, приду в себя и соберусь с силами, – лишь тогда, дорогая, для меня наступит момент истины, и я испытаю, что значит быть пьяным от любви и счастья» (Салих, 2013, с. 56). Он участвует в Ассоциации по борьбе за освобождение Африки и говорит в своем ближнем круге, что освободит Африку с помощью своего пениса, подразумевая под этим свои возможности влюблять женщин и манипулировать ими.

Становится ясно, что, будучи лишен возможности попасть в ряды высшего британского общества на равных, Мустафа Саид получает нарциссическую рану и формирует у себя в качестве психической защиты грандиозность, видя в себе борца с колониальным британским режимом. Кроме этого, у него формируется и вторая психическая реакция, описанная Карлом Беллом, а именно нарциссическая ярость, направленная на мщение колониальному обществу.

Нарциссическая ярость к британским женщинам

Нарциссическая ярость отверженного Мустафы Саида искала объект приложения для мести британскому обществу и требовала своего выражения в реальности, а не только в метафорических описаниях водружения боевого стяга на вершине горы. Мустафа Саид проявлял себя в обществе в двух ипостасях: как светский ловелас и как академический ученый. Сфера политики, где могли бы проявиться в полной мере его эмоции ярости, была для него закрыта, как и вход в высшее общество, мы даже не знаем, имел ли он британское гражданство. В академической среде эмоции имеют, как правило, мало места, поэтому единственным направлением, куда мог быть выпущен пар его ненависти к белому обществу, стали женщины, которые представлялись для него достаточно легкой добычей. Наверное, можно даже сказать, что женщины стали объектом для приложения нарциссической ярости по принципу максимальной психической экономии.

Еще одной причиной выбора британских женщин в качестве мишени для нарциссической ярости мне представляется следующее: поскольку Мустафа Саид не прошел эдипов конфликт, выйдя из него по сути эдипальным победителем, он не вынес представление о семье как о стремлении к сексуальной близости с матерью, смещенной в будущее, на другую женщину – на то время, когда он сможет найти кого-то похожего на мать. Он использует женщин для удовлетворения извращенного нарциссического наслаждения, влюбляя их, обещая жениться и бросая, переходя от одной к другой или даже имея параллельно отношения сразу с несколькими женщинами.

В отношении британских женщин Саид проецирует расовую ненависть, от которой страдает сам. Агрессивно обращаясь с ними, он не обращает внимания на их чувства. Он не сочувствует им, хотя три из них кончают жизнь самоубийством после того, как он расстается с ними. В возрасте 24 лет, как раз когда он начал читать лекции в Лондонском университете, он имел одновременно связь с пятью женщинами, что не мешало ему заниматься научной деятельностью. Очевидно, что в эти отношения он выливал весь негатив, который не мог обратить в сторону академической среды, которая обеспечивала его материальное существование.

В романе упоминаются три женщины, пострадавшие от нарциссической ярости Мустафы Саида в его возрасте от 25 до 30 лет. С каждой из них он общался под вымышленным именем, на каждой обещал жениться и влюблял в себя, каждой был неверен либо бросил, в результате чего все

они покончили жизнь самоубийством. Их звали Изабелла Сеймур, Шейла Гринвуд и Энн Химменд. С Изабеллой Сеймур Мустафа Саид, мне представляется, реализовал фантазии о сексуальной связи с миссис Робинсон. При первой встрече с Изабеллой от нее веял аромат, который исходил от миссис Робинсон, когда она первый раз встретила его на платформе вокзала в Каире. Эта женщина была старше Мустафы на 15 лет, то есть примерно того же возраста, что и миссис Робинсон. Более того, она была примерно такой же комплекции и имела схожий темперамент. С ней его отношения были наиболее мягкими – она совершила самоубийство, но причиной была смертельная форма рака. Ее муж описан как достойный благородный человек, выступивший на стороне защиты Мустафы Саида, и, мне кажется, он выступает в романе аллегорией мистера Робинсона. Две другие девушки стали игрушками в его руках, он сознательно соблазнил и бросил их, чтобы причинить им страдание.

Я не склонен соглашаться с Тайибом Салихом, что Мустафа Саид жестоким обращением с женщинами мстит колониальному обществу. Думаю, что британские женщины стали тем коллективным объектом, на который он мог удобно и в достаточной степени безнаказанно излить свою нарциссическую ярость, подобно тому как грозовая молния ударяет в наиболее близкий к ней объект. Уже впоследствии этому действию Мустафа Саид приписал рациональное объяснение в рамках грандиозной идеи борьбы с колониализмом. Возможно, допустить еще и мотив бессознательной мести матери за ее холодность и за потерю отца (пусть и не по ее вине), принятие которого он не получил в детстве, а второй раз не получает его в Англии от метафорической отцовской фигуры британского общества. Можно также заметить, что все три пострадавшие женщины появились в результате случайного знакомства, были не похожи друг на друга и не все из них относились к высшему классу британской колониальной империи, которому якобы мстил Мустафа Саид.

Психотический регресс Мустафы Саида: убийство британской жены

В отношениях с британскими любовницами Мустафа Саид одержал «победу», но его жена оказалась еще более сильным нарциссом, и в отношениях с ней нарциссическая ярость Мустафы Саида наткнулась на непреодолимое препятствие, что приводит его к психотическому регрессу.

Роковая женщина в судьбе Мустафы Саида – Джейн Моррис – единственная не поддалась его нарциссическому обаянию и тем самым затруднила реализацию его нарциссической ярости. Встретившись с ним в первый раз, она смерила его взглядом и отвернулась. Второй раз при знакомстве с ним она сказала, что она ни разу в жизни не видела такой некрасивой физиономии, после чего Мустафа Саид поклялся отомстить ей. Он добивался ее руки три года и в возрасте около 35 лет женился на ней. Женившись на ней, он так и не смог влюбить ее в себя и подчинить себе. При этом она отказывала ему в близости несколько недель в их медовый месяц, флиртовала с мужчинами у него на глазах, изменяла ему, не

скрывая этого, уничтожала в приступах гнева его ценные арабские рукописи и предметы искусства, провоцировала его убить ее и дразнила его как неспособного на этот «мужской поступок». Их дом и спальня были полем битвы двух нарциссических личностей, и Мустафа Саид явно не был победителем. По его собственным словам, он превратился из охотника в добычу.

Таким образом, Мустафа Саид получает вторую нарциссическую травму от жены во время своего пребывания в Англии. (Первая травма была по причине, что он не смог влюбить в себя британское высшее общество, и оно его отвергло, то есть не были приняты его интеллект и все его заслуги). Вторая травма произошла потому, что его нарциссическая ярость, проявлявшаяся через обольщение и обесценивание женщин, споткнулась о непреодолимое препятствие – он не смог влюбить в себя и подчинить себе свою жену Джейн Моррис, в то время как он относился к женщинам как к собственности и добыче. Мало того, он был влюблен в нее сам, насколько это возможно для нарцисса. В этом случае была отвергнута его мужская составляющая, мужская привлекательность Убийство жены, думаю, совпадает с тем моментом, когда он окончательно понял невозможность пробиться дальше, это был момент его максимальной нарциссической ярости по отношению к британскому обществу. И здесь еще он получил нарциссическую рану как мужчина, чего раньше с ним не случилось. Две нарциссические травмы сняли оперативную защиту от психоза и привели его психику к расщеплению. Сцена убийства описана хладнокровно и отчужденно, и это может ввести в заблуждение, если не обратить внимание, что в самом начале Мустафа указывает на расщепленность своего «Я» в момент убийства: «Мое сердце устремилось к ней, едва я ее увидел, но внутри словно забушевало адское пламя» (Салих, 2013, с. 105).

Далее Мустафа Саид описывает, как именно произошло убийство: он заносит нож, Джейн Моррис просит, чтобы он ее ударил ножом, он вонзает кинжал ей в сердце, она благодарит его за убийство, говоря, что она его любит, а потом призывает его уйти из жизни вместе с ней. Он тоже признается ей в любви, но не убивает себя. На мгновение весь мир и все течение времени замирают и концентрируются в этой точке бытия. А после этого был суд, на котором расщепление психики достигает апогея: «Много долгих дней провел я в огромном лондонском зале суда. Я слушал, что говорят обо мне обвинитель и адвокаты, но мне казалось, что речь идет о постороннем человеке, дела которого меня совершенно не интересуют» (Салих, 2013, с. 52). Он чувствовал себя как живой труп, находился в состоянии транса, думал, что он выдумка и что он не существует. Характерно, что при этом на суде Мустафа Саид не испытывает чувства вины. После вынесения приговора он плачет, и его утешает миссис Робинсон. И он плачет над крушением своих надежд, он не сожалеет о смерти Джейн Моррис и других жертв своего нарциссического мщения, как он думает, колониальному обществу. А сейчас на суде он скорее в ярости, потому что ему приходится участвовать в процессе, который он считает фарсом.

Он подробно описывает свои мысли во время суда, в которых он оправдывает свои деяния, считая себя мстителем, возвращающим европейцам тот яд, который они принесли на суданскую землю: «Впервые пароходы поплыли по Нилу, везя на своих палубах не хлеб, а пушки. А железные дороги? Их проводили для переброски солдат. Школы строились, чтобы учить говорить "да" на их языке. Они занесли к нам заразу насилия особого сорта, европейского, – ничего подобного наш мир прежде не знал. С ними пришла эпидемия той губительной болезни, которая самих европейцев поразила не одну тысячу лет назад. Да, господа, да! Я капля того яда, который вы своей собственной рукой впрыснули в кровеносные сосуды истории» (Салих, 2013, с. 78).

Подводя итоги размышлениям о психотическом эпизоде убийства Джейн Моррис, хочется обратить внимание на бросающееся в глаза противоречие в рассказе Мустафы Саида: с одной стороны, он говорит, что он не Отелло, а мститель, с другой стороны – история убийства Джейн Моррис имеет явные аллюзии на сюжет шекспировской трагедии «Отелло». Это наталкивает на мысль, что рассказ о том, как происходило убийство, мог быть полностью или отчасти плодом психотического воображения Мустафы Саида, поскольку нет причин, объясняющих резкое изменение в поведении Джейн Моррис. Возможно, убийство по описанному Мустафой Саидом сюжету является пусть и не образцовой нарциссической победой для Мустафы Саида, как самоубийство трех женщин ранее, но все-таки это уже не убийство от бессилия перед более сильным нарциссом, а убийство по его просьбе, все-таки представляющее частичную нарциссическую победу.

С другой стороны, можно рассматривать этот психотический эпизод убийства британской жены как метафору амбивалентности Мустафы Саида к британской колониальной культуре, которую он страстно любил, но не мог ею обладать, не был ею признан, она отталкивала его, изменяла ему, считала его ниже себя, чувствовала над ним превосходство и свою неуязвимость, поэтому провоцировала его на убийство, чтобы доказать ему, представителю арабской культуры, его слабость, импотентность. Именно поэтому убийство произошло с помощью ножа – фаллического символа экспансии: экспансия арабской культуры в ответ на экспансию британской колониальной культуры. В пользу этого объяснения говорит тот факт, что Джейн Моррис (как метафора британской культуры) в ссорах уничтожала в квартире Мустафы Саида драгоценные рукописи и редкие предметы искусства исключительно арабского происхождения. Убитая им жена олицетворяет британскую культуру, которую он очень любил и от которой не мог отказаться. Отношения Саида и жены – метафора отношений британской и арабской культур внутри Мустафы Саида. Убив жену, он убивает в себе британскую культуру, не будучи в силах стать бикультурным, погрузиться в обе культуры и впитать их в себя, став «гибридным» иммигрантом в терминологии Салмана Ахтара (*Akhtar*, 1995).

Суд присуждает Мустафе Саиду семилетний срок наказания. Столь малый срок за убийство объясняется тем, что к Мустафе Саиду отнеслись

как к дикарю, пусть и образованному, и при вынесении приговора была сделана поправка на культурные различия. Как и где прошли его семь лет отбывания наказания, мы не знаем. В романе есть только одна фраза, где говорится, что после заключения он некоторое время поездил по миру – был в Париже, Копенгагене, Дели, Бангкоке – и лишь после этого вернулся в Судан и нашел себе пристанище в небольшой деревне на берегу Нила.

Заключительный период жизни Мустафы Саида в суданской деревне

После выхода из тюрьмы жизни Мустафа Саид, которому на тот момент примерно около 45 лет, похоже, полностью пересматривает свою жизнь и понимает, что его миграция, можно даже сказать паломничество, на Север для поклонения и приобщения к британской колониальной культуре не достигла своих целей, его мечты были разбиты. Он полностью меняет вектор движения и устремляется к своим корням на родину. Поселившись в этой деревне, он берет себе в жены местную девушку, у них рождаются дети, никто в деревне не знает о его прошлом, казалось бы, он полностью влился в местную жизнь.

Психотический регресс в результате приступа сильнейшей нарциссической ярости закончился в период его пребывания в тюрьме, и он испытывает горе по несбывшейся мечте. Работа горя Мустафы Саида в период его жизни в суданской деревне не была завершена, о чем говорит обустроенная в его доме специальная комната с железной дверью, в которой хранятся как реликвии его книги, фотографии и мебель, привезенные из Англии. Каждый вечер, проведя день в поле за работой в деревне, со своей женой и детьми, он запирается в этой комнате и проводит там несколько часов. По ночам его суданская жена слышит, как он произносит во сне имя Джейн и говорит что-то на неизвестном ей языке.

Комната с железной дверью представляет собой классический «связывающий объект», присущий «вечно скорбящим», описанный Вамиком Волканом. (*Volkan, 1999*) Многолетние скорбящие переживают свой траур, не доводя его до практического завершения и не развивая депрессию. Комната с железной дверью бессознательно связывает ментальные репрезентации потерянных людей и вещей с соответствующими саморепрезентациями скорбящего Мустафы Саида, становится психологической площадкой для его встречи с потерянными людьми или материальными объектами в Великобритании. Комната контролирует аффекты Мустафы Саида, относящиеся к желанию вернуть некоторые элементы, оставленные позади, и другие аффекты, связанные с его другим желанием – полностью попрощаться со своими потерями и несбывшимися надеждами в Англии. Таким образом, Мустафа Саид замораживает ситуацию и избегает психологических последствий, если любое из этих двух желаний выполняется. Он остается как бы одной ногой в Англии, каждый вечер возвращаясь туда и сидя часами в этой комнате. Поскольку связывающий объект, в данном случае комната, является внешним объектом

по отношению к Мустафе Саиду, оплакивание потери несбывшихся надежд также выносится вовне. Таким образом, он находит способ уйти от чувства болезненной борьбы внутри себя. Но при этом процесс оплакивания становится бесконечным из-за страха конфликта отношений с образами того, что было оставлено позади, и новыми образами, с которыми он сталкивается на родине, в суданской деревне.

Примерно через пять лет после его жизни в Судане он приводит все дела в порядок, дает распоряжения жене, что делать в случае его смерти, и через некоторое время в период разлива Нила уходит плавать, после чего пропадает, похоже, утонув в Ниле. Думаю, что причиной его суицида стала встреча в деревне с представителем нового поколения суданской иммиграции, молодого человека в возрасте около 25 лет, от лица которого идет вторая линия повествования в романе. Мустафа Саид сталкивается с опасностью раскрытия своего прошлого перед жителями деревни, поскольку молодой человек обратил внимание как он, будучи сильно пьяным, декламировал английские стихи с идеальным произношением. Мустафа Саид попадает в положение, вынуждающее его рассказать свою историю этому молодому человеку, для того чтобы не быть подвергнутым различным подозрениям в деревне. Это приводит его к дилемме: он рассказывает свое прошлое, в результате которого становится чужаком в деревне, либо он ничего не рассказывает, но всплывшие подозрения рождают фантазии деревенских жителей, и он также становится отверженным. По сути, он столкнулся с ситуацией, когда любое из двух возможных действий приведет его к отторжению из этого общества, подобно произошедшему в Лондоне. Думаю, эта дилемма вызвала у него психотическое решение: единственно возможным способом избежать повторения нарциссической боли, пережитой в Англии, но уже на родине, является самоубийство. Не случайно в своем завещании он просит молодого иммигранта позаботиться о его детях и оградить их от заразы тяги к перемене мест, которой этот молодой человек, по его мнению, смог избежать. Мустафа Саид считал причиной своей неудачной жизни иммиграцию и, поскольку потратил многие годы на пустую идею и не мог ничего уже изменить в своей жизни (как ему казалось), хотел уберечь своих детей от повторения его ошибок.

В последний период жизни Мустафы Саид идентифицирует себя с образом простого суданского деревенского жителя, стараясь, чтобы жители деревни не узнали о его прошлом. Столкновение с молодым иммигрантом и необходимость раскрыть свое прошлое нарушают его текущую идентификацию, вскрывает его горе (работа горя не была проведена в силу использования комнаты с железной дверью в качестве «связывающего объекта», в терминологии Волкана) и приводит к психотическому состоянию и патогенному магическому мышлению: «В моих ушах все время настойчиво и неотвратимо звучит далекий, могучий зов. Мне казалось, что моя жизнь здесь, в этой деревне, наконец, моя женитьба заставят его умолкнуть. Но нет! Вполне возможно, что это лишь плод моего воображения. Или такова моя судьба? Не знаю и ничего не могу понять» (Салих, 2013, с. 66). Руководствуясь этим «зовом», Мустафа Саид делает

последние распоряжения и совершает самоубийство в Ниле. Он выбирает суицид, как мне кажется, чтобы не испытывать повторной нарциссической боли отвержения и крушения надежд уже на родине, в суданской деревне, среди людей, которых он явно считал ниже себя.

Действительно ли Мустафа Саид мстил британским колониалистам?

Проведенный анализ показывает, что Мустафа Саид имел слабый уровень эмпатии и отчасти оператуарное функционирование вследствие отсутствия «достаточно хорошей матери». В описаниях своего детства Мустафа Саид не упоминает каких-либо случаев жестокости со стороны британцев, которые бы произвели на него неизгладимое впечатление. Напротив, он описывает себя как безразличного и незмпатичного ребенка. В пубертатный период он демонстрирует одно лишь стремление к учебе, которое обеспечит ему входной билет в высшее британское общество, и не вынашивает каких-либо идей восстановления социальной справедливости. Идея мести британскому колониализму появляется у Мустафы Саида уже после того, как, испытав на себе расизм «принимающей группы», он получает нарциссическую травму и формирует у себя в качестве психической реакции и защиты от травмы идею своей грандиозности, видя в себе борца с колониальным британским режимом. Кроме этого, у него формируется психическая реакция нарциссической ярости мщения отвергнувшему его обществу.

Нарциссическая ярость отверженного Мустафы Саида должна была выплеснуться вовне на реальный объект – не только в виде его текстов в дневниках, где он описывал водружение боевого знамени своей мести на завоеванной или отвоеванной им вершине. Как было показано выше, единственным направлением, куда мог быть выпущен пар его ненависти к обществу, стали британские женщины, которые представлялись для него достаточно легкой добычей. В любом случае, независимо от того, какие из возможных причин послужили выбором в качестве объекта ярости британских женщин, этот выбор был бессознательным и не был основан на идее сопереживания страданиям суданского народа. Мнимое сознательное обоснование этого выбора Мустафой Саидом при внимательном рассмотрении оказывается интеллектуализацией, прикрывающей бессознательный процесс. Поэтому я не могу согласиться с мнением автора, вынесенным в эпиграф, что Мустафа Саид жестоким обращением с женщинами мстит колониальному обществу за изнасилование Африки. Британские женщины стали для него самым простым и удобным бессознательно выбранным коллективным объектом, на который он мог без ущерба для себя излить нарциссическую ярость. И уже затем Мустафа Саид использует психическую защиту в виде бессознательной интеллектуализации и рационализации, объясняющую ему самому, почему он, как бушующее море, разбивает в щепки судьбы этих женщин. Кроме того, у него присутствовала вторичная выгода, поскольку эти женщины не только служили объектом для сброса

ялости, но и параллельно подпитывали его нарциссизм, будучи в восхищении от него.

Таким образом, мы приходим к выводу, что, если бы эмиграция Мустафы Саида в Великобританию сложилась бы для него более благоприятно или если бы его нарциссические ожидания не были бы столь высоки, то в этом случае он не стал бы демонстрировать агрессивное поведение в отношении британских женщин, поскольку не имел бы нарциссической раны.

Является ли Мустафа Саид отщепленной «плохой частью» Тайиба Салиха?

Ниже приведены две цитаты из интервью писателя, указывающие на то, что писатель проецирует свой внутренний бессознательный мир в литературные произведения и при этом отрицает связь этих проекций со своей личностью.

1) «Да, я женат. Моя жена шотландка. У нас трое дочерей. Почему людей так волнует личная жизнь писателя? Это не имеет значения! Это может быть важно при определенных обстоятельствах, но в большинстве случаев излишний интерес к писателю или художнику мешает читателю понять произведения искусства» (*Salih*, 1982, p. 12).

2) «Есть писатели, чей опыт превращается в длительные и сложные процессы, которые приводят к тому, что можно назвать сном. Я жду, пока не забуду личный опыт, пока он не превратится в моем сознании в сон до такой степени, что я не смогу сказать, является ли этот персонаж или это событие производным от реальной личности или события» (*Salih*, 1982, p. 3).

Учитывая стойкое отрицание Тайибом Салихом обоснованности интереса к личной жизни писателя, при том что писатель сам говорит об использовании своего бессознательного как инструмента творчества, думаю, стоит уделить этому внимание и попытаться провести психоаналитические раскопки произведения «Сезон паломничества на Север» на один уровень глубже. Ведь роман действительно наполнен многочисленными проекциями бессознательного писателя. Салих не отталкивается от конкретной истории или идеи, которую он хочет вложить в свое произведение, а проецирует свой внутренний бессознательный мир в мир художественного произведения.

Важно отметить, что Тайиб Салих в своем романе описывает историю Мустафы Саида через восприятие и поток сознания молодого иммигранта (в возрасте около 25 лет), изучавшего семь лет британскую поэзию в Англии и вернувшегося домой в родную деревню. Молодой иммигрант встречается Мустафу Саида, возраст которого на тот момент составляет около 50 лет. Получается, что встреча рассказчика и Мустафы Саида происходит примерно в 1950-е годы, в то время, когда Судан подготавливали к освобождению от колониального господства Великобритании. Возраст молодого рассказчика приблизительно равен возрасту писателя Тайиба Салиха, родившегося в 1928 году, и, на мой взгляд, писатель через этого

молодого рассказчика выражает свое сознательное и бессознательное отношение к Мустафе Саиду как представителю прошлого, травмированного колонизацией поколения.

Анализ доступной информации о биографии писателя и издание переведенных на английский язык его интервью арабским медиа (*Salih, 1982*) позволяет проанализировать наличие параллелей между биографией писателя и двух основных действующих лиц романа: героя его романа Мустафы Саида и безымянного рассказчика, молодого саудовско-го иммигранта, вернувшегося в свою родную деревню.

В одном из интервью Салих дает довольно скудную информацию о своем детстве. Он родился в 1929 году и жил в деревне Аль Дебба в центральной области Судана до десятилетнего возраста. Его отец был фермером и торговцем. В возрасте 10 лет Салих (как и его герой Мустафа Саид) посещает начальную религиозную школу, где занимается в основном изучением Корана. По его словам, там он получил свою идентификацию и сохранил ее на всю жизнь, считая себя верующим в Бога мусульманином. Уже в зрелом возрасте он говорил, что ощущает себя живущим в деревне до сих пор и что его корни находятся там. Здесь мы видим отличие от Мустафы Саида, который вернулся в чужую, а не свою деревню. С другой стороны, обнаруживаем сходство с молодым героем романа, вернувшимся в родную деревню.

На протяжении жизни Салих не прерывает связи с Суданом и посещает свою деревню каждый раз, когда приезжает в Судан – практически ежегодно на протяжении всей жизни. Название деревни Аль Дебба означает холм, и Салих говорил, что всю свою жизнь он занимается исследованием и раскопками своей идентичности в своих художественных произведениях. Для Салиха история Судана сосредоточена в этой области. Судан был под властью фараонов, затем был языческим, после этого христианским и затем стал мусульманским. Салих говорил, что его интересует исследование коллективного бессознательного суданского народа, поскольку без этого он не может понять свою собственную идентичность. Он поясняет свою мысль, говоря, что мы можем утверждать, что мы одно, но социологически или исторически мы можем быть чем-то другим. Это понимание пришло к нему благодаря тому, что он вырос в этой деревне, расположенной на пересечении торговых путей и образованной путем наслоения исторических слоев различных этносов (арабы, нубийцы, бедуины, европейские колонизаторы) и религий (древнеегипетской, языческой, христианской и мусульманской), и он чувствует себя очень обязанным своему детству в этой деревне. Из этих высказываний писателя можно сделать вывод, что сохранение своих корней и стремление к их глубокому постижению позволили писателю развить в себе бикультурализм, являющийся главным условием успешной адаптации иммигранта.

После окончания начальной школы в возрасте 15 лет он учится в колледже в столице Судана Хартуме, затем в Хартумском университете. В 1952 году Египет разрывает с Великобританией соглашение о совместном управлении Суданом и признает право Судана на независимость. Судан находится в периоде перехода к самоуправлению, и на волне этого

движения в рамках программы подготовки новых управленческих кадров Салих уезжает в 1952 году в возрасте 23 лет в Великобританию, где изучает политологию в Университете Лондона в составе группы одаренных суданских студентов. Здесь, конечно же, видна параллель и с Мустафой Саидом, и с молодым безымянным иммигрантом.

В 1956 году Судан обретает независимость от Англии, Салих остается жить в Лондоне, подобно Мустафе Саиду. Далее подробная его биография неизвестна. Мне удалось найти только, что он поселился на юго-западе Лондона, работал журналистом в арабской редакции ВВС в Лондоне, был руководителем драмредакции ВВС. В 1965 году в возрасте 36 лет он женится (примерно совпадает с возрастом женитьбы Мустафы Саида) на британке Джулии Маклин, от которой у него родилось трое дочерей и с которой он прожил в браке до конца жизни. Незадолго до своей свадьбы он публикует повесть под названием «Свадьба Зейна», в которой описывает деревенского суданского простачка-юродивого, которому благодаря доброму сердцу удалось жениться на первой красавице деревни.

В 1966 году, через год после женитьбы, он публикует роман «Сезон паломничества на Север». И хотя литературное творчество Салиха было ограниченным, его создание мифической деревни Вад Хамид на севере Судана, прообразом которой была, несомненно, его родная деревня, сделало его главным романистом в арабской литературе. Чуть позже он пишет свой последний роман («Бендер Шах»), после чего его интерес к писательству ослабевает. Он делает карьеру, став министром информации в Катаре, работает представителем стран Персидского залива в ЮНЕСКО. Представляется, что именно о такой карьере мечтал Мустафа Саид. На протяжении всей жизни Салих ежегодно посещает свою родную деревню подобно молодому иммигранту – второму герою романа. В браке, продлившемся всю жизнь, рождается три дочери. Можно даже сказать, что три дочери Салиха метафорически воскрешают трех погибших любовниц Мустафы Саида.

Тайиб Салих умер 18 февраля 2009 года в возрасте 80 лет в Лондоне, тело его было доставлено самолетом в Судан, где он был торжественно похоронен на кладбище Аль-Бакри в Омдурмане в присутствии президента Судана и многочисленных представителей политической и культурной элиты страны. Выбор места захоронения писателя в Омдурмане представляется очень символическим и далеко не случайным. Он похоронен не в деревне, в которой родился, не в столице Судана городе Хартуме – где он учился позднее, не в Лондоне, где он провел большую свою часть жизни и где живут пережившие его жена и дети, а в Омдурмане – городе-символе «избранной коллективной травмы» суданского народа. Возможно, слава народного суданского писателя, похороненного в Омдурмане, признанного во всем мире арабского интеллектуала, призвана вылечить коллективную травму суданского народа от поражения при Омдурмане, символизируя свержение британского культурного превосходства. Исследователи творчества Салиха проводят параллели между ним и Джойсом. Они указывают, что произведения Джойса можно рассматривать как доказательство того, что обычный ирландский писатель

может создать художественное произведение не менее сложное, чем тексты Шекспира, опровергая колониальные стереотипы об отсталости ирландской культуры. Также и произведения Салиха демонстрируют силу арабской литературы и доказывают, что разрыв между арабской и западноевропейской культурой значительно меньше, чем хотели бы себе представлять апологеты, оправдывающие колонизацию африканских стран повышением их культурного уровня. (*Isra Daraiseh et. al.*, 2018).

С этим мнением также перекликаются идеи Салиха о высокой мировой ценности арабской культуры, которые он высказал в одном из своих интервью: «Честно говоря, роман – одно из самых успешных произведений в арабском мире. В этой области арабы многого достигли. Правда, роман зародился в Европе: Толстой, Диккенс, Джордж Элиот. Но что с того! Это вовсе не означает, что они мастера этого вида искусства. На самом деле я считаю, что величайшие романы написаны не на Западе, а в Латинской Америке и Японии. А арабские романы не хуже этих» (*Salih*, 1982, p. 8.).

В романе повествование идет от двух лиц, которые не понимают друг друга и мыслят по-разному. Говоря о технике повествования, в романе Салих указывал в одном из интервью, что специально рассказывает историю Мустафы Саида как от лица главного героя, так и через рассказчика – молодого иммигранта. По его словам, он сделал это для того, чтобы читатель не искал автора в романе и разрывался между двумя противоречащими друг другу голосами. Действительно, в романе для каждого утверждения есть противоположное утверждение, в результате чего весь мир становится нестабильным и изменчивым, а читатель вынужден участвовать в процессе творчества, являясь как бы соавтором произведения через свое восприятие текста произведения. Интересно, что даже конец романа оставляет читателю место для выбора – мы так точно и не уверены, покончил ли Мустафа Саид с собой, утонув в Ниле, или он ушел из деревни, боясь разоблачения, и начал жизнь с нуля в новом месте.

Повествование от двух лиц в романе можно рассматривать на двух уровнях глубины. На первом, идейном уровне, мне кажется, имеет место противопоставление старого, травмированного колонизацией поколения и черно-белого восприятия в лице Мустафы Саида и нового молодого бикультурного поколения, которое воспринимает плюсы и минусы каждой из культур, является «гибридным» в плане своей идентификации, если пользоваться терминологию Салмана Ахтара. Думаю, что Салих не случайно оставил молодого иммигранта-рассказчика без имени и подробностей биографии, которыми он столь щедро наделил других, даже второстепенных персонажей. Думаю, автор хотел показать, что этот молодой рассказчик представляет собой целое поколение людей, подобно ему, автору романа, преодолевших коллективную травму колониализма. Мустафе Саиду были присущи предрассудки как в отношении себя, так и европейцев. Арабы представляли европейцев сексуально слабыми, а европейцы навязали арабам свое представление о них как безответственных и гиперсексуальных, инкорпорация которого показана автором в образе Мустафы Саида. Тайиб Салих же, как представитель молодого поколения, посвятил свое творчество искоренению этих предрассудков. И тогда

получается, что вся жизнь и даже похороны Тайиба Салиха в Омдурмане представляют собой реванш Салиха над англичанами тоже в битве, но уже культурной.

На втором, более глубоком уровне – уровне проекций бессознательно-го автора, представляется, что мы имеем дело с расщеплением Тайиба Салиха на «плохую часть» в лице Мустафы Саида и «хорошую часть» в лице молодого безымянного рассказчика. Англия в 1950-е годы, когда туда приехал на учебу Салих, тоже была во многом расистской и не отличалась высокой толерантностью. Нет ни малейших сомнений, что Салих сталкивался в своей жизни с вызовами расизма, подобными тем, с которыми столкнулся Мустафа Саид в его романе. Писатель разместил свои бессознательные деструктивные желания в образе героя романа. Мустафа Саид погиб, не смог адаптироваться в иммиграции в Лондоне и даже потом, вернувшись на родину, тоже не прижился и покончил жизнь самоубийством. Сам же Салих очень удачно адаптировался в иммиграции: закончил Лондонский университет, женился на британке (за год до публикации романа), жил в Лондоне, был руководителем драмредакции BBC, работал министром информации Катара, представителем арабских стран в ЮНЕСКО, при этом навещал свою деревню почти каждый год на протяжении всей жизни, то есть был абсолютно бикультурным.

Подводя итоги, мы приходим к двум выводам:

1. Если подходить к анализу динамики внутриспсихических конфликтов Мустафы Саида, не принимая в расчет личность писателя, можно сделать вывод о том, что агрессивное поведение Мустафы Саида с британскими женщинами является следствием полученной нарциссической раны отвержения расистским британским обществом. Нарциссическая рана вызывает психическую защиту в виде нарциссической ярости, которая по принципу максимальной психической экономии канализируется в направлении британских женщин. И уже впоследствии этому действию Мустафой Саидом приписывается рациональное объяснение в рамках грандиозной нарциссической идеи борьбы с колониальным обществом, которое до этого отвергло его притязания занять в нем высокое положение. Таким образом, если бы эмиграция Мустафы Саида в Великобританию сложилась бы для него более благоприятно или если бы его нарциссические ожидания не были бы столь высоки, то в этом случае он не стал бы демонстрировать агрессивное поведение в отношении британских женщин, поскольку не имел бы нарциссической раны.

2. Если учитывать личность писателя и обстоятельства его личной истории, можно сделать вывод о том, что Мустафа Саид является отщепенной «плохой частью» автора, в которой Тайиб Салих разместил свои деструктивные бессознательные желания, испытываемые им в период жизни в Лондоне во время написания романа. «Хорошая часть» писателя была размещена во втором главном герое – молодом иммигранте. Получается, что автор бессознательно занимался самотерапией в своих произведениях, что позволило ему стать бикультурным и хорошо адаптироваться в иммиграции в Англии.

Завершая статью, остается лишь задать риторический вопрос: смог бы Тайиб Салих прожить всю жизнь в счастливом браке со своей британской женой, не напиши он этот роман в первый год их совместной супружеской жизни?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вамик Д. Волкан* (2012) Расширение психоаналитической техники: руководство по психоаналитическому лечению. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа. 352 с.
2. *Салих Т.* (2013) Сезон паломничества на Север. Retrieved April 19, 2021. From https://royallib.com/book/attayib_salih/svadba_zeyna_sezon_palomnichestva_na_sever_bender_shah.html 173 с.
3. *Akhtar S.* (1995) A third individuation: Immigration. Identity and the psychoanalytic process. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 43, 1051–1084.
4. *Bell Carl C.* (1980) Racism: a symptom of the narcissistic personality disorder. *Journal of the national medical association*, Vol. 72. No. 7. 1980. P. 661–665.
5. *Isra Daraiseh et. al.* (2018) Tayeb Salih and Modernism's Season of Migration to the South. *IAFOR Journal of Arts & Humanities*. 2018. Vol. 5. Issue 2. Autumn. 51–67.
6. *Mario Mikulincer et. al.* // Пер. Курсакова А. А. Взгляд на психопатологию с точки зрения теории привязанности. *World Psychiatry*. 2012. No. 11. P. 11–15.
7. *Muhaidat Fatima et. al.* (2018) The Psychological Plight of the Colonized in Tayeb Salih's Season of Migration to the North. 14. 93–102. 10. 3968/10123.
8. *Tayeb Salih* (1982) Tayeb Salih speaks. Washington D.C. Office of the Cultural Embassy of the Democratic republic of Sudan. 78 p.
9. *Volkan V.D.* (1997) Bloodlines: From ethnic pride to ethnic terrorism. New York: Farrar, Straus & Giroux. 280 p.
10. *Volkan V.D.* (1999) Nostalgia as a linking phenomenon. *Journal of Applied Psychoanalytic Studies*. 1: 169–179.
11. *Volkan V.D.* (2018) Mourning, large-group identity, and the refugee experience. In *an Uncertain Safety: Integrative Health Care for the 21st Century Refugees*. Ed. B. Drozdek. New York: Springer.

A psychoanalytic reading of the case of the Sudanese immigrant Mustafa Saeed in Tayeb Salih's novel *The Season of Migration to the North*

V.Y. Vinichenko

Vinichenko Valentin Yurevich – PhD in Economics, Master of Psychology, Psychoanalytic Psychologist.

*The generally accepted view of psychologists and literary critics of Tayeb Salih's *Season of Migration to the North* is that Mustafa Saeed's violent interracial sexuality towards British women is due to an unconscious desire for revenge for the brutal occupation of Sudan by the British colonialists. This explanation also reflects the view of the writer on his work, expressed by him in an interview with Arab media. The article attempts to psychoanalyze the dynamics of intrapsychic conflicts of Mustafa Said using modern psychoanalytic concepts explaining the intrapsychic conflicts of immigrants. The results of the study turned out to be radically different from the generally accepted established view and allow us to conclude that Mustafa Saeed is a split-off "bad part" of the writer Tayeb Salih.*

Keywords: Tayeb Salih, Mustafa Saeed, psychoanalysis, immigration, collective trauma, object binding, Oedipus complex, narcissistic rage, psychosis, grandeur, splitting, operativeness, avoidance of attachment.

Беспомощность и всемогущество в жизни и творчестве Оноре де Бальзака

Е.В. Галенкова

Галенкова Екатерина Викторовна – психолог, психоаналитически ориентированный психотерапевт.

В статье «Беспомощность и всемогущество в жизни и творчестве Оноре де Бальзака» с психоаналитической точки зрения рассмотрены биография и автобиографические романы писателя: «Шагреновая кожа», «Луи Ламбер» и «Фачино Кане». Исследование направлено на осмысление жизни писателя, в которой почти все устремления были подчинены грандиозным планам и в то же время ощущению беспомощности и ничтожности. Исследуется гипотеза о том, что недостаточное отражение первичных потребностей Бальзака в детстве привело его к идентификации со всемогущей матерью и сильной амбивалентной связи с ней. Судьбы и влечения знаменитых «жителей» «Человеческой комедии», Рафаэля де Валантена и Луи Ламбера, раскрывают живое бессознательное самого сочинителя, стремившегося к идеальной жизни и идеальной женщине (матери). Материнское имаго сравнивается с той самой шагреновой кожей, которая ведет отсчет дням Бальзака. Анализ генограммы приводит исследователя к пониманию его роли в семье – роли замещающего ребенка, ищущего замещающую мать.

Оноре де Бальзак жил в другую эпоху, которой были свойственны другие нравы. Тем не менее его жизненный и творческий путь стал предметом размышления многих биографов, кинематографистов и журналистов, являющихся нашими современниками. Это говорит об актуальности и созвучности сегодняшнему дню проблем, отраженных в его творчестве. Психоаналитики также неоднократно обращали свой взор на литературное творчество писателя, находя различные проявления его идентичности в вымышленных и фантазийных героях.

С точки зрения практической значимости статья может быть полезна психоаналитическим психотерапевтам, которые сталкиваются в своей работе с трудностями понимания феноменов беспомощности и всемогущества. Это первая из двух статей, посвященных жизни и творчеству писателя. Во второй статье автор исследует вопрос, кто такая «бальзаковская женщина».

Ключевые слова: Оноре де Бальзак, шагреновая кожа, Луи Ламбер, беспомощность, всемогущество, оральное функционирование, замещающий ребенок, охваченность творчеством.

*«Коснусь я тайн высоких и святых.
Живут богини в сферах неземных,
Без времени и места в них витая.
О них с трудом я говорю.
Пойми ж: То Матери!
...Они вам незнакомы,
Их называем сами не легко мы.
Их вечное жилище – глубина.
Нам нужно их – тут не моя вина.
Где путь к ним?
Нет пути к ним. Эти тайны
Непостижимы и необычайны».*

И.В. Гете. Фауст. Часть 2. Акт 1. Сцена «Темная галерея»
(Пер. Н.А. Холодковского.)

История одного рождения

Теплым утром в июне 1828 года на площади Вандом в Париже стоял молодой человек 29 лет, тучный и нескладно одетый. Он смотрел на колонну Наполеона. Недавно он увеличил сумму своего долга на 50 тысяч франков, у него были две достаточно взрослые любовницы, которые вполне годились ему в матери. К этому времени под разными псевдонимами он успел написать достаточно большое количество рассказов на скорую руку. После нескольких мгновений созерцания своего героя он сказал: «Когда-нибудь я тоже покорю мир». Молодым человеком был Оноре де Бальзак.

Бальзак может считаться, а может и не считаться величайшим романистом своей эпохи. Вряд ли стоит искать ответ на этот вопрос. Он был выдающейся фигурой XIX века и жил в течение предназначенных ему 50 лет глубокой и интенсивной жизнью. Будучи романистом, он написал 30 неудачных и практически забытых романов, прежде чем приступил к монументальному труду, который мы знаем сейчас как «Человеческую комедию». Этот цикл сочинений стал полной историей французского городского и сельского общества XIX века. Эта история рассказывает читателю обо всех аспектах жизни общества, включая богатство, бедность, политику, преступность, войну, бизнес, социальный статус и сексуальное поведение. Бальзак писал обо всех и обо всем: о банках, торговле, фабриках, фондовом рынке, прессе и юридической профессии. Его произведения насчитывают более чем 2000 персонажей, которых мы можем увидеть на разных этапах их жизни, на центральных или второстепенных ролях в зависимости от книги и предмета. Этот цикл по грандиозному плану автора должен был включать 100 томов, из которых ему удалось написать 81. Безусловно, литературными шедеврами являются далеко не все произведения (особенно те, которые были написаны им в ранний период творчества). Однако существует общее критическое мнение, что примерно половина из них являются шедеврами. К ним относятся: «Утраченные

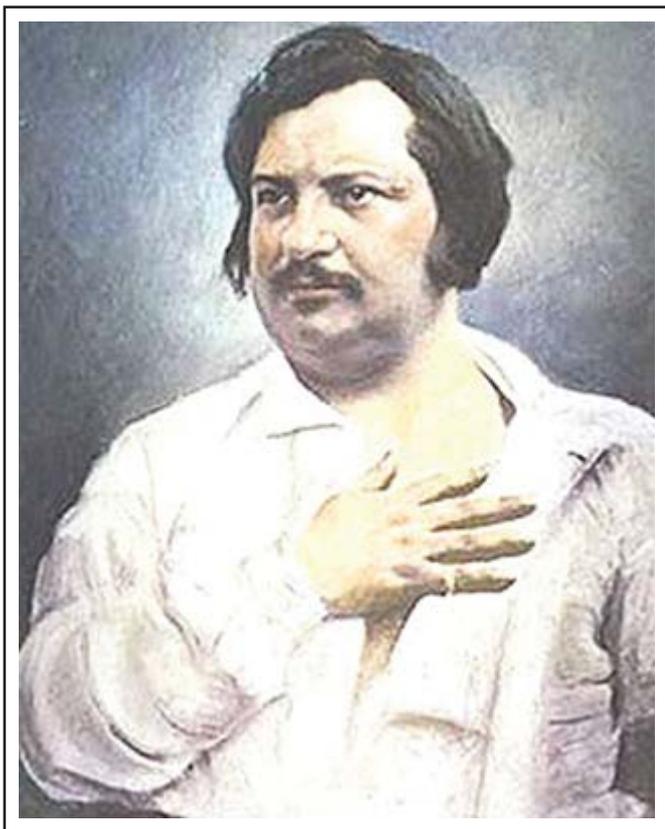

Рис. 1. Оноре де Бальзак

иллюзии», «Евгения Гранде», «Отец Горио», «Гобсек», «Шуаны», «Тридцатилетняя женщина», «Шагреневая кожа», «Лилия в долине» и многие другие.

Французский биограф Андре Моруа свой труд озаглавил как «Прометей, или Жизнь Бальзака». Прометей в мифе представляет влечение человека к умственному развитию, к владычеству над природой и спасению. В этом смысле название биографии может быть оправдано тягой Бальзака к познанию, открытию и всеобъемлющему описанию всех явлений человеческой жизни.

Мне всегда интересен вопрос: каковы корни происхождения человека, особенно когда это касается человека выдающегося? Каким удивительным образом смешались в Оноре де Бальзаке линии судеб его родителей и предков? Безусловно, мы не сможем проследить эту историю достаточно глубоко, но некоторые размышления приведем, опираясь на его генограмму (см. рис. 2).

Мне всегда интересен вопрос: каковы корни происхождения человека, особенно когда это касается человека выдающегося? Каким удивительным образом смешались в Оноре де Бальзаке линии судеб его

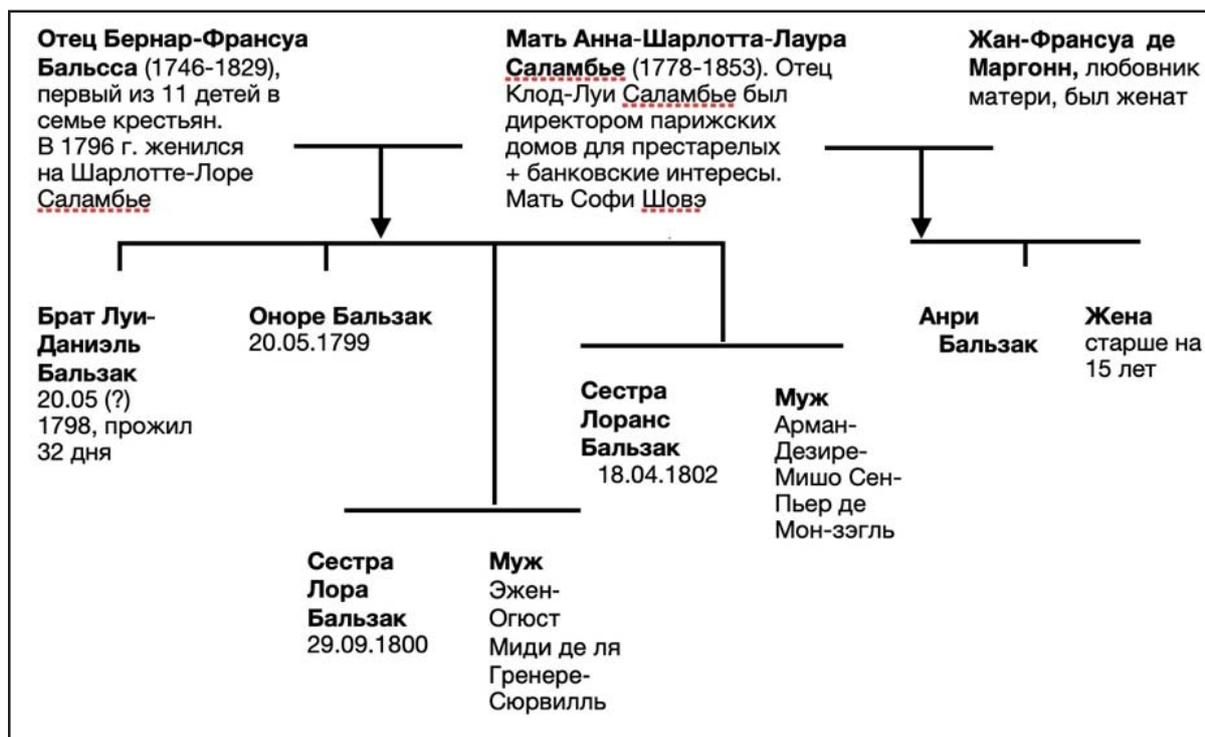

Рис. 2. Генограмма Оноре де Бальзака

Отец Бальзака – старший из 11 детей в семье крестьян – родился в деревушке Ля-Нугейрье департамента Тарн, расположенного в южной части Центрального массива. Биограф Бальзака пишет: «Отец... похвалялся весьма сомнительным и весьма отдаленным родством с древнегалльской рыцарской фамилией Бальзак» (Цвейг, 1961, с. 10). Он был настолько настойчив, что отредактировал свою фамилию, и односельчане стали звать его Бальзаком. Другой известный биограф Бальзака А. Моруа пишет: «Когда он подался в Париж, все его имущество составляли только подкованные железом башмаки, крестьянская куртка, цветная безрукавка да три рубахи грубого полотна; но в придачу он был наделен безграничным честолюбием и энергией, которой хватило бы на троих» (Нечаев, 2014, с. 10). Он быстро продвинулся по служебной лестнице, работал в Королевском совете, в службе снабжения Северной армии и в банкирском доме. Женится на матери Бальзака в 50 лет и стал помощником мэра в Туре.

Уже по одному этому абзацу, характеризующему отца Бальзака, мы можем составить впечатление о том, что это был за человек. Честолюбивый и энергичный, он, вероятно, так же прагматично подошел к выбору супруги, как и к выбору своей карьеры. При этом он был человеком, любящим жизнь, что в преклонном возрасте привело его к определенной теории режима и питания, которой он следовал. Бальзак, по всей видимости, перенял от отца определенную жажду жизни, любовь к книгам и женщинам, и его честолюбивые замыслы превзошли те, что воплотил отец. Ему, например, уже было недостаточно благозвучия фамилии Бальзак, и он, несмотря на огромные долги, имел экипаж с выдуманым семейным гербом и присоединил частицу «де» к своей фамилии. Во многих письмах Бальзак описывает мать и свои страдания из-за того, что был несчастен и покинут в детстве. Из-за важности отношений мать – дитя мы иногда склонны минимизировать важность других объектов в жизни ребенка. Отцу Бальзака было за 50, когда Бальзак родился, и он, конечно, не был отцом, который очень тесно связан со своей семьей. Тем не менее он был очень важной фигурой, и один из биографов Бальзака пишет о долгих прогулках, которые Бальзак провел со своим с отцом, и их разговорах о политике и природе. Но молодой Бальзак с восьми до пятнадцати лет провел вне дома, а по его возвращении его отцу было 68 лет! Фигура отца Бальзака часто остается в тени и проглядывает сквозь бесконечные треугольники в отношениях с женщинами. Отец предпочел не замечать связь матери на стороне, в которой появился еще один ребенок, мальчик. И для самого Бальзака наличие третьего в отношениях не является препятствием, мужа и дети у его возлюбленных лишь подогревают его интерес и желание добиться женщины.

С точки зрения психоанализа такие отношения раскрывают эдипальный конфликт Бальзака – скрытое соперничество с отцом и далее открытое соперничество с младшим братом, которого мать обожала. Вся боль и все негодование направлены на мать, женщине посвящено огромное количество сочинений. Видимо, отсутствующий большую часть времени отец так и не выполнил роль разделяющего третьего, который примирил бы

бессознательные влечения и сознательные чувства Бальзака. И тем не менее, несмотря на то что «берег» отца, скорее всего, остался для Бальзака чужим, не своим, другим берегом, и отношения с матерью остались в фазе симбиотического слияния, сам факт присутствия старшего мужчины в доме, как мне кажется, играл положительную роль. Фантазии о третьем развивали психический аппарат будущего писателя, испытывая предел его возможностей. Таким образом, миф об Эдипе здесь показывает еще одно важное значение – функцию познания и стремления к открытию законов бытия.

Мать Бальзака Шарлотта-Лора Саламбье, будучи на 32 года моложе супруга, потеряла первенца через 11 месяцев после свадьбы. Старшие дети супругов Бальзак Оноре и Лора были отданы кормилице и так никогда и не узнали материнского тепла. Позже в письме г-же Ганской Бальзак напишет: «Если бы вы только знали, что за женщина моя мать. Чудовище и чудовищность в одном и том же лице. Она ненавидит меня по многим причинам. Она ненавидела меня еще до моего рождения. Я хотел было совсем порвать с ней. Это было просто необходимо. Но уж лучше я буду страдать. Это неизлечимая рана. Мы думали, что она сошла с ума, и посоветовались с врачом, который знает ее в течение тридцати трех лет. Но он сказал: "О нет, она не сумасшедшая. Она только злюка..." Моя мать – причина всех моих несчастий» (Цвейг, 1961, с. 30).

Роль замещающего ребенка была уготована Оноре де Бальзаку с самого рождения. Оноре родился ровно через год после рождения брата Луи, который умер, прожив всего 32 дня. Что происходило в душе женщины, которая потеряла первенца в столь молодом возрасте, скорее всего, не получив поддержки супруга? В настоящее время мы бы назвали ее состояние депрессией, которая сделала ее холодной и отстраненной матерью, утратившей способность любить. Из-за этого, а также, возможно, из-за бессознательного страха причинить вред младшим детям она отдает их жить к кормилице. Но для детей ее поведение остается непонятным, как и для супруга, который, впрочем, не особо сокрушается по поводу ее «воображаемых» хворей и истерик. Потребность быть любимой она выражает так, как умеет, – жалуется на то, что ее недостаточно ценят и почитают. В доме она ведет себя как недоступная и контролирующая матрона. И это, отчасти, созвучно концепции «мертвой матери» А. Грина, в которой мать является не только недоступной, но и требовательной. И, может быть, оттого всю свою материнскую нежность она направит на третьего сына, рожденного вне брака. Но и эта любовь и чрезмерная опека не принесут этому сыну счастья, и он умрет в нищете в военном госпитале на одном из островков Коморского архипелага. По этому поводу Бальзак напишет матери в 1849 году: «Богу и тебе известно, что с момента моего появления на свет ты не осыпала меня ни ласками, ни нежными заботами. Ты поступила правильно. Если бы ты меня любила так же сильно, как любила Анри, я бы разделил его участь. В этом смысле ты была мне хорошей матерью» (Нечаев, 2014, с. 21). Здесь отчетливо прослеживается расщепление материнского имаго на плохую и хорошую мать – детский крик, тоска по любви, принятию и щедрым объятиям тонут под глыбой взрослой

рационализации: «Я выжил, потому что ты меня не любила, я выжил как бы сам по себе, мне не нужна твоя удушающая любовь и опека».

Мы еще увидим в дальнейшей судьбе Бальзака это страстное стремление восполнить дефицит материнской ласки. Нарциссический поиск идеального объекта будет сопровождать Бальзака всю его жизнь. И если «здоровый нарциссизм» можно охарактеризовать как полный доступ к истинному Я, нарциссическое расстройство можно понимать как фиксацию на «ложном» или неполном Я. Чтобы поддерживать любовь матери, какой бы она ни была, Бальзак развивал только те способности, которые, по его мнению, были нужны для того, чтобы им восхищались. Неприемлемые чувства должны были быть скрыты от окружающих и отщеплены от самого себя, для того чтобы избежать отторжения или стыда.

Пограничное функционирование выражалось в оральности характера Бальзака – он настойчиво требовал реализации своих желаний, которые трудно было удовлетворить. Их постоянный спрос и умоляющий характер характеризовались тоном нетерпения, неотложностью, заставляющей задуматься о неотложности голода. Оральные тенденции Бальзака проявлялись и в любопытстве и удовольствии наблюдать, а также в накоплении и поглощении знаний. Оральные черты, такие как чрезмерное употребление пищи и питья, желание усваивать знания, подчеркиваются всеми его биографами.

Высвобождение либидо из кровосмесительных отношений дает возможность направить его для более «приемлемых» целей. На примере Бальзака мы видим, что ему частично это удалось, несмотря на сохранившееся чувство обиды, которое преследовало его всю жизнь. Сублимация – это та защитная реакция, которую использует Бальзак, чтобы справиться с непереносимыми переживаниями, испытанными им в детском возрасте. При этом мы можем сказать, что судьба была более благосклонна к нему, потому что в семье родителей после Оноре родилось еще трое детей (младший брат, как уже упоминалось, от другого мужчины). Кроме того, непрожитое горе матери от потери первенца тем не менее удержало ее (скорее бессознательно) от того, чтобы назвать Оноре именем умершего сына. Мы знаем из биографий, например Винсента Ван Гога, Стендаля, Германа Гессе, насколько роль замещающего ребенка усиливается, если он носит имя того, кто был рожден до него. Замещающий ребенок не имеет права быть собой, он должен стать предшественником, он как бы приговорен к небытию, всю жизнь его сопровождает парадоксальное чувство вины. И в случае если такой ребенок один в семье, то гиперопека матери/родителей может привести к более патологичному жизненному сценарию и симбиотичным отношениям (Поро, 2014).

Мне пока не удалось найти в письмах и романах Бальзака упоминаний о событиях, предшествовавших его появлению на свет. Если это так, если упоминаний действительно нет, то можно сделать гипотезу о том, что чувства, которые он перенес на младшего брата, на самом деле адресовались старшему. Конкуренция, зависть, поиск своего места в семье родителей – все это, скорее всего, изливалось на младшего брата,

хотя в большей степени было направлено на первенца матери. Либи́до Бальзака, объектом которого некогда была мать, направляется им в юности на женщин старше его по возрасту и, можно сказать, играющих роль его «замещающей матери». Бабуля после смерти дедушки переехала жить к дочери, и для Бальзака это было вторым подарком судьбы – заботливая и добрая бабушка, хотя и не могла заменить мать, показала юному мальчику, что другие отношения в семье возможны. Бабушка Бальзака по материнской линии, которую внуки ласково звали бабуля Софи, по всей видимости, являла собой в восприятии Оноре Бальзака тот положительный, отщепленный образ теплой матери, феи, которой ему не хватало в детстве. Бабушка была очень дорогим и близким Бальзаку человеком, ее смерть его потрясла. Еще одним близким человеком для Бальзака была его сестра Лора, с которой они вместе жили у кормилицы и которую он по-отечески оберегал в детстве.

Девочки в семье Бальсса-Саламбье носят второе имя матери – старшая сестра Лора и младшая сестра Лоранс. В этом месте можно было бы пофантазировать о том, что для женского в семье нет другого имени, кроме имени матери. Нельзя отличиться и сепарироваться от матери? Мать будет звучать каждый раз, когда семья будет обращаться к младшим женщинам в доме. Так или иначе, было ли то требованием времени или нет, сестры Бальзака устроили свою семейную жизнь, получив женскую идентификацию. Мальчикам же в семье устроить семейное счастье почти не удалось. Имя Лора возникнет и в именах двух любовниц Бальзака – вначале в лице Лоры де Берни, которая стала для него заботливой и всепрощающей «замещающей матерью», затем в лице герцогини Лоры де Абрантес.

Всемогущая архаическая мать гуляет призраком по всей жизни Оноре де Бальзака и заглядывает в его произведения. Так, например, в «Фачино Кане» (рассказ, написанный Бальзаком в 1836 г.) мы знакомимся с историей главного героя, который ослеп после испытаний, связанных с поиском сокровищ. Герой буквально одержим тягой к золоту, она держит его в своих руках. Фачино Кане отмечает, что его мать во время беременности также страстно увлекалась золотом и его мания может объясняться этой врожденной страстью. Известно, что мать Бальзака была очень скупа и стремилась как можно больше сберечь, особенно когда финансовое положение семьи усложнялось в связи с изменением доходов отца. Скупость в деньгах, на мой взгляд, отражала и скупость в проявлении эмоций. Не поэтому ли ее сын так неистово стремился чудом обогатиться, покоряя все новых и новых женщин, в реальности или в фантазии?

Призрак матери, возникший в рассказе «Фачино Кане», сопровождает и самого Бальзака на протяжении всей его жизни. Мать пережила сына и после его смерти получала от его супруги, г-жи Ганской, пожизненную пенсию, таким образом вернув «вложенные» в него средства. Материнское имаго проявляется в герое и авторе в виде неуместного, повторяющегося, саморазрушительного образа их жизни. Можно представить, что материнское имаго Бальзака расщеплено на два полюса. Первой женщиной Бальзака была мадам Лора де Берни, несильно отличавшаяся по возрасту от его матери. Он нашел любящую, преданную и всегда готовую

прийти на помощь женщине. Холодная, далекая и даже опасная Эвелина Ганская воплощала собой противоположные качества. Интересно заметить, что в детстве скорее проявился этот негативный полюс в виде холодной и отстраненной матери. Далее, в лице Лоры де Берни он узнал, что такое преданная и полная самоотдачи женщина, а уже на закате жизни Эвелина Ганская соединила в себе и те, и другие качества, то приближая, то отталкивая Бальзака. Этот путь развития Эго Бальзака и поиска им идеальной женщины позволил ему в промежутке, равном 20 годам, открыть читателям бесчисленное количество образов мужчин и женщин, богатых и бедных, счастливых и обреченных, тех, кто составляет «население» «Человеческой комедии».

Творчество как проявление беспомощности и всемогущества писателя

Проведя почти все детство вдали от родительского дома, Оноре де Бальзак, должно быть, очень рано стал чувствовать, что его путь отличен от того, каким его видели родители. Дикая, волнующая сила уже влекла его в мир выдуманных героев, в мир, который часто был для него более реальным, чем тот, в котором он жил. Биограф Бальзака Стефан Цвейг так описывает эту силу: «Безжалостно, как тюремщик, она вновь и вновь загоняет его назад, на каторгу труда, и когда он, стремящийся наслаждаться жизнью, безмерно жаждущий любви, могущества и свободы, пытается выломать решетку и бежать, она каждый раз расстраивает все его замыслы и заковывает во все более тяжелые кандалы... Он защищается изо всех сил, он пытается ускользнуть от нее. Он всегда будет уповать только на чудо, мечтая одним ударом вырваться из своей тюрьмы. Он всегда будет мечтать о великой махинации, о богатой невесте, о каком-то магическом повороте судьбы» (Цвейг, 1961, с. 138).

Бальзак в самом начале творчества выглядит графоманом, которому неважно качество произведений, выходящих из-под его пера. Охваченный своей идеей литературного величия, он, как большая типография, выпускает все без разбора, лишь бы это приносило доход. Этот период жизни он прикрывает различными псевдонимами – как его современник Анри Бейль, известный нам как Стендаль. Бальзак позже также стал вести жизнь денди, имея репутацию блестящего и проницательного собеседника, посещал театры и салоны и был постоянно влюблен. Сочинительство под псевдонимами может говорить о том, что Бальзак долгое время находился в поисках своей идентичности, находясь во власти своего идеального Я. Вьелергле, лорд Р'Оон, Орас де Сент-Обен, Аврора Клото – это далеко не все известные нам псевдонимы Бальзака. Их количество, безусловно, меньше, чем у Стендаля, которое по некоторым оценкам составляет 129 имен. И тем не менее, видимо, бессознательное чувство вины за то, что он живет вместо его умершего старшего брата удерживало Бальзака от публикации романов от своего настоящего имени. Первый роман, подписанный Оноре Бальзаком (без частицы де), был представлен им только в 29 лет – это были «Шуаны».

Стремление к богатству и поиск идеальной возлюбленной – два самых сильных устремления Оноре де Бальзака, которые отчетливо прослеживаются всю его жизнь. Что касается первого, то все деловые предприятия, которые Бальзак начинал, неизменно оканчивались провалом, будь то идея открытия собственной типографии, издание газеты или собраний сочинений Мольера или Лафонтена, умещенных в одну книгу. Он даже выставлял свою кандидатуру в качестве депутата, готовясь оставить литературное поприще. Бальзак принимался воплощать задуманное, не утруждая себя подготовительными расчетами или взвешиванием возможных последствий. Еще в начале каждого предприятия он начинал подсчитывать скорые доходы, которые непременно принесут ему огромное богатство и с лихвой покроют прежние долги. О возможности увеличения и без того внушительной суммы задолженности он просто не желал слышать. Примечательно, что основную сумму его долгов затем погашали женщины: мать, любовницы, а затем и жена (госпожа Ганская), которая сочеталась браком с Бальзаком за несколько месяцев до его смерти – ей помимо творческого наследия супруга достались его огромные долги, которые она постепенно погашала. «Раньше или позже я сколочу себе состояние – как писатель, в политике или журналистике, при помощи женитьбы или какой-нибудь крупной сделки», – пишет он матери еще в 1832 году.

Провалы во всех деловых начинаниях заставляют Бальзака с еще большим упорством штурмовать литературное поприще. В «Луи Ламбере» – автобиографичном, но на скорую руку написанном романе, главный герой признается дяде в письме: «У меня совершенно отсутствует сосредоточенное внимание, необходимое для желающих сделать карьеру. Всякое меркантильное предприятие, всякая необходимость требовать денег у других дурно кончится для меня, и я разорюсь» (Бальзак, 1832). Это написано в том же году, что и письмо Бальзака матери. Луи Ламбер решил посвятить себя «свершению великих дел в области духовной». Герой романа уже знает, что он не сумеет преуспеть на двух поприщах одновременно. В сентябре 1833 года Бальзак пишет: «Я стану повелителем духовной жизни Европы! Еще два года терпения и труда – и я перешагну через головы всех, кто хотел связать мне руки и помешать моему восхождению. Я изведаль преследования и несправедливость, и воля моя стала тверже меди» (Цвейг, 1961, с. 229). Бальзак рисует замысел и будущие этажи «Человеческой комедии». Размах этого детища настолько грандиозен, что вряд ли подвластен даже группе нескольких писателей. Он же грезил своей идеей, создавая персонажи, которые переходили из книги в книгу, для них даже пришлось составить отдельный биографический справочник.

Все горести отвергнутого и ненужного ребенка, все его желания и страдания, одиночество и жажда любви постоянно требуют утоления и наполнения. И теперь уже, сколько ни черпай любви и заботы от дорогих и близких людей, этот бездонный колодец не сможет нарциссически наполниться. Дефицит первичного отражения матерью метко описывает Луи Ламбер: «Я чувствую себя сильным, полным энергии, я мог бы стать

могущественным; я ощущаю в себе такую просветленную жизнь, что она может воодушевить целый мир, и я точно заключен в какой-то минерал, как, быть может, заключены цветы, которыми вы любуетесь на шее у птиц с Индийского полуострова; надо было бы охватить весь мир и обнять его, чтобы переделать; но разве те, кто его таким образом охватит и переплавит, не начали с того, что были колесиками в машине? Я оказался бы раздавленным. Магомету – сабля, Иисусу – крест, а мне – никому не известная смерть; завтра я еду в Блуа, а через несколько дней лягу в гроб» (Бальзак, 1832). Так и в Бальзаке проявляются всемогущество, грандиозность и в то же время беспомощность и ничтожность – он не в силах противостоять натиску кредиторов, судебных приставов, вынужден скитаться по чужим домам и горько переживать отказы женщин, которые не согласились стать его любовницами.

Закаленный шестью годами Вандомского коллежа в духовной тюрьме у отцов-ораторианцев, Бальзак получает гомосексуальную идентификацию и черты сурового Сверх-Я. Об этих годах существует запись: «Оноре Бальзак, 8 лет и 5 месяцев, перенес оспу без осложнений, характер сангвинический, вспыльчив, подвержен нервной раздражительности, поступил в пансион 22 июня 1807 года, вышел 22 апреля 1813 года» (Цвейг, 1961). Это Сверх-Я будет снова и снова напоминать ему о его страданиях и заставляя чувствовать себя беспомощным «колесиком в машине». Может быть, всю дальнейшую жизнь он старался вырваться как раз из этой «тюрьмы», ища поддержку в женских фигурах, соперничая с отцом, братьями и мужьями своих любовниц.

В «Луи Ламбере» мы находим яркое описание чувств мальчика, который, словно сирота, проводил свои школьные годы в мрачных стенах коллежа. «Привыкнув к свежему воздуху... окруженный нежной заботой обожавшего его старика... он с трудом осваивался с жизнью в четырех стенах комнаты, где восемьдесят молодых людей молчаливо сидели на деревянных скамьях, каждый за своим пюпитром. Его чувства были так обострены, что развили в нем исключительную душевную тонкость, и он очень страдал от жизни в большом сообществе» (Бальзак, 1832).

Мечтательность и стеснительность самого Бальзака в детстве, естественная тяга ребенка к материнскому участию и ласке и невозможность получить ее сформировали в нем способность задавать вопросы об устройстве всего самому себе. Защитный механизм фантазии родил некоего гения, постигающего законы мироздания и создающего живые образы. С. Цвейг пишет: «Из множества его зеркальных отражений – Рафаэль в «Шагреновой коже», д'Артез в «Утраченных иллюзиях», генерал Монриво в «Истории тринадцати» – ни одно не является столь совершенным, ни одно не носит столь явственного отпечатка пережитого, как беззащитный ребенок, подвергаемый спартанской муштре в клерикальной школе» (Цвейг, 1961). Безусловно, перечисленные герои не могут быть полностью автобиографическими, они отражают какие-то самые трогательные, самые ранимые части Бальзака, каждый – свою. От лица Луи Ламбера говорит ребенок-Бальзак, здесь начинает формироваться Эго, развитие которого можно проследить в других произведениях.

То строптивый, то вялый и апатичный мальчик, который отстает в успеваемости от своих братьев, может неожиданно обогнать всех одним скачком, многократно получает наказание розгами и сажается в карцер просто за то, что он не такой, как все.

Эта фантазийная личность жила в другом мире, то был не двенадцатилетний подросток, а ученый. Книжки коллежской библиотеки были полным содержанием этого другого мира, реальная же жизнь, скорее всего, была призрачной и сумеречной. Внешность Луи Ламбера прямо противоположна внешности Бальзака – Луи, чувствительный цветок, может отражать внутреннюю хрупкость Бальзака. «У него были красиво очерченные, почти всегда влажные руки. Стройная фигура его могла служить моделью для скульптора... Его формы были изящны, позы грациозны, цвет кожи нежный; он не дрожал, выйдя из воды, может быть, потому, что избегал тени и стремился на солнце. Луи был похож на обладающие особой чувствительностью цветы, которые закрывают свои чашечки при малейшем ветерке и желают цвести только под безоблачным небом. Он ел очень мало, пил только воду; кроме того, то ли инстинктивно, то ли следуя своим вкусам, он был скуп на движения, требовавшие затраты сил; его жесты были сдержанны и просты, как у людей Востока или у дикарей, для которых серьезность – состояние естественное. Луи во всем был на высоте» (Бальзак, 1832). Интересным наблюдением является то, что Бальзак дает своему герою, внешне выглядящему как его антипод, имя Луи – так звали первенца его матери, родившегося ровно за один год до Оноре и прожившего 32 дня. Луи действительно был «на высоте», ведь он ушел на небо и навсегда остался в памяти его матери идеальным ребенком, которого она кормила грудью. Изящный, грациозный, с нежной кожей и скупыми движениями... Живой ли?

В романе мы находим удивительную, может быть, и слегка преувеличенную, но не настолько, чтобы оказаться неправдой, способность Бальзака постигать суть явлений: «Поглощение мыслей путем чтения сделалось у него весьма любопытным процессом: его глаз охватывал одновременно семь-восемь строчек, а ум впитывал их смысл с той же быстротой, как и взгляд; часто одного слова во фразе было для него достаточно, чтоб впитать весь ее сок... Его мозг, с ранних лет привыкший к трудному механизму концентрации человеческих сил, извлекал из этого богатого хранилища бесчисленное количество образов, восхитительных по своему реализму и свежести, которыми он и питался во время своих проникновенных созерцаний» (Бальзак, 1832).

«Проникновенное созерцание», которое часто описывает Бальзак, похоже на своего рода галлюцинирование, то есть претерпевание одиночества и отсутствия матери. При нормальном развитии эта стадия позволяет ребенку сформировать собственную идентичность, но в случае Бальзака мы видим, что мать отсутствовала слишком долго. Он всю жизнь пытался сепарироваться от нее и найти свое реальное Я.

Интересной деталью является то, что, по всей видимости, Бальзак также размышлял над возможностью «путешествия души» отдельно от тела и о значении сновидений. Во время прогулки к замку Луи Ламбер говорит

о том, что уже видел во сне то место, где они оказались, и приходит к выводу о том, что человек может жить двойной жизнью и у него есть «духовные способности, не зависящие от внешних физических чувств». И здесь, подражая Бальзаку, хочется воскликнуть: «Разве не о бессознательном Вы говорите, господин Оноре?» Конечно, Бальзак умер за 6 лет до рождения Фрейда, и теория о бессознательном только зарождалась, но гений Бальзака уже нащупывал те веяния, которые привели к революционным открытиям в сфере психического.

В долгих и пространных размышлениях Луи Ламбера можно уловить то, что Бальзак по сути открывал для себя и своих читателей сущность явлений, которыми занимается психология. Ведь перевод языка сказок, мифов, поэзии, зашифрованных до поры до времени, на язык психологии и мог стать той «новой наукой», о которой говорит Луи Ламбер. И это то, чем занялся впоследствии психоанализ.

Луи Ламбер выводит два закона жизни: действие и противодействие – это смутное нащупывание сил, названных З. Фрейдом влечением к жизни и влечением к смерти. Бальзак объясняет эти действующие начала, безусловно, иначе – действие воплощает желание или идею, а бездействие – их внешнее проявление. Из этой концепции получается, что в проявлении желания изначально заложено противоречие. Так же как в теории Фрейда реализация желания всегда имеет под собой скрытые бессознательные мотивы.

Бальзак идентифицируется с Иисусом Христом: «Иисус был ясновидящим, он видел в каждом явлении его корни и плоды, прошлое, его породившее, его действие в настоящем, его развитие в будущем; взор Иисуса проникал в умственную жизнь других людей» (Бальзак, 1832). К той же цели стремится и сам Бальзак, создавая целый мир в «Человеческой комедии». Поиск отца и закона в такой идентификации не противоречит его грандиозному замыслу – он сам является творцом новых миров.

Многие произведения Бальзака содержат философские отступления от повествования, где он предается тщательному описанию разных явлений, и часто такие отступления содержат вопрос, начинающийся с «разве не?». Например, в «Луи Ламбере»: «Разве не в эпоху своей юности народы создают себе идолов и догмы? А сверхъестественные существа, перед которыми они трепещут, – разве они не воплощают в преувеличенном виде их собственные чувства, их потребности?» (Бальзак, 1832). Из «Шагреновой кожи»: «...смотреть на разбросанные ее одежды, на шелковый чулок, который она вчера для вас так торопливо сдернула; на развязанный пояс, свидетельствующий о бесконечном доверии к вам, – разве это не несказанная радость? Разве не целая поэма этот пояс?» (Бальзак, 1831). Каждый такой вопрос, риторически задаваемый читателю, заставляет его как минимум усомниться в приводимом высказывании.

Бальзаку просто необходимо еще и еще раз отразиться в собеседнике, получить подтверждение верности его размышлений, найти единомышленника, потому такие отступления бывают длинными и пространными, как будто он пытается очень точно донести мысль, чтобы она стала понятной читателю. И здесь мы снова видим нехватку эмоциональной реакции

матери, в которой нуждался ребенок Бальзак. «Быть увиденным» имеет решающее значение, так как именно благодаря внимательному взгляду матери ребенок идентифицирует и узнает, что он или она чувствует, и осознает свой опыт, подтверждая наблюдение, что «предшественник зеркала – это лицо матери» (Винникотт, 1971, с. 112).

Длинные и пространные отступления в романах Бальзака порой навоят скуку, и за эту скуку он еще при жизни критиковался. При этом самого Бальзака критика приводила в нетерпение и желание конкурировать. Так, газета «Ля Пресс» начала печатать «Королеву Марго» А. Дюма вместо романа Бальзака «Крестьяне», что совпало с кризисным периодом в его творчестве. Бальзак также очень досадовал, что сюжет «Графа Монте-Кристо» был удачно использован А. Дюма, хотя у самого Бальзака была заготовлена похожая история и, на мой взгляд, в кратком изложении она же представлена в «Фачино Кане».

У истории нет сослагательного наклонения, и мы не знаем, явились бы миру все те творения Бальзака, если бы он не прошел муштру и годы лишений в коллеже. Без сомнения, этот период сделал его Эго сильным и тренированным, способным отстаивать свое мнение и свои интересы. Более того, именно этот период, скорее всего, сформировал в нем возможность мыслить иначе, что впоследствии привело к созданию нового жанра романа в литературном творчестве. Вполне вероятно, что поиск ответов, которые он задавал себе с детства, развили в нем ту восприимчивость и тонкость, которые свойственны фемининному аспекту. Таким образом, бессознательно открывая дорогу для сексуальности и даруя женщине свободу действий или хотя бы фантазию о ней, он активировал маскулинную часть своих читательниц.

Рене Руссийон в своем описании способов психического функционирования говорит о том, что этот неутоленный первичный нарциссизм во взрослом возрасте требует всего и сразу, немедленно – человеку жизненно необходимо получить то, чего он был лишен в детстве. Для того чтобы приблизиться к состоянию обладания всем необходимым во взрослом возрасте, человек реализует множество проектов, дел, занятий, чтобы в конце концов от этого отказаться. Только имея все в избытке, можно согласиться с отказом от этой потребности. Но как восполнить нарциссическую потерю, пережитую в самом раннем возрасте? Что если «достаточно хорошая мать» по Д. Винникоту так и не появилась? Все это вопросы, которые в каждом похожем случае имеют разные ответы.

Представляется, что в свое время Бальзак сделал все возможное, для того чтобы хотя бы встать на этот путь, интроецируя хорошие части своих возлюбленных. Он задавался множеством вопросов, тренируя свою волю и растягивая рабочий график. Однако же в главном – в изменении отношения к себе – мало преуспел, растратив здоровье в бесконечной борьбе с фантомами своего детства. Покинутость и неуверенность в чувствах приводят к тому, что Я идеальное затмевает Я реальное. Хрупкое Эго, свойственное людям нарциссического, а следовательно, пограничного функционирования, характеризует и Бальзака, ненасытно ищущего свой идеал и маниакально следующего своим идеям. «Трактат о воле» упоминается

и в «Луи Ламбере», и в «Шагреновой коже». Очевидно, это была та тема, которая очень интересовала Бальзака. И сам он, всю жизнь подгоняемый своими устремлениями и страстями своих героев, изо дня в день, из года в год проявлял недюжинный характер и волю, желая славы, известности и признания. Другая ассоциация, которая может возникнуть в связи с названием этого трактата, – это стремление Бальзака вырваться на волю, на свободу из темницы собственных бессознательных влечений.

В знаменитом романе «Шагреновая кожа» главный герой воплощает желания автора и гарцует между влечением к жизни и влечением к смерти. Тема романа – заключенный с дьяволом пакт, в котором человек продает свою душу за славу и неограниченную власть и платит за это самоуничтожением и смертью. С точки зрения психоанализа, этот пакт выражает попытку индивида вырваться из своих конфликтов, воздвигая иллюзорное, идеальное Я и деструктивно поклоняясь ему, что неизбежно приводит к тому, что он все больше отдаляется от своего настоящего Я.

Рафаэль де Валантен – главный герой человеческой комедии Бальзака. Мы встречаемся с ним в момент кризиса в его жизни, когда он собирается покончить жизнь самоубийством. Впоследствии нам дают краткую биографию его предыдущей жизни, благодаря которой мы узнаем, что привело его к точке кризиса. О его происхождении мы знаем только, что его семья гордилась аристократической родословной. Рафаэль был единственным сыном. Мы ничего не знаем о его матери, которая умерла рано в его жизни, так что доминирующим человеком в его детстве был его «высокий, худой, слабый, бледный, тихий, беспокойный, требовательный, беззаботный и холодный» отец. Большая часть интереса отца к мальчику заключалась в его желании «сделать из него государственного деятеля», чтобы он мог таким образом восстановить славу семьи. Рафаэль раздражался из-за ограничений, наложенных его отцом, и часто планировал убежать. Он страдал от отчаяния, которое «усыплял дремотой», отступая в фантазии и отрешенность.

Собственные желания Рафаэля выражены только в фантазиях о «любви». В этих фантазиях он видит себя обладателем любовницы, которая была бы подходящим партнером для той воображаемой личности, которую он характеризует как обладающую «страстным темпераментом, нежной душой и самой артистической натурой». Эта любовница будет ему покорна и откроет ему двери высшего света своим богатством, красотой и социальным положением. После смерти отца становится очевидным, насколько желание достичь славы и богатства было и собственным желанием Рафаэля. Робкий, застенчивый, неловкий, слабый, неуверенный в себе человек в своем воображении поднимается над своим чувством беспомощности. Этот конфликт показывает, как много агрессивных чувств Рафаэль скрывает под маской уступчивости.

В своем воображении Рафаэль искренний, простой и невинный. Он видит себя великим любовником и свою способность чувствовать и любить он описывает как сокровище. Он считает себя творческим художником, гениальным человеком, но эта картина настолько фантастична, что ему нужно подтверждение его гениальности от любовницы, которая будет

«вращаться» вокруг него. При этом он готов отдать жизнь за власть и престиж, описывая, какую жену он хочет иметь. «Она, которая на самом деле является женой... должна следовать туда, куда он ведет, в которой сконцентрированы ее жизнь, ее сила, ее гордость и счастье. Амбициозным мужчинам нужны эти восточные женщины, чьи мысли полностью направлены на удовлетворение их требований». На «восхождение на небеса без лестницы», то есть достижение славы без усилий, направлены все помыслы Рафаэля.

Всемогущество идет рука об руку с ощущением беспомощности, и, хотя Рафаэль считает себя обреченным на великие дела, на достижение силы и великого имени в литературе, его поклонение иллюзорному идеализированному Я привело к тому, что в отношении себя он говорит: «Мое мнение не имеет никакого веса... Я чувствую себя никем». Рафаэлю отчаянно нужно преодолеть значительно возросший разрыв между его идеализированным и презируемым Я. Ему нужно, чтобы внешний мир подтвердил его величие. Когда этого не происходит, когда ему не удастся найти «покладистую любовницу, которая надела бы корону на его голову, когда бы он стоял на пьедестале в своем богоподобном превосходстве», он меняет свое устремление. Он воплощает его в желании женщины, которая будет обладать всем величием, которое до сих пор ему было недоступно. Эта женщина будет королевой, богиней, которая не отдаст себя никому, кроме него. Мы можем видеть, что Рафаэль на самом деле был неспособен принять любовь в эпизодах, касающихся отношений с Полиной, пока она была бедной. Так и сам Бальзак искал идеальную женщину среди аристократических кругов Парижа и Европы.

Когда Рафаэль терпит неудачу на литературном поприще, в его жизни появляется Растиньяк. Он олицетворяет собой искусителя, фигуру, которая цинично помогает ему преодолеть разрыв между его идеальным и реальным Я. Таким образом Рафаэль встречает Феодору, свой последний шанс выиграть счастливый билет. Эта женщина представляется ему идеальной, он поклоняется ей, потому что он потерял всякую веру в свое настоящее Я и полностью посвятил себя стремлению к славе. Но, несмотря на все ухищрения и унижения Рафаэля, эта женщина остается недоступной и холодной. Такой холодной и недоступной звездой для Бальзака долгое время была Эвелина Ганская.

Рафаэль решает на самоубийство и в этот момент встречает «дьявола», с которым он заключает свой роковой договор. На самом деле трагедия жизни Рафаэля случилась еще до этой встречи, когда он отказался от самого себя, или же еще раньше, когда он потерял мать. Даже магическая шагреновая кожа не способна восполнить жажду Рафаэля. Ему нужно все и сразу, он не способен «соизмерять свои желания в соответствии с жизнью», как его предостерегает надпись, которая запечатлена на шагреновой коже.

Бальзак родился на 30 лет позже Наполеона и в юношеском возрасте видел его триумф и поражение. Он мечтал о не меньшей славе и выбрал своим девизом продолжение его дела, но в плоскости литературы: «Что он начал мечом, я довершу пером» (Цвейг, 1961, с. 117). Оба «завоевателя»

ушли из жизни, едва перейдя 50-летний рубеж. Бальзак сражался за свое место в жизни так же, как Наполеон сражался на реальном поле боя, только его верными солдатами были кофе, вороньи перья и писчая бумага особого сорта. Бальзак пишет: «Кофе проникает в ваш желудок, и организм ваш тотчас же оживает, мысли приходят в движение, словно батальоны Великой Армии на поле битвы. Сражение начинается. Тяжелой поступью шагают воспоминания с развернутыми знаменами. Легкая кавалерия сравнений скачет великолепным галопом. Артиллерия логики подъезжает со своими орудиями и снарядами. Остроумные слова мечутся, как стрелки. Встают образы, бумага покрывается чернилами. Битва начинается и кончается потоками чернил, как настоящее сражение – черным порохом...» (Цвейг, 1961, с. 179).

Такие же сражения происходили на письменном столе после того, как набранные гранки передавались Бальзаку из типографии – все не то, все не так, переписать, исправить, перечеркнуть, удалить целые абзацы. Кавалерийская атака разносит в пух и прах все написанное ранее, и наборщик типографии получает обратно еще более неразборчивый и неудобочитаемый экземпляр. Бальзак переписывает историю своей жизни! Но если бы это было так просто – взять и одним росчерком пера удалить самые неприятные детские воспоминания. Нет, раз за разом отправляя в типографию исправленные листы, он уже ничего не сможет изменить в судьбе мальчика Оноре. Однако же эти исправленные листы многое могут изменить в судьбе французской и мировой литературы.

Рождение нового героя, обладающего некоторыми своими чертами, и проживание его жизни – лекарство, которым спасается Бальзак. Нужно объяснить себе и понять очень многое, поэтому он напивается чужими жизнями, разговорами, проблемами – таким образом жадно восполняя те пробелы и даже дыры, которые остались у него с детства. Старик в «Фачино Кане», еще одно проявление Бальзака, говорит: «Слушая этих людей, я приобщался к их жизни; я ощущал их лохмотья на своей спине; я сам шагал в их рваных башмаках; их желанья, их потребности – все передавалось моей душе, или, вернее, я проникал душою в их душу... Я никогда не пытался определить источник этой способности; я обладаю ею и применяю ее – вот и все. Вам достаточно знать, что уже в ту пору я расчленил многоликую массу, именуемую народом, на составные части и исследовал ее так тщательно, что мог оценить все ее хорошие и дурные свойства» (Бальзак, 1836).

Некоторые мистические способности к ясновидению на грани безумства характеризуют и Луи Ламбера. Видимо, Бальзак так пытается объяснить себе свою одержимость писательством. Можно представить, что титанические усилия Бальзака направлены на реализацию страстного желания обладать вниманием хотя бы его читателей, если не женщины и матери. То, что Бальзак-ребенок недополучил от родителей, он получает сам, задавая разные вопросы самому себе, используя свою память и наблюдение, чтобы понять, как устроен мир. Поэтому Бальзаку нужно писать больше, быстрее, быть как можно более плодовитым, не останавливаться ни на час, не терять ни одной ночи творчества. Эта одержимость,

эта потребность мистическим взглядом проникать в суть вещей с точки зрения психоанализа позволяет залечивать те дыры, которые были не опосредованы человеческими отношениями, что дает возможность продвижения к коллективному бессознательному и часто оборачивается безумством или провидением.

Заключение

В первом разделе настоящей статьи мы проводили исследование генограммы Бальзака и говорили о том, что отсутствующий отец и холодная, отстраненная, контролирующая мать привели его к поиску внутри себя ресурса, благодаря которому он мог жить. Чтобы избежать отторжения и стыда, непереносимые и неприемлемые чувства необходимо было отщепить, скрыть их от себя и от окружающих. Такая избирательная функция затем проявилась в отношениях с другими объектами. Если нельзя полностью избежать гнева, зависти, отчаяния и других нежелательных чувств, их необходимо отделить. Эта потеря важных частей Эго Бальзака далее отвергается его грандиозностью, а когда полюс всемогущества истощается, когда происходит пробуждение большего чувства реальности, на сцену выходит депрессивное ощущение ничтожности и беспомощности, характерное для самого писателя, Рафаэля де Валантена, Луи Ламбера и других фантазийных персонажей «Человеческой комедии». Грандиозность, когда-то основанная на надежде достичь реального объекта, позже продолжается в интенсивной борьбе с интроектами. Что периодически и чувствует Бальзак, убегая в мир фантазий и вымышленных героев. И тем не менее подавленный человек чувствует себя как пустой дом, все еще защищаясь от боли. Смена мест обитания, с одной стороны, и накопление разных вещей и антикварных предметов интерьера – с другой, может говорить как раз о страстном стремлении Бальзака не чувствовать себя как этот пустой дом.

Роль замещающего ребенка, пришедшего в дом, в котором до него (пусть и 32 дня) жил другой ребенок, трудна и требовательна. Играть ее можно, только хорошо предварительно изучив правила: не задавать лишних вопросов, не просить участия и любви, самостоятельно искать ответы на свои вопросы, а кроме того, быть послушным и вообще лучше невидимым... Соперничать со старшим братом, который навсегда останется идеальным объектом, невозможно, это соперничество обречено на провал. Луи всегда и во всем будет на высоте, как говорит Бальзак о своем герое. Луи постиг суть мироздания и законы бытия, Луи – первенец и похититель материнской груди и любви. А Оноре только и остается, что кусать вороньи перья, сидя за рабочим столом, и грудь возлюбленной, находясь на смертном одре.

За всем богатством отношений писателя и его героев мы ощущаем чрезвычайную уязвимость, тотальное одиночество, пустоту, дыру, отсутствие опоры. По аналогии с концепцией «мертвой матери» А. Грина в персонажах и жизни Бальзака ощущается «закапсулированное горе», на месте которого зияет дыра. Беспомощность, депрессия, потеря смысла

от творчества, отсутствие удовольствия от всех видов деятельности – все это применимо к характеру Бальзака и его героев. Латание шагрени – вот что составляет смысл всей их жизни, но призрак матери мешает установлению новых полноценных отношений. И это подтверждает гипотезу, выдвинутую в начале, о том, что недостаточное отражение первичных потребностей ребенка-Бальзака привело к идентификации со всемогущей матерью, сильной амбивалентной связи с ней и необходимости посредством всемогущества доказывать свое право на жизнь.

Бальзак признавался, что обладает всеми несовместимостями. Он говорил, что те, кто считал его щедрым, упрямым, поверхностным, непоследовательным, глупым, небрежным, ленивым, сумасшедшим, были так же правы, как и те, кто говорил, что он экономный, скромный, смелый, цепкий, энергичный, трудолюбивый, настойчивый, молчаливый и образованный. То, что говорят его современники, только подтверждает это противоречие, которое было самой основой Бальзака. Амбивалентность доминирует во всех сферах его творчества и его жизни, наравне с верой в то, что человек способен «воссоздавать» объект, пытаясь таким образом решить антагонизм тенденций, преодолевая двойственность. Восстановить объект любви означает попытку спасти его от разрушения. Это означает стремление воссоздать жизнь, преодолевая муки разрушения и смерти.

Шагреньевая или «печальная» кожа говорит об отсутствии границ и ограничений. И это так похоже на автора этой метафоры. Теряются границы между психическим и телесным Я, между Я-реальным и Я-идеальным, между тем, что принадлежит Я, а что – другим. Это показывает уязвимость Бальзака к нарциссическим ранам из-за слабости психической оболочки и характеризует его пограничную структуру. Р. Руссийон говорит о том, что при нарциссической уязвимости наблюдается нарушение рефлексивной функции во внутреннем зеркале Эго (Руссийон, 2011). Рассеянность, ощущение отсутствия в своей жизни, наблюдение за функционированием своего тела и разума извне – все это характерно и для Рафаэля де Валантена, и для Луи Ламбера, и в какой-то степени для самого Оноре де Бальзака.

Рафаэль и Луи мечтают о любви и богатстве и в конце концов, добившись этого, погибают. Как будто им не о чем больше мечтать и нечего больше желать, ведь обычная жизнь без страданий, сверхусилий и борьбы может наскучить. И тогда идеальный образ возлюбленной померкнет, она станет обычной женщиной с присущими ей индивидуальными чертами и характером. Более того, герой уже не сможет играть роль себя идеального – он будет тем, кем является на самом деле. Нет уж, лучше сойти с ума или умереть – встреча с собой настоящим невыносима. Сам Бальзак такую встречу с собой тоже не смог пережить – в славе и богатстве, вместе с женщиной, которой он добивался 17 лет, он прожил всего несколько месяцев. Это была сделка по обмену жизни на всемогущество самого Бальзака.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анзье Д.* Я-кожа / Гер. с фр. под науч. ред. С.Ф. Сироткина, М.Л. Мельниковой. Ижевск: ERGO, 2011.
2. *Бальзак О.* Госпожа Фамиани. Электронная версия <https://www.litmir.me/br/?b=47812>
3. *Бальзак О.* Луи Ламбер. Электронная версия <https://www.rulit.me/books/lui-lamber-read-297538-1.html>
4. *Бальзак О.* Фачино Кане. Электронная версия https://royallib.com/read/balzac_onore/fachino_kane.html#0
5. *Бальзак О.* Шагреневая кожа. Электронная версия https://librebook.me/shagrenevaia_koja
6. *Бион У.Р.* Элементы психоанализа / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2009.
7. *Винникотт Д.В.* Игра и реальность. М., Институт общегуманитарных исследований, 2017.
8. *Винникотт Д.В.* Разговор с родителями. / Пер. с англ. М.Н. Покучаевой, В.В. Тимофеева. М.: Независимая фирма «Класс», 2012.
9. *Кинодо Ж.М.* Читая Фрейда: изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе / Пер. с фр. М.: Когито-Центр, 2012.
10. *Кляйн М.* Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников / Гер. с англ. А.Ф. Ускова. Спб., Б.С.К., 1997.
11. *Нечаев С.* Бальзаковские женщины. Возраст любви URL: <https://www.litres.ru/sergey-nechaev/balzakovskie-zhenschiny-vozzrast-lubvi-7354246/chitat-onlayn/>
12. *Поро М.* Замещающий ребенок. / Пер. с фр. М.: Когито-Центр, 2016.
13. *Тайсон Ф., Тайсон Р.Л.* Психоаналитические теории развития. / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2017.
14. *Ульник Х.К.* Кожа в психоанализе / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2017.
15. Уроки французского психоанализа: Десять лет франко-русских клинических коллоквиумов по психоанализу / Пер. с франц. М.: Когито-Центр, 2017.
16. *Ференци Ш.* Смешение языков между взрослыми и ребенком // Международный психоаналитический журнал, 1949. Электронная версия <https://psychic.ru/articles/classic70.htm>
17. *Фрейд З.* Об унижении любовной жизни (1912). Цикл из трех статей под названием: «К вопросу о психологии любовной жизни». Статья вторая. URL: freudproject.ru/?p=1962
18. *Фрейд З.* Психоанализ творчества. Леонардо да Винчи, Микеланджело, Достоевский URL: <https://www.litres.ru/ziigmund-freyd/psihoanaliz-tvorchestva-leonardo-da-vinchi-mikelandzhelo-dos/chitat-onlayn/>
19. *Цвейг С.* Бальзак. / Пер. с немецкого А. Голембы под ред. Е. Закс. М.: Молодая гвардия, 1961. (ЖЗЛ)
20. *Abram J.* (2014) De la communication et de la non-communication: la recherche d'un objet qui survivra. *Revue Belge de Psychanalyse*, 64(1).
21. *Almond R., M.D.* (2004) "I Can Do It (All) Myself" Clinical Technique With Defensive Narcissistic Self-Sufficiency *Psychoanalytic Psychology*, 21(3).

22. *Altman N.*, Ph.D (2005) Manic Society: Toward the Depressive Position. *Psychoanalytic Dialogues*, 15(3).
23. *Basescu C.* Ph.D. (2007) There'S No Such Thing as a Mother, *Contemporary Psychoanalysis*, 43:1.
24. *Diatkine G.* (1996). *Psychanalyse et sexualité. Questions aux sciences humaines, sous la dir. DeJ. Cournut, Paris, Dunod, «Inconscient et culture».*
25. *Freud S.* (1905 d) *Trois essais sur la vie sexuelle, ocf. p, v I, Paris, PUF.*
26. *Green A.* (1975) *La sexualisation et son économie. Revue française de psychanalyse*, 39 (5–6).
27. *Green A.* (1996) *La sexualité atelle un quelconque rapport avec la psychanalyse, Revue française de psychanalyse*, 60(3): 829–848.
28. *Green A.* (1997) *Les Chames d'Eros. Actualite du sexuel. P.: Odile Jacob.*
29. *Hirt J.M.* (2007) *L'Insolence de l'amour, Paris, Albin Michel.*
30. *Irigaray L.* (1979) *Et l'une ne bouge pas sans l'autre, Paris, Éditions de minuit.*
31. *Je, Il, Elle...* (2011) *Revue Belge de Psychanalyse*, 59.
32. *Kernberg O.* (1975) *The Borderline Condition and Pathological Narcissism. New York: Jason Aronson.*
33. *Laplanche J.* *Le Fourvoiement biologisant de la sexualite chez Freud. P.: Les Empecheurs de penser en rond, 1993.*
34. *Les 100 Mots de la sexualité, sous la direction de J. andré, Paris, puf, «Que saisje?», 2011.*
35. *Rosenfeld H.* (1949) *Remarks on the relation of Male Homosexuality to Paranoia, Paranoid Anxiety and Narcissism // Internat. J. Psycho-Anal. Vol. XXX.*
36. *Roussillon R.* (1997) *Le rôle charnière de l'angoisse de castration // Le mal Etre. Paris: PUF.*
37. *Roussillon R.* (2000) *Les enjeux de la symbolization a l'adolescence // Adolescence. № spécial.*
38. *Roussillon R.* (2008) *Postface à l'édition «Quadrige» de J. schaeffer, Le Refus du feminine.*
39. *Schaeffer J.* (1997) *Le Refus du féminin (La Sphinge et son âme en peine), Paris, puf, «Épîtres».*
40. *Schaeffer J.* (1997b) *Mal-être dans la sexualité // Le mal-être (angoisse et violence). Débats de psychanalyse. Paris: PUF.*
41. *Soler C.* (2005) *New figures of women. Psychoanalytic Review*, 92(4).
42. *Winnicott D.W.* (1971) *Le rôle du miroir de la mère et de la famille dans le development de l'enfant. Traduction française. Paris: Gallimard.*
43. *Winnicott D.W.* (1965) *The Theory of Infant-Parent Relationship // The Maturational Process and The Facilitating Environment. L.: Hogarth.*
44. *Winnicott, D.W.* (1990) *The Maturational Processes and the Facilitating Environment: Studies in the Theory of Emotional Development. London: Karnac.*

Helplessness and omnipotence in the life and work of Honore de Balzac

E.V. Galenkova

Galenkova Ekaterina Viktorovna, psychologist, psychoanalytical psychotherapist.

The article "Helplessness and omnipotence in the life and work of Honore de Balzac" from a psychoanalytic point of view examines the biography and autobiographical novels of the writer: "Shagreen Skin", "Louis Lambert" and "Facino Canet". The research is aimed at comprehending the life of the writer, in which almost all aspirations were subordinated to grandiose plans and, at the same time, the feeling of helplessness and worthlessness. The hypothesis is investigated that insufficient reflection of Balzac's primary needs in childhood led him to identification with an omnipotent mother and a strong ambivalent connection with her. The fates and inclinations of the famous "inhabitants" of the Human Comedy, Raphael de Valentin and Louis Lambert, reveal the living unconscious of the writer himself, striving for an ideal life and an ideal woman (mother). The maternal imago is compared to the very pebbled skin that counts the days of Balzac. The analysis of the genogram leads the researcher to an understanding of his role in the family – the role of a substitutional child looking for a substitutional mother.

Honore de Balzac lived in a different era, which was characterized by different customs. Nevertheless, his life and creative path became the subject of reflection of many biographers, filmmakers and journalists who are our contemporaries. This speaks of the relevance and consonance with the present day of the problems reflected in his work. Psychoanalysts also repeatedly turned their attention to the literary work of the writer, finding various manifestations of his identity in fictional and fantasy characters.

From the point of view of practical significance, the article can be useful for psychoanalytic psychotherapists who encounter difficulties in understanding the phenomena of helplessness and omnipotence in their work. This is the first of two articles on the life and work of the writer. Second article pays more attention to the phenomenon of "Balzac woman".

Keywords: Honore de Balzac, Shagreen Skin, Louis Lambert, helplessness, omnipotence, oral functioning, substitutional child, gripping by the oeuvre.